

ЖОВЯЌКА НАД БЕСАДОМ

БОЛГАРСКА ЕДИНОВЕРНА ПИСМАНИЦА

В мире есть особое кольцо. Кто найдет его, сможет управлять бесами.
Если те позволят, конечно...

Полина стряхнула с рук крошки, и голуби подпрыгнули. Сизые, толстые — они вовсе не походили на райский птиц из народных суеверий. Впрочем, если бы народ вживую увидел ту, о ком слагал предания, сказочные лубки сразу перестали бы вешать в красный угол.

— Она хочет, чтобы мы поехали в Черниговскую губернию, — рядом опустилась тень. От Владимира пахло лавандовой водой. Он был то ли пятым, то ли шестым наследником Белебеевской мануфактуры. Богатые, незнатные рода всегда мечтали об одном: остаться богатыми, но стать знатными.

Сирин, получеловек-полуптица, как-то сказала Владимиру: лучше самому заслужить дворянство, нежели жениться на младшей сестре младшего графа Волконского и всю жизнь краснеть на суаре.

— Она уверена, там появятся бесы? — спросила Полина. — Бесов никто не видел, даже монашки.

— Она уверена, что там появится кольцо, — сказал Владимир, — В чаше был черный дым. Сирин говорит, что такого раньше не было.

Сирин прорицала по старой, разошедшейся чаше. Кто-то верил, будто бы это не просто чаша, а самый настоящий, еретический Святой Грааль. Полина не верила, что у народной демоницы могла завалиться христианская святыня.

Хотя чаша обладала волшебными свойствами — налитая туда вода становилась красной, и от нее шел дым. В этом дыму каждый видел свое.

Полина никому не говорила, но уже несколько месяцев в дыму ей чудились черные тени. Поначалу они молчали, но недавно стали что-то шептать. Полина откуда-то знала, что стоит ей различить в шепоте слова — и дороги назад не будет.

Она подозревала, кто ей мерещился.

Она не собиралась посвящать в это Сирин.

— Черниговская губерния, — сказала Полина, — это же беспросветная глушь, да?

— Там Сирин как местное божество. Есть даже деревня, где все рукодельницы получают посвящение от Сирин.

— Кто бы мог подумать.

Полина не всегда так относилась к Сирин. Когда-то она очень любила ее и почитала, как свою спасительницу.

Песни Сирин успокаивали и давали надежду. Она обладала магией в самом сокровенном ее смысле.

Сирин сама была магией — то ли человек с крыльями, то ли падшая богиня. Сирин верила, будто бы когда-нибудь в мире воцарится правильный порядок. Она никогда не поясняла, что это значит.

Сирин не любила ясность или простоту. Она все запутывала и утаивала. "То, что воплотилось в слова, имеет шанс быть разрушенным, — говорила она, — потому мы будем молчать, пока не исполнится пророчество"

Однажды, во время магических упражнений по очистке пространства, Полина оказалась на тонком плане. Там все выглядело так же, с небольшими отличиями.

Печь, около которой утром поссорились Анфиса с Владимиром, была вся в бурых разводах, с налипшими кусками красной грязи. В плотном мире ссора как раз и произошла

по причине того, что печь отдраивали до дыр, стирая старинные магические рисунки. Анфиса считала, что так и надо, а Владимир злился — рисунки на печи помогали делать вкусную выпечку.

Владимир хотел сохранить их для своих мануфактур. Или хотя бы успеть перерисовать.

В тонком мире рисунки горели зеленым огнем. Где-то огонь еле теплился, и Полина догадалась, почему — здесь жесткая щетка Анфисы сделала свое дело.

Полина впервые оказалась в астральных сферах так надолго. Обычно ее сразу выбрасывало.

Поэтому, чтобы не тратить время попусту, Полина пошла к храму.

Храмом называли то место, где все общество собиралось для больших ритуалов.

На тонком плане в храм вела дорога из маленьких огоньков. Огоньки болтались в воздухе и выплескивали искры. Любой дух мог забрести сюда. Эта мысль Полине пришлось не по нраву.

В храме всегда горели свечи. На полотне, что висело над алтарем, были вытканы три женщины.

Во время длительных ритуалов казалось, что женщины движутся. Они меняли позы, одежду и украшения.

Полина вошла в Храм.

Алтарное полотно колыхалось. Только на нем было изображено другое — не три женщины, а одна. Она смотрела на прямо на Полину, ее лик был ужасен. И прекрасен. При взгляде на нее в голове проносились песни на незнакомых языках. У Полины возникло чувство, будто бы когда-то она знала эту женщину.

Она отвела глаза. В храме также горели свечи, сейчас их огонь был потусторонним, синим. Никого не было. Только блеклые тени бродили по Храму. Иногда они становились узнаваемыми. Вот тут Лукерья была одержима духом, и на астрале остался его огненный отпечаток. А здесь происходил ритуал плодородия, проступали призрачные обнаженные тела членов общества. Полина отвела глаза. За астральной копией ширмы она увидела тень Сирина. Ее крылья, не спрятанные под шалью, казались сделанными из серафинита. Собеседник Сирин скрывался за туманной завесой. На тонком плане не было запахов, но от его тени пахло тинной и сырой водой.

"Ты пожалеешь, — сказал он, — То, что ты делаешь, приведёт к войне. Водное царство никогда не поддержит тебя. Бесам не нужна хозяйка"

"Бесы — это третья сила. Без нее мир хромает и еле ползет, — ответила Сирин, и на миг лицо ее стало видно четко"

" Любая власть развращает. А из тебя она сделает чудовище"

Тут Сирин рассмеялась. Ее лицо пошло трещинами.

" Разве сова чудовище лишь потому, что поймала мышшь?"

Полину вынесло из тонкого плана. словно огромный магнит притянул ее сквозь времена и пространства. Она пролетела мимо огоньков, мимо печи, и упала на свою кровать.

Когда Полина открыла глаза, настоящий, плотный мир встретил ее запахом ладана. Полина поднесла руку к стакану с водой и замерла. Сирин искала кольцо бесов не для того, чтобы спрятать его ото всех. Неизвестный собеседник понял это, и не поддержал её.

Сирин хотела повелевать бесами.

***

Они приехали в пятницу, под ярмарку. На ней торговали окрестные деревни. Полина

купила липового меда в сотах, бочонок засоленных грибов и несколько куделей шерсти. В столице у Полины была на примете искусная вязальщица, которая делала изумительные муфты. По картам, следующая зима обещала быть студеной. Полина хотела подготовиться.

Утренний туман истаял. Солнце было белым, словно только что умылось.

— Что там? — спросила Полина, ткнув на самый высокий дом. Сначала она приняла его за часовню, но купола и крестов не было и в помине.

— Ткацкая мастерская, — ответила торговка, накладывая Полине крендельков. — Там платков видимо-невидимо. Я все мечтаю о таком, да дорогие. Однако ж красивее вы точно не видели. Они их сами сначала ткут, ткань ровная-преровная. А после вышивают, да так, что от картины не отличишь.

— Их, что ль, на стену можно вешать? — спросила Полина.

Торговка перевязала бумагу косаткой.

— Да я так вам скажу, такое не грех и в красный угол. Уж лепота!

Столь религиозное поклонение женским штукам Полине было не вчуже. После смерти маменьки она получила в наследство немного денег и месторождение руды. В руднике иногда находили самоцветы, которые Полина относила ювелирам. Она любила украшения, особенно когда узнала, что они могут стать талисманами и амулетами. Дома у Полины хранился сундук, наполненный причудливыми безделушками. Все это плохо влияло на духовность и кошелек.

Владимир разместил вещи в гостевой избе. На стуле уже стоял его саквояж. Из него выглядывали пучки полыни. На скатерти лежали карты мадам Ленорман. Они обещали, что успех совсем близко.

— Я спрашивал, откуда нам стоит начинать поиски. Очевидно, что кольцо не просто так тут оказалось.

— Думаешь, местный помещик проиграл его черту в карты?

— Это село — единственное, куда Сирин не может попасть. Мы обыскали весь свет...

— Всю столицу, — перебила Полина.

— Весь свет, — повторил Владимир, — Для Сирин нет границ и верст. Я был рядом когда случилось видение. Она сказала, что это и видением-то не было. Просто голоса. Они говорили, что нашли в Озерске странное кольцо. Оно выглядит старым, неказистым, но стоит надеть его, превращается в перстень с черным камнем. Камень сверкает даже ночью. Сирин сразу поняла, где искать. Да и черный дым...

— Судя по твоим картам, — сказала Полина, — кольцо рядом. А в видении так и прозвучало, Озерск?

Владимир посмотрел на нее.

— Откуда у тебя такие булки? — спросил он — Форма необычная.

Полина протянула ему кренделек.

— Палатка у входа на базар.

Она знала, что в самых сладких снах Владимир видит себя хозяином Белебеевских мануфактур. Или каких-нибудь других мануфактур. Потому он пойдёт и узнает рецепт крендельков, на случай счастливого будущего.

— Сирин сказала, что как-то приказала этому селу, а оно больше было раньше, не только Озерск, ещё там три деревеньки окрест были, исчезнуть долой с ее глаз. Она разозлилась на мастериц. Они получили дар, но не хотели стараться, плохо вышили ее портрет. С тех пор она не видит Озерск и окрестности. Не увидит, пока у кто-то из них не

получится настоящее произведение искусства.

— Видимо, мастерицы тут не настолько талантливы, — только и сказала Полина.

В доме Ордена висело множество картин, а музыку на ритуалах играли музыканты Большого. Однажды Сирина вернула художнику зрение, чтоб он снова мог рисовать — ей понравился незаконченный пейзаж, завешанный тряпками, печальный символ утраченных глаз. Она одаривала талантами, говоря, что магия и искусство подобны листу дерева с глянцевого и матовой стороны. Правда, в ком-то от взмаха крыльев Сирина развивалось безумие, а не поэтические склонности.

Когда за Владимиром закрылась дверь, Полина достала череп. Он принадлежал юноше, убитому в пути. Его дух мог блуждать по перекресткам веки вечные. Перекрёстков в мире много — и вымощенный булыжниками столичный, где лошади часто истирают копыта; и посыпанный песком деревенский, на котором сплетничают соседки; и лесной, поросший травой, где бродят мавки. Где-то про кольцо слышали наверняка.

Полина постелила на стол черную ткань. Зажгла свечу из свиного сала и печной сажи.

— Я призываю тебя, дух убитый, поднимись на мой зов, подчинись моей воле. Дмитрий, явись!

В книгах писали, что вызов мёртвого нужно делать в полночь. На полу костяным порошком стоило начертить защитный круг, а также воскурить стиракс. Полина этого не сделала. Она много раз призывала мертвых, ведь Сирина наделила ее даром иметь власть над потусторонним. Ну и лунатизмом, конечно.

Из глазниц вытекла струя тумана. В избе стало холодно.

"Что ты ищешь?"

— Кольцо.

"Оно за спиной"

Полина положила на череп руку. Туман стал гуще.

— За чьей спиной?

"Там, где не увидеть"

Пальцы обожгло холодом, и Полина отдернула руку.

— Дмитрий, подчинись моей воле! Скажи, где кольцо!

Туман потемнел, словно дым. Полине почудился запах гари. Она взглянула на свечу, но та горела ровно.

— Ты обретишь его.

Полина обернулась. Изба пустовала. Мертвые говорили шелестом листьев, шорохом песка и земли. Этот голос не принадлежал мертвым. Он звучал так, словно хор говорил в унисон. В голове загрохотал колокол.

— У нее за спиной. Возьмешь — и кровь вспомнит. Возьмешь — и дашь надежду, — протрубила многоголосица.

Волосы встали дыбом. Полина пальцами потушила свечу и выбежала на улицу. Ей мерещилось, что позади смеются.

Вечером они пошли на погост. Быстро темнело. Полина заметила небольшую избу с крестом — в Ткацком часовню построили на кладбище. Воздух пах мокрой землей. На могилах кое-где лежали вареные яйца. Приближались Осенины.

Полина потуже затянула дорожный плащ.

— Жаль, что ты не взяла в дорогу череп, — сказал Владимир. — Надеюсь, здесь мы найдём что-то подходящее для прорицания.

Они шли вдоль крестов. Кладбище содержалось в чистоте. На Троекуровском, куда Орден выезжал временами, бывали и кучи мусора, и гнилые кресты, а как-то раз Анфиса наступила в труп собаки. Анфиса так кричала, что будь собака чуть менее разложившейся, обязательно воскресла бы от шума.

В Ордене никогда не состояло больше девяти человек. Люди приходили и уходили, но Анфиса оставалась неизменной участницей кладбищенских ритуалов.

Ткацкое кладбище словно каждый день убирали. Между могилами не росло травы, а кресты стояли прямо.

— Здесь чтут усопших, — сказала Полина.

— Так они все друг друга знают. Это их дяди, тети, соседи. А у нас со всей Москвы и окрестных деревень везут. В такой толпе не найдешь никого, а чужие не свои, перед ними нечего блюсти.

Владимир часто говорил, что истинные таинства содержатся в вульгарных обрядах деревенской ведьмы. Мол, она ближе к природе, нежели городской маг. Даже Сирина запечатлена в народных сказках, а не сокровенных гримуарах.

— Что там? — спросила Полина, замерев. Вдали мелькнули огоньки.

— Кого-то хоронят. Поздновато.

Владимир ошибся. На краю кладбища вырыли яму. Могильщик отставил керосиновую лампу.

— Господаре, заплутали? — спросил он, увидав Полину. — Могилы благородных в помещичьем склепе, здесь простые лежат. Черная кость.

Могила была разрыта, но пуста. Наверное, хоронить будут завтра.

— Шли бы вы, — продолжал могильщик. — Скоро труп подвезут, а он моровый.

— Моровый? — Владимир с Полиной переглянулись.

Магия не могла сберечь от чумы.

— Да, хоть и не Моровая язва, слава тебе господи, — могильщик перекрестился, — а все равно. Так что идите, пока не привезли.

Владимир протянул ему монетку.

— А ты нам не покажешь? Я лекарь, может, пойму что за болезнь.

Могильщик монетку взял.

При честном народе они не стали вызывать духов. В столице оккультные развлечения привечали. Деревенские вряд ли обладают такой широтой взглядов. Им не объяснишь, что свежеусопшие легко отзываются, а над лежалым черепом нужно корпеть. Для них магия — не утонченное развлечение интеллектуальных умов, для них магия — повод вымазать дегтем ворота и избить.

В этот раз Полина начертила и круг, и защитные имена, и возжгла смолы.

На кладбище стояла тишина.

Луна была такой же круглой и сверкающей, как пятак с глаз умершего.

Сизый дым благовоний поднимался в небо. Свеча озаряла подножье креста.

Мертвый пришёл. Откуда-то подул ледяной ветер, свеча потухла. Владимир потянулся к ней, но Полина перехватила его руку. Благовоние зачадило, запах изменился. Будто бы кто-то вытащил из сумки протухшее мясо.

— Дух, назови свое имя, — приказала Полина.

"Елена"

К кресту подошла девушка. На ней был белый саван, распущенные волосы лежали по

плечам и ниже. Глаза у девушки были закрыты.

— Елена, где кольцо, которое ищет Сирин?

"Она его не увидит"

— Что это значит? — спросил Владимир. Он поднял на уровень глаз обсидиановое зеркало, которое помогало слышать и видеть мертвых.

"А вы можете"

Покойница открыла глаза. Они были полностью черные.

— Опусть взгляд, — прошептала Полина, — Она опасна. Скажи, Еленой крещенная, где найти кольцо?

"Я скажу. В обмен на дело"

Мертвые не должны ничего просить. Не им ставить условия магу.

— Я приказываю тебе.

" Ты сама умрешь, если не поможешь мне"

— Почему?

Покойница протянула руку вперед, но наткнулась на невидимую преграду.

"Будет мор. Все погибнут. Остановите мор"

— Ты не сказала, где кольцо.

"Я скажу. Если остановите"

Откуда-то подул ветерок. Он всколыхнул чёлку Полины. А еще он приподнял над землей крупинки костяной муки.

Круг потерял защитную силу.

Прежде чем покойница вошла к ним, Полина разожгла пучок чертополоха.

Владимир начал читать изгоняющее заклинание имени Гекаты Хтонию.

Сирин хотела власти над миром, она обезумела от своих видений, но она очень хорошо учила колдовству. Неупокоенные духи не в силах были одолеть ее воспитанников.

Полина вымыла руки душистым марсельским мылом. Оно было сиреневого цвета и пахло лавандою. На рекламных страницах красивые дамы держали разноцветные бруски под водой, а пена разлеталась по всему листу. Полина хотела быть такой же беззаботной, поэтому выписывала мыло из Парижа. Даже госпошины платила. Но француженки вряд ли скребли мыльный брусок, чтобы очистить ногти от могильной земли.

— Елена умерла после того, как посетила лесные угодья. Ее лечили, но безуспешно, — Владимир протянул Полине что-то, перемотанное грубыми нитками. — Защитная кукла не сработала.

— Это и есть лекарство? — Полина надела лайковые перчатки, — ты нашёл знахарку?

Народная магия отличалась от господской, как крестьянка отличается от ровесницы-дворянки. И все же, магия есть магия. Брать артефакт голыми руками казалось Полине верхом безрассудства.

Она положила куколку в треугольник из свечей. Воздух над ним пошёл рябью, пламя дернулось.

— Это знахарка. Не более. Кукла бережливая, однако, вряд ли справится с духом. Ее предел — камешек в сапоге.

— Лекарь, — с нажимом сказал Владимир, — считает, что лихоманка была залетной. Девушка единственная заболела из всего села.

Полина села за кофейный столик. В гостевой избе были обставлены комнаты. Имелся полосатый диван, какой покинул городские гостиные несколько лет назад — в виду

вопиющей старомодности. На окнах вместо ставней присутствовали гобелены с вышитыми розами. Сочеталось это просто ужасно.

— Мертвые лучше нас видят будущее. Она сказала, что будет мор. Он будет, и никакие береги это не остановят. Мёртвые никогда не лгут.

— Но лгут духи, — напомнил Владимир. — Они часто прикидываются мощными и страшными, хотя сил у них почти нет.

Полина была согласна. Все духи стремятся напугать или внушить любовь, и лишь ради того, чтоб занять в тонком мире более важную роль. Поэтому Сирин не получит кольцо на блюдечке с голубой каемочкой. Кольцо Полина уничтожит, если найдет. Она сказала:

— Володя, как ты не понимаешь! Мы неслучайно здесь оказались. Сирин нарочно послала нас сюда. Она хочет от нас избавиться.

Владимир сел напротив. Он смотрел на Полину по-особому, она узнала этот взгляд. Так Владимир смотрел на дымящие трубы Белебеевских мануфактур. Роскошное наследство, которое отойдет старшим братьям. А они не заинтересованы в прибыли.

— Сирин нуждается в нас. Только мы сможем найти это кольцо. А ты знаешь, на границе чего сейчас находится мир. Кольцо пробудит бесов, бесы начнут воевать с другими элементами, с русалками. Люди сойдут с ума, и начнется великая война. Мир рухнет. Не будет ни магии, ни государств. Мы лишимся мира.

Полина кивнула. Сирин часто так говорила, а Володя повторил.

— Сирин всегда выделяла именно тебя, — продолжил Владимир. Он раскуривал трубку. Дым от нее был резким и горьким, как и его слова, — А ты говоришь такое без стыда. Порой я боюсь, что ты приняла игры своего разума за чистую монету. Сны призваны искушать, Полина Федоровна.

Он думал, то видение было сном. Он предал Полину, сам того не зная. Дым завивался кольцами. Заветное кольцо было где-то рядом. Позади неё. У неё за спиной.

— Давай хотя бы пойдем до леса. Поверим местные ландшафты, — попросила Полина.

Она поклялась, что больше никогда не заведет речь о плутонической природе Сирин с Владимиром. Ведь порою начинало казаться, что Полина просто неблагодарная ученица, пожелавшая превзойти бессмертного учителя. А правду никто видеть не желал.

Лес встретил их холодом и сумраком. Над тропой перекрещивали ветви ели. Полина отбросила шишку с пути. Надо будет проверить, осталась ли на новом ботинке царапина.

— Они собирают тут хворост и ягоды, — сказал Владимир, — Покойная тоже. Ее поймала лихоманка.

Полина покрутила в руках обережную куклу. Та смотрела пустым белым лицом.

— Ты слишком доверился деревенской колдунье, — ответила Полина, спрятав куклу в карман. Она чувствовала, что в лесу есть посторонняя сила. Сейчас сила спала, поэтому угадывалась лишь в особом шорохе травы да по непривычному для осени пению птиц.

Владимир молчал, поэтому Полина спросила:

— А кто такие эти лихоманки? Какова их стихийная природа?

— Это духи болезней, их великое множество, а самые сильные — тринадцать сестер — лихорадок. С ними лучше не сталкиваться.

По тропинке полился ручей. Вода в нем была красная. Полина подошла к Владимиру, высоко поднимая ноги, чтобы не испачкать ботинки. Они стоили половину месячного содержания. Было бы глупо испортить их так скоро. Владимир стоял и молча смотрел вперед.

— Там есть что-то, — сказал он. Шорох повторился.

— Володя, — прошептала Полина, — я только сейчас поняла. Мы стоим в крови.

И словно дождавшись ее слов, между елями заструилась красная вода. Вода поднималась все выше и выше, будто могла затопить лес.

Владимир бросился в чащу.

— Там кто-то есть! — закричал он, — Там кто-то стоит!

Полина приподняла подол и кинулась следом. В ушах звучало птичье пение. Оно потеряло гармоничность, то и дело сбиваясь на отдельные птичьи выкрики. Полина зажала уши руками.

Впереди маячил кто-то, его укрывал туман.

Владимир мчался, ломая сучья. Внезапно треск стих, а затем птицы стали кричать младенческим криком. Полина упала на колени.

Все стихло так же резко, как началось. Полина подняла голову. Владимир стоял, в руке его трепыхался какой-то предмет.

— Человек, — сказал он, — там был человек.

Владимир зашелся в долгом приступе кашля. Полина огляделась и не увидела красного ручья. Только черную землю.

Через несколько часов Владимир лежал на кушетке. Его плечи ходили ходуном. Жар был таким, что Полина постоянно меняла полотенце на лбу. В считанные минуты оно нагревалось.

Полина уже пробовала исцелить Владимира, но такая магия никогда ей не давалась. Сирин говорила, что это внутренние сложности — ведь умела Полина вызывать мертвых, а подобные способности всегда были парными, словно источники живой и мертвой воды.

— Поля, — прошептал Владимир, — и она с ужасом заметила, что вокруг его рта намечается синева. Пальцы рук тоже стали темнее, — коли оно выберется из леса, нам конец. Оно ко мне прикоснулось.

Владимир зашелся в кашле.

— Я все сделаю, — сказала Полина. Она подала отвар из сонных трав. — А ты пока пей.

Домик знахарки с лыковыми куколками стоял за полверсты от села. Полина успела разбить новые туфли на земляной дороге.

Сумерки сменялись темнотой, которая выползала из леса.

На небе зажигались звезды. Одна из них, кормчая, разгорелась прямо над срубовым домом.

Полина приблизилась к забору. На нем сидели кувшины с разбитым дном. Через прутья виднелся двор. Там кто-то был. Полина чувствовала на себе взгляд.

— Позови хозяйку, — сказала она. Погостные духи ли, лесные или городские — все они слушались, стоило представить, что они должны ей пару сотен рублей.

Ощущение чужого взгляда пропало.

Полине пришлось ждать долго. Она уже успела решить, что у деревенских ведьм и манеры деревенские. В столице принимали соратников посреди драпированных залов, угощали погребными винами и обязательно напоследок вручали милый сувенир. Здесь милым сувениром была грязь, которая щедро изукрасила новые полинины туфли.

Окна тускло горели, а с дороги тянуло сыростью. Полина поежилась.

Она подумывала зайти за калитку, наплевав на вежливость. Владимир умирал. Он был ей другом, пусть их мнения трагически не совпадали. Время рассудит, но у Володи времени

не оставалось.

За забором раздались шаги. Знахарка послала своего внука — калитку открыл молодой человек.

— Это вы напугали моего домового? — спросил он. В народе до сих пор практиковали дружбу с духами. Полина не одобряла.

— Мне нужна помощь, — ответила Полина в тон. Впрочем, сразу пожалела.

Внук знахарки не казался враждебным. Он был по-современному одет, гладко выбрит и больше всего напоминал больничного доктора. Из тех, кого любят пациенты, так как он не всегда берет плату.

— Пожалуйста, проводите меня к вашей бабушке. Мне нужна помощь знахарки. Мой друг подхватил лихоманку. Я думаю, ту же самую, от которой умерла недавно девушка.

— Он всё-таки туда пошел? — помрачнел внук. — Я предупреждал его, лихоманки сейчас дикие. Вы были вместе с ним — он посмотрел на Полину, — но от вас болезни не чую. У вас оберег?

Полина достала из кармана куколку. Та висела в руке, как поникший цветок. Внук забрал куколку двумя пальцами.

— Вы можете? — спросила Полина. Она поняла, что никакой знахарки тут не было. Был знахарь.

Ему не потребовалось долго собираться. Он вернулся с саквояжем, от чего ещё сильнее стал походить на городского доктора. При свете луны он уже не казался юнцом. На вид знахарю было около тридцати лет. Полина с содроганием представляла дорогу назад, но к ним вышла лошадь в седле.

— Она не привыкла к двум ездокам, — предупредил знахарь.

Полина сейчас и на черте бы прокатилась, лишь бы не пешком. Она надеялась, что Владимир пережил последние часы. Она бы почувствовала его смерть.

Сама по себе захлопнулась калитка, и за забором зажглись два огонька. Полине показалось, будто домовый хочет ей что-то сказать. Но увы, домашние духи говорили лишь с хозяевами.

— Садитесь, — бросил знахарь.

Прежде чем принять его руку, Полина заметила что-то в траве. Она наклонилась. У носка ее ботинка лежала кукла-обережница. Наверное, знахарь обронил.

— У вас тут...

— Едьте быстрее, сударыня, — повторил знахарь, и Полина молча положила обережницу в карман.

Едва переступив порог, Полина почувствовала его. Дыхание приближающейся смерти. Она бросилась к Владимиру. Тот спал, но это был горячечный прерывистый сон.

Знахарь едва взглянул на больного.

— Я просил его не ходить.

— Теперь поздно? — Полина поменяла тряпку на лбу.

— Сделаю все, что в моих силах, -

Знахарь достал из саквояжа какие-то травы. — Их нужно запарить.

— Значит, мор будет? — спросила Полина. Она положила углей на самовар.

Она отогнала мысль, что, возможно, Сирина хотела ее убить. Не своими руками и подальше от столицы. У Сирина не было никакого видения, она просто решила избавиться от Полины. И глупого Владимира.

Полина не сразу заметила, что знахарь разглядывает ее. Она привыкла к чужим взглядам, она ради этого возилась с туалетами и прической. Ради чужого восхищения, пусть и воображаемого, Полина выписывала журналы мод, ходила к портнихам и сочиняла рецепты помады. Единственное, чем Полина занималась не ради восхищения, была магия. Магия не давала Полине спать по ночам, магия принуждала и одаривала ее.

— Вы спросили, способно ли так выйти, что случится мор, — продолжил знахарь, — Вашему другу я сказал, что нет. Но теперь вижу, что дух лихomanки ближе к деревне, чем я думал. Он ведёт себя, как дикий зверь. Кто знает, на кого он кинется завтра. Может, он уже бродит по площади, — голос у знахаря стал озабоченным.

Полина сменила тряпку на лбу у Владимира. Тряпка была горячей.

Владимир с трудом дышал.

— Володя поправится, если запечатать лихomanку? — Полина посмотрела на знахаря. Она умела изгонять духов, но не умела убивать их.

Глаза у знахаря были зелеными, как озерная вода. Наверное, местные девушки бегали к нему по любой оказии. Полина вдруг представила, как уютно, должно быть, в его доме. Всюду пахнет травой, стол заставлен бутылочками с настойками. Домовой спит за веником, а толстый чёрный кот мурлычет со скамьи.

Полина стряхнула наваждение.

— Чтобы убрать проявления лихорадки, лихomanку нужно развоплотить, — сказал знахарь, — Только я не хочу вас обнадеживать. У него не больше трех суток, если не наступит улучшение. Если болезнь зайдёт далеко, то даже гибель духа не поможет исцелить вашего друга.

От кружки поднимался пар и растворялся под потолком.

— А что значит, развоплотить?

Полина никогда не была сильна по части народной магии. Куколки — обережницы, защитная вышивка по краю рубахи и шепотки — все это оставляло Полину равнодушной. Ее не восхищали народные сказки, которые хоть и были ложью, но несли в себе уроки для молодёжи.

Поэтому Полина ужаснулась, когда знахарь рассказал ей о сосуде лихomanки. Лихomanка находит человека, которому есть что терять. Она угрожает извести семью, если человек не будет слушаться. Она цепляется за ладони, за дыхание и за кровь. "Там было много крови", — вспомнила Полина. И знахарь кивнул. Лихomanка боязлива и потому нападает первой. Она дурит людей, наводит мороки и видения. Если она испугается, то постарается свести с ума. Лучшее средство от лихomanки — это изгоняющая молитва. Только читать ее нужно там, где она появилась, в лесах и на закате. Текст этой молитвы передается из поколения в поколение.

Знахарь ушёл на рассвете. Он собирался поспрашивать местных, нет ли заболевших. Полина закрыла за ним дверь и вдохнула запах осеннего утра. Равноденствие приближалось. Мировое колесо вкатилось в темную колею.

К полудню Полина собрала сумки. На дух болезни вряд ли подействует полынь, чей горький дым отгоняет мертвецов. Духа болезни не испугаешь святой водой, ведь большинство поветрий начинается в храме. А сосуд духа легко прикидывается нищим с паперти. Полина взяла каменной соли, даже с утра сбегала за ней на базар. Соль оттягивала плечо, но ее требовалось много. Ещё Полина купила краску и лыковые кисти. "Яблоньки красить будете? — спросила торговка," Их надо внизу, от грызунов. Ох поганых и развелось

тут, все время что-то портят"

Она оглядела комнату. Владимир спал в забытьи. Он уже выпил знахарских трав.

Лучше не становилось, но и криза не наступало. Знахарь говорил, что тело борется. Самое страшное в этой лихорадке то, как быстро она начинается. Достаточно прикосновения. Полина вытащила из владимирового портфеля револьвер. Она умела стрелять, и надеялась, что сегодня не промахнется.

Напоследок Полина положила в карман обережницу. Для успокоения, — сказала себе Полина, — пусть это и народная вульгарная магия. Куда идти, Полина чуяла. Деревья стояли в облаках из красной, желтой и кое-где зеленой листвы. Полина закрыла глаза и представила, как ее окружает кокон из света. Конечно, этой защиты было мало.

Полина чуть не вскрикнула, когда на плечо опустилась рука. Не успела!

— Прощу прощения, — позади Полины стоял знахарь.

— Вы же должны были присмотреть за Володей!

Полина перевела дух. Она чуть было не решила, что все кончено.

— Здесь рядом есть бродячее озеро, вы могли наткнуться на него и сгинуть, — сказал знахарь и посмотрел на Полину, — Это случилось бы много раньше, чем ваша встреча с лихоманкой. Вы же пошли за ней?

Его глаза сузились, и Полина увидела, как сильно он злится.

— Я не деревенская девушка с корзиной ягод. Я знаю, что делаю. Ваша молитва была бы абсолютно бесполезна, в ней ничего нет. Поэтому я буду действовать методами, которые знаю.

— Покажите.

Тут уже Полина разозлилась. Ее дар не вызывал сомнения у Сирина, что говорить с деревенском травнике!

— Идёмте, если не боитесь, — ответила Полина и пошла вперед. Дожидаться она не стала.

Они остановились рядом с ельником. Он напоминал кладбищенские кресты. «Тут меня и похоронят», — подумала Полина, — «Если лихоманку не изгоню»

Не оборачиваясь, Полина достала соли и начала чертить большой круг, в несколько аршинов длиной.

Когда Полина нарисовала краской нужные имена, круг запылал белым очистительным светом. Правда, увидеть это можно было лишь внутренним зрением.

— Зайдите в круг, чтобы лихоманка и вас не схватила, — бросила Полина. Знахарь подчинился. Полине почудилось, что он поморщился, проходя сквозь невидимое пламя. Да и у самой Полины растрескался астральный защитный кокон.

Когда Полина окончила приготовления, она сняла украшения. Кулон с серафинитом сложила в кожаный кошель, а малахитовые серёжки отправились в батистовый мешочек. Полина считала, что камни любят быть по-отдельности. Они вековали в горной породе, в темноте и тишине, потому нуждались в одиночном восполнении сил. Амулеты, быть может, ей бы игодились, но Полина боялась что сломаются. Теперь она осталась без защиты.

Полина переступила свой круг и прошла к центру.

Все это время знахарь молчал, и ей чудилось, что он не одобряет. Потому, когда он открыл рот, Полина ответила крайне резко.

— Не ваше дело!

— Я так понимаю, — сказал знахарь, — вы установили некий забор? От духа?

Полина устыдилась своей грубости.

— Когда сосуд придёт, я убью его. Дух вылетит — и я его изгоню. Круг не даст духу проникнуть внутрь и овладеть нами.

Знахарь замолчал. Полина опустила на траву, уже пожухлую в ожидании северных ветров. Юбки помялись, но их было не жаль. Дорожная ткань быстро отстирывается.

— А почему вы думаете что дух настольк глуп, чтобы прийти? — спросил знахарь тихим голосом.

Небо зарумянилось, как пирог. Солнце спускалось вниз.

— Это его территория. А я опасна, правда?

— Вообще-то, — продолжал знахарь, и тут Полина услышала чужие интонации, — вы оказались правы.

Полина вскочила на ноги, а было уже поздно. Знахарь смотрел на нее без выражения. И почему ей тогда понравились его зеленые глаза? Они были тусклыми, как грязная озерная вода. Лицо покрывала паутина, а спина согнулась.

Полина отступила назад.

— Это вы сосуд духа? Это вы заразили всех? О нет, — сказала Полина, — вы же были в селе... Вы могли ко всем прикоснуться... Ты ко мне прикоснулся! — вспомнила она.

Сосуд лихоманки улыбнулся.

— Ты для меня непроницаема, ведьма. И стерегут тебя силы куда более страшные, чем ты можешь представить. Однако они сейчас тебя не услышат, а мне нужно совсем немного времени.

Полина сжала в кармане обережницу. Она себя ненавидела. Она подозревала Сирина, но не заметила под носом лихоманку.

— И давно ты в знахаре, болезнь? Неверно, значит, про ваше племя говорят, что вы глупые и слабые.

Лихоманка медленно двинулась к ней.

— Твой друг поднял смуту. Опасный человек пошёл сюда, он понял, где я прячусь. Но люди всегда себя считают богами в сравнении с нами. А очень зря. Так опасный человек из моего уничтожителя стал моим сосудом. Мы учимся у вас. Выжить, — лихоманка сделала шаг навстречу, — ускользнуть, — лихоманка наклонилась, и Полина поняла, что сейчас ее убьют, — Есть.

Лихоманка бросилась на Полину, но та выпрыгнула из круга.

— Как во поле во лесу, живет дух нечистый, — начала было Полина и тут же запнулась. Черт возьми! Этот заговор подсказала ей сама лихоманка!

Лихоманка сказала, что знахарь приходил сюда. Знахаря назвал опасным. Значит, тот знал, как уничтожить лихоманку. Ведь его обережница, как ни крути, защитила Полину в первый раз. Обережница. Ее знахарь, когда ещё был собой, передал Володе. Ее же домовой вернул Полине. А что если это было не просто так. Домовые иногда предвидят будущее. Полина нащупала обережницу. Почему-то это успокаивало.

— Кстати, — сказала Полина, — есть небольшой нюанс. Круг работает в обе стороны. Ты смогла зайти как человек, но тебе не выйти как духу. Без моего согласия, — добавила она, глядя, как беснуется лихоманка.

Та рыскала, как зверь в клетке.

— Что ты хочешь взамен? Я могу отпустить твоего друга, — сказала лихоманка, — и вы покинете мое село. Жизнь на свободу.

Полина подумала. Воочию она увидела домик знахаря и его домового. Неужто годному человеку умирать из-за какой-то лихоманки? Да и всей деревне, где производят прекрасные вышитые платки.

Деревне, в которую не попасть птице Сирин.

— Или мы можем поступить иначе, — сказала лихоманка. Ей, похоже, надоели Полинины раздумья. — Я убью свой сосуд.

— Тогда ты не выйдешь.

— Да, это так. Однако осень, скоро пойдут дожди. Твой забор размоется, и я выйду. А я умею ждать, я ждала много лет в гниющем трупе, среди личинок мух. Подожду ещё немного.

Небо темнело. Полине даже померещилось, что накрапывает. Лихоманка пыталась ее заморочить. Однако сил на кровавые ручьи не хватало.

— Круг имеет астральную природу, — сказала Полина твердым голосом. Она вложила в слова силу, — Снять круг может лишь моя смерть. А ты сама говорила, что мне не дадут умереть.

Лихоманка замерла.

— Поэтому мы можем с тобой поступить иначе, — быстро продолжила Полина, — ты вселишься в куколку, которую я тебе дам. Это будет твоим временным сосудом. Я отвезу куклу в город и выпущу тебя. Только представь, это куда лучше гниющего трупа. Это какая жизнь будет. Верно же говорят, чума одинакова как во дворце, так и в избе. Ты выберешься из этих темных лесов. Ты повидишь мир, венецианские каналы и испанские города.

Полина смотрела лихоманке в глаза. Та покачивалась, словно размышляла. Наверное, перед ее внутренним взором представляли караваны больных и мёртвых. Полина не знала про славу сестёр — трясовиц, но, возможно, лихоманке мечталось присоединиться к ним. А для этого нужно поставить на колени пол-Европы.

— Как я пойму, что ты не лукавишь? — спросила лихоманка.

— Я дам слово.

— Слово ведьмы стоит столько же, сколько рассветный туман. Ничего. Поклянись!

— Будь я проклята, ежели нарушу клятву, — произнесла Полина нехотя. Внутренним взором она увидела, как слова обретают форму тучи и зависают над головой.

Куколка лежала на границе круга. Полина указала на неё.

— Твой черед, — и закрыла глаза, чтобы ничего не пропустить. На тонком плане с тела знахаря слетела серая пелена. Она походила на муаровую вуаль, какую Полина носила в тёплое время года. Пелена зависла над куколкой, которая горела ровным солнечным светом. Затем пелена окутала куколку, и свет погас. Спустя время кукла вновь засияла. Только теперь она была словно сверкающий кокон, внутри которого переливалась тьма. Лихоманка не могла покинуть куколку по своей воле. Будь ты проклята, — донеслось до Полины, и голову стиснул железный обруч.

Лихоманка не ошиблась, слово ведьмы ничего не стоило. Обережница стала тюрьмой для болезни, и теперь до скончания века гнить ей в льняной ткани, пока не истлеет последняя нитка. Народное колдовство все же смогло удивить просвященного мага.

Полина открыла глаза.

В лесу клубились сумерки. Месяц бледным пятном проступал над деревьями.

— Вы можете выйти из круга, — сказала Полина знахарю, — Если больше не одержимы.

Знахарь кивнул. Он медленно переступил соляную черту.

Он поднял куколку и спросил:

— Вы не возражаете?

Дождавшись ответа, он спрятал куколку в карман.

— Вас прокляли из-за меня — сказал знахарь, — А мы даже не знакомы. Меня зовут Игнат.

От него шло тепло, как от майского солнца. Такое же тепло стерегло болезнь в обережнице. Как-то птица Сирин предсказала Полине, что та влюбится в деревенского колдуна и изменится. Полина сомневалась. Ей не нравилась народная магия. И мужчин Полина остерегалась с пятнадцати лет.

***

Осеннее равноденствие Полина отмечала на кладбище. От земли тянуло холодом, но ещё было тепло. Владимир спал, утомленный изнурительной болезнью. Игнат говорил, что он идет на поправку. Полина и сама знала это, Владимир постоянно просил еды, пришлось нанять кухарку. Та на сегодняшней урожайной ярмарке закупила какими-то особо вкусными колбасками и знаменитыми лакричными леденцами.

Эти леденцы Полина и принесла на могилу Елены.

— Мора не будет, — сказала Полина, — а значит, твой черёд. Где лежит кольцо, которое ищет Сирин?

Полина утром обращалась и к своему покойнику, но тот повторял одно и то же "у нее за спиной, у нее за спиной". Возможно, Джон Ди или Корнелиус Агриппа сладили бы с дорожным мертвецом и выпытали всю правду. А Полина решила попытать счастья с другим духом. Ветер зашевелился, на холм упал ярко-красный яворовый лист. Полина наклонилась за ним. Стоило пальцам коснуться черешка, как в голову хлынули видения.

Портрет Сирин, удивительно подробный и детальный — Сирин выглядит той, кем и является. Страшной бестией, потусторонней диковиной, чистой магией. И чего Сирин не нравится, справились же мастерицы, вышили самый похожий ее портрет.

Он стоит на комодe, а чья-то рука отодвигает его. Там, за портретом, каменная ниша, в ней — железная шкатулка. В шкатулке — простое медное кольцо. Кто-то надевает кольцо, в миг оно преображается. Теперь это большой перстень с чёрным сияющим камнем. Камень светит так, что на портрет Сирин ложатся отблески.

Лист задрожал и перелетел на другую могилу.

Полина встала.

— Спасибо тебе, Елена. Спи спокойно.

Когда Полина выходила с кладбища, небо стало золотым. Последний всплеск цвета перед зимней белизной.

В ткацкий дом Полина пришла уже под вечер. Ворота были незаперты, а в окнах горел свет.

Мастерицы работали по ночам. Сквозь светящиеся занавески пробивались силуэты. Здесь не боялись испортить глаза.

Полина постучала.

Мастерица не удивилась, увидав взбалмошную барыньку. К ним, наверное, часто приезжали местные купчихи. Платки и вправду были восхитительной красоты.

— Сударыня, вы за работой? — мастерица приняла Полину за кого-то другого. Соблазн посмотреть на чужое добро был очень велик.

— Я хочу заказать у вас платок. Быстрее, а то мне скоро уезжать, — сказала Полина и

передернула плечами.

Мастерица, привыкшая к знатным, покорно отошла.

Перед Полиной предстал небольшой предбанник, где висели шушпаны и стояли сапоги.

Дальше, за крепкой дверью, покрытой узором-косичкой, располагалась большая палата.

Центральное место занимала печь. На ней кукарекали нарисованные петухи. Дрова трещали. Тут и там стояли столы с длинными скамьями. За ними девушки и женщины что-то вышивали.

В комнате было светло: горели свечи, горели дрова в печи.

Полина оглянулась, но портрета Сирина нигде не было.

Мастерица подозвала какую-то женщину. У той был острый взгляд, слишком нахальный для крестьянки.

— Чего изволите? — спросила она, — Длину, рисунок, матерьял, — последнее слово она произнесла нараспев, словно хотела насладиться звучанием.

— Успеется, — по-барски ответила Полина, — А присесть есть где?

Ее тут же повели в небольшую светелку. Здесь главным был круглый чайный столик, на котором стояли тонкие кофейные чашки и заварочный чайник из того же сервиза. Два парных кресла с резными спинками и толстыми сиденьями призывно отодвинулись от стола. Полина присела, стараясь держать спину, как истинная дворянка. В любых лавках, а тут была именно лавка с бойкой торговлей, нужно вести себя как можно более дерзко. Тогда скажут правду.

— Ткани у нас есть всякие, с шелком подороже, из льна подешевле. Есть и парча, ежели хотите царский платок, с интальянскими нитками красиво.

Мастерица налила Полине чаю в кофейную чашку.

Двумя пальцами Полина взялась за ручку.

— Слышала я, что у вас есть диковинка. Портрет самой птицы Сирина. Его хочу. Деньги значения не имеют.

Собеседница замаялась.

— Запрещено нам продавать ее лики. Лик должен быть один, — сказала она наконец.

Цену набивает, — подумала Полина.

— Мне хоть взглянуть, ведь по портрету этому судят о вашем искусстве. А там сочтемся, — Полина подмигнула.

— На него могут лишь вышивальщицы смотреть. Мы дозволяем самым даровитым вышивать части полотна. Не все наши мастерицы видели портрет.

Полина посмотрела на мастерицу, которая открыла дверь. Почему-то Полина сразу решила, что это тот самый самородок, который прикасался к лику. Руки мастерицы были исколоты, как от игл. А зрачки расширены, ведь долгие вышивальные вечера приводят к близорукости. Мастерица щурилась на Полину, и та поняла, с кем лучше обсудить дело.

— Скоро Покров, — сказала вторая женщина, нахальная, — нам до него неделю вышивать нельзя будет. Посему, извольте барыня, другое выбрать. Иначе не успеем.

Полина кивнула и попросила принести тканей.

Она хотела платок.

Провожала Полину первая мастерица. Она замерла в сенях, словно не решаясь.

— Вижу, сказать чего хочешь, — подбодрила Полина.

— Барыня, а много за портрет дадите?

— Смотря за какой. Ежели понравится мне, то много. Но даже ежели покажешь, где

стоит, уже отблагодарю, — Полина потрясла тугим кисетом.

— Тогда слушайте, барыня, сейчас вернитесь в хату, а потом идите прямо. Никого не спрашивайте, никому не отвечайте. Они решат, что надо так. Будет калидол, вы по нему прямо и прямо. В конце будет кладовая, вы в нее заходите. Там стоит сундук огромный, а на нем портрет. Он завешен тканью. После обратно идите, я Агафью отвлеку. Ждите меня около забора, там и порешаем.

Полина сделала, как рассказали. Никто ее не окликнул, мастерицы, словно пчелки, трудились. Головы не поднимали. Покров надвигался неумолимо, проклиная всех, кто вышивает в святые дни.

Комнатка, где прятали портрет, была чуланом. Крошечная, двум людям и не развернуться. Полина чувствовала, будто бы кто-то на нее смотрит. Может, домовый не одобрял. А может, некие Силы, о которых говорила лихоманка, пришли узреть святотатство.

Полина сдернула покров.

Портрет Сирина не был плохим. Но с него смотрела обычная девушка. Да, стежки столы искусно соединялись, что портрет казался написанным краской.

И все же. Не то.

Полина отодвинула портрет и без надежды заглянула за него. Стена была гладкой.

Мастерицу ждать пришлось недолго. Она выбежала, накинув на плечи очень красивый платок с узорами-волнами по краю.

— Ну как?

— Не понравился.

— А, ну да, — в голосе мастерицы звучало облегчение, — Значит, не берете такой?

Полина покачала головой. На ладонь мастерицы опустилось три рубля.

— А почему ты хотела его мне продать? Разве это не клятвопреступление? — не утерпела Полина, — ты вроде на воровку не похожа.

Выглянула луна, от чего осенние яблони засеребрились.

— Да это не портрет, а позорище, — ответила мастерица, и ноздри ее расширились, — Семьдесят лет назад моей прапрабабке настоящий портрет доверили, она крылья делала. Да как последний стежок оставался, пропал портрет. Бабку так ругали, что она всю жизнь из дому не выходила. Дочку ее отдали сюда, в качестве уплаты за портрет. А потом внучку, и правнучку. И меня тоже, — мастерица сплюнула, — Пра-правнучку. Но мастеровая никому никогда не призналась, что портрет тютю. Вот мы и платим этот долг, моя племянница ещё будет батрачить на них. И ее племянница.

Мастерица стояла, такая безнадежная и несчастная, что Полине стало ее жаль.

— Мой тебе совет, — сказала она, — бери пожитки и уходи отсюда. Птице Сирина плевать на это место, иначе давно бы явилась. А тебе что, сухоцветом куковать, так ты и не послушница, за тебя выбор сделали. — Полина сунула мастерице весь кисет, где оставалось ещё рублей двадцать. — Это все пустое, а жить надо по сердцу.

Луна зашла за тучи, и село погрузилось в темноту.

Две недели тянулись медленно.

Владимир выздоравливал. Он уже мог выходить и совершать небольшие моционы. Полина неизменно составляла ему компанию, а порой присоединялся и Игнат.

Он приходил под вечер. Кухарка даже как-то сказала Полине, что "господин лекарь" никогда так часто не навещает больных. Видать, — добавила она, — совсем плох был граф Белебеевский.

Владимир ей явно запал в душу. Может, ей мечталось уехать в город и там зажить красивой жизнью.

Но Владимир любил высокородных дам, с тонкими талиями и белой кожей.

Как-то раз, под вечерний чай, Игнат принёс каких-то варений. Володя разминался в саду, чтобы как можно быстрее вернуть мускулам силу. Полина с Игнатом сидели напротив друг друга и молчали. Полина уже отведала варенье с бубликом вприкуску.

Тишина становилась неловкой.

— Не хотите ли развлечься? — предложила Полина, — Я умею гадать на картах мадам Ленорман. Не желаете узнать будущее?

— Отчего нет, — ответил Игнат. Под его взглядом Полине стало жарко.

Она давно не чувствовала такого. Если точнее, с семнадцати лет. Полина перетасовала карты. Не стоит вспоминать о том, что должно быть похоронено.

— Снимите карту левой рукой на меня, — сказала Полина. Игнат подчинился, и их пальцы соприкоснулись.

Сердце у Полины застучало, как бешеное.

— Итак, что вы хотите узнать?

— Что меня ждет вскорости? — спросил Игнат. Он без опаски кивнул на колоду, — Надеюсь, судьба не будет жестока. В прошлом году приезжали цыгане, ох они и нагадали порч всему уезду.

Полина рассмеялась

— Откуда вам знать, может, они сначала эти порчи навели?

— Вот бы не удивился.

Судьба оказалась к Игнату благосклонна. Его ожидал сердечный разговор с темноволосой дамой.

Когда Полина сообщила волю небес, Игнат помрачнел.

— Не любите разговоры? — Полина перемешала карты.

— Скорее, не люблю темноволосых.

Полина поправила русый локон и почувствовала, что краснеет.

— Вода у вас кончилась, — сказал Игнат, не глядя на нее — Сейчас схожу и наберу.

Полина осталась сидеть при свечах. Тени заползали в дом. На миг почудилось, будто бы тени живые. Они переваливаются через порог. Они подбираются ближе и ближе. Они задевают полинин ботинок и, словно распоясавшийся кавалер, касаются колена.

Свечи погасли, к потолку потек белый дым. Полина вскрикнула, ощутив, будто бы нечто наваливается сверху. Карты выпали из рук.

— Полина Федоровна, вы живы? Очнитесь!

Когда Полина открыла глаза, над ней склонился Игнат. Свечи горели, кто-то принёс дополнительный светильник.

Полина села, обнаружив себя на полу. Карты лежали кучей, только три штуки выпали из общей колоды.

Полина мимоходом отметила их — Всадник, Кольцо, Развилка.

— Ума не приложу, что такое, — сказала Полина. Она приняла руку Игната, когда тот помог подняться.

— Может, тебя выселяет местная нечисть? Ты же им всю фауну распугала, — сказал взявшийся из ниоткуда Владимир. — Я завтра съезжу на почтовую станцию, отправлю весточку. Нам надо было ещё три дня назад отправить, но я занедужил.

— Вы уезжаете? — поскучнел Игнат, — Как скоро?

На тахту он усадил Полину осторожно, словно та была из плюша.

— Как получим ответ. Сами понимаете, — сказал Владимир, — Зимовать здесь нам не хотелось бы.

Полина поежилась.

— Сделаю вам чаю, — Игнат заметил ее состояние. — Я самовар на крыльце бросил.

Когда за ним закрылась дверь, Владимир подскочил к Полине и прошептал:

— Ты что-то видела? Что-то про кольцо?

— Нет, — Полина покачала головой, — Ничего. Совсем.

— Кольцо мы не нашли. И мёртвые, оказывается, тоже не владеют нужными сведениями.

Полина уже рассказала Владимиру о своих догадках про портрет. Владимир порывался ещё искать, но потом запал потух.

— А значит, — заключил Владимир, — есть желающие власти над бесами. Сирин должна знать.

Он не любил долго задерживаться на месте.

— Я заварю вам ромашку с мелиссой для успокоения, — Игнат вошел с самоваром наперевес.

Владимир извинился и вернулся к своим упражнениям в саду, хоть вечер становился темнее и холоднее.

Полине показалось, что он сделал это нарочно.

— Я хотела вас спросить, — наконец решилась Полина, — Вы помните, что говорила лихоманка, когда вселилась в вас?

Угольки задымились, нагревая воду. Игнат насыпал чай вперемешку с зелёной травой в заварочный чайник. Полина подумала, что не услышит ответа.

— Да, — глухо сказал Игнат, — я все помню. Духи овладевают волей, а не разумом.

— Вы помните, что она говорила мне? Про силы, стоящие позади? — Полине стало неловко, и все же, она спросила.

— Помню.

— Вы не знаете, что это за силы?

Игнат поднёс чашку к самовару.

— Мало ли, что говорил нечистый дух.

— Эти силы меня преследуют, — сказала Полина быстро. — Я думаю, это бесы.

Игнат сел на стул. Полина заговорила, не дав себе опомниться. Она рассказала и про магический орден (без имен), и про кольцо, и про свои попытки это кольцо найти.

— Поэтому я не знаю, зачем они бродят за мной. Не знаю, чего хотят. Может быть, ты видел? — спросила Полина.

— Там уже совсем холодно, — сказал Владимир, заходя в гостиную. И следом залетел стылый октябрьский ветер. — Нет, завтра точно поеду на почтовую станцию.

— Приходите ко мне, — сказал Игнат Полине тихо, — Завтра, и без спутника. Я попробую вам помочь.

Внутри изба деревенского знахаря походила на логово болотной ведьмы с элементами дворянского будуара. Всюду висели пучки трав, покачивались над столом большие чесночные головы. Сам стол радовал глаз искусной резьбой по столешнице. Полина отметила ажурную этажерку, красивый аптекарский шкаф и тахту с резными ножками.

Здесь было место и белокаменной печи с пустым очагом.

Домовой на глаза не показывался. Наверное, это было своего рода проявлением тактичности.

Пока гостья озиралась, Игнат раздухарил самовар.

В деревне Полина пила чай постоянно — с травами и обычный, вприкуску с сахаром и пустой. Чай был особенной трапезой. Его пили не ради того, чтобы утолить жажду. Деревенские пили чай для того, чтобы ощутить радость жизни. Полина присела в кресло-качалку.

Она молчала, Игнат молчал тоже. Тишину нарушил самовар, выпустив в потолок струйку пара.

— Вы верите в богов? — спросил вдруг Игнат.

— В бога? — удивилась Полина. — В христианского?

По столу ползла осенняя муха. Полина замахнулась на нее.

— Вообще в богов. В мир горний, куда смертным дороги нет.

В Ордене они называли невидимый мир — тонким. Если дар обычного зрения был почти у каждого, за исключением несчастных слепых, то духовное зрение в себе необходимо было развивать. В тонком мире жили другие существа, так непохожие на людей.

— Нельзя верить в то, что видел своими глазами, — сказала Полина. — Я с детства замечала странное. Особенно я боялась сентября и марта. Духи приходили ко мне. Потом мне рассказали, что это Осеннее и Весеннее равноденствие, и тонкий мир становится более вещественным.

— Вы же родились такой, да? С даром, — сказал Игнат. Он стоял спиной, разливая кипяток по чашкам.

Полина вспомнила, как ее шестилетнюю преследовал мертвец. У них умер конюх, а с погребением что-то напутали. Дух конюха заприметил Полину, и все пытался с ней поговорить. Полина боялась и отводила глаза. Осерчав, дух конюха изводил ее по ночам. Однажды он столкнул ее с лестницы. Тогда Полина сломала ногу.

— Я не видела богов, — сказала Полина, — ни одного. Но духовный мир куда больше моего разумения.

Перед ней встала большая глиняная кружка. С духом конюха получилось сладить лишь спустя несколько лет. Полина нашла могилу и от души посыпала солью. Больше конюх не гремел призрачными костями в материальном мире.

— А вы когда-нибудь ходили нездешними тропами? — спросил Игнат. За его плечом Полина заметила шевеление. Большая черная кошка прошла к печке. Полину это не обмануло. Домовой, словно поняв, что его раскусили, растаял.

Сирин говорила, что магия приходит по невидимым тропинкам. Они соединяют разные миры. Полине никогда не доводилось столь глубоко погружаться на тонкий план. Однако Анфиса, до прихода в Орден, попадала в царство русалок. Анфиса рассказывала, что вода там как воздух, а пространство течет и колышется. Вместо солнца у русалок висит луна.

— В колдовстве особо чтит богиню Екатию, — Игнат по-своему истолковал полинино молчание, — Она владеет всеми людскими дорогами, всеми водными путями и темными ходами. Екатия давала своим последователям ключи от трех миров, а также способность ходить тайными дорогами, которые соединяют миры. Эти дороги назывались навными тропами.

Игнат сел напротив Полины. Солнце осветило его лицо. Полине показалось, что когда-

то они уже так говорили. И осенний свет разделял их сияющим квадратом.

— Почему "давала? Разве боги умирают? — спросила Полина. Она никогда не слышала таких сказок. В Ордене использовали гимны, написанные древними поэтами для не менее древних богов. Знали в Ордене и про богиню Гекату. Правда, в основном как хранительницу кладбищенских тайн.

— Екатия перестала отвечать своим последователям, — ответил Игнат, разведя руками, — Теперь в миры так просто не попасть. На самом деле, эта деревня стоит на некоем невидимом перекрестке. Здесь часто бывают духи, бывают и русалки. Только вот бесов нет.

Полина покачала головой. Хотелось бы верить, но смутный шепот не давал ей покоя.

— Бесы погружены в крепкий сон. Это сделали ещё до нас. Говорят, именно из-за этого богиня осерчала на людей и удалилась. Но правды никто не знает. Это сказка, у которой и поучений в конце нет.

Полина посмотрела в кружку. Там плавал мятный лист с пузырьками. Полуденное солнце осветило комнату. Все стало ненастоящим, будто бы размытым.

— А разбудить бесов можно лишь кольцом? — спросила Полина, поддаваясь атмосфере.

— А сейчас сказки закончатся. Несмотря на сон, бесы способны говорить. Их власть над человеком страшна. Ведь они говорят языком наших тайных желаний. И каждому, в ком есть хотя бы капля нужной крови, бесы готовы нашептывать всякого. Только вот, — сказал Игнат, — нужной крови очень мало по миру ходит. — А кольцо, говорят, изготовила птица-человек. Это кольцо дает власть над бесами. Оно же их и пробудит.

— Сирина сделала?! — воскликнула Полина. — Да как же так?

— Вы знакомы с ней, — Игнат не спрашивал, а утверждал.

Полина вдруг испугалась, что он решит, будто она с Сириной заодно.

— Я ее ненавижу. Я очень любила ее. Она меня спасла. Меня после...., - Полина запнулась, — после одних событий в монастырь отправили. Я думала, я там умру. Сил не было, каждый день я слабела. Сейчас думаю, что меня не лечили, а будто бы изводили. Я решила счеты с жизнью свести. А она, Сирина, пришла за мной. С маменькой, — голос Полины задрожал, и она смахнула слезу, — договорилась обо мне. Сирина научила меня магии, — уже тверже произнесла Полина, — но я заметила, что из года в год мы становимся все более одержимыми. Она про кольцо давно говорила, говорила, что оно бесов истребит, и мир лучше станет. Но я-то знаю, что она хочет править бесом. А если легенды не врут, то, наверное, и всем миром. Она сильная колдунья. Она не человек. Я любила ее, — повторила Полина, — но она жестока.

Игнат смотрел на нее без улыбки. У него было усталое лицо, хоть оно по-прежнему казалось Полине очень красивым.

— В тебе течет нужная кровь, — произнес Игнат. — Лихоманка это сразу почуяла. Я видел ее глазами, видел твой свет. Такого ни у кого нет. Наверное, поэтому проклятая Пророчица тебя так пестовала.

Полина отодвинула чашку.

— Все это говорят. Что она со мной нянчилась. Она меня воспитала. Мага из меня сделала. Дала будущее, о котором обесчещенная и неталантливая девица может только грезить. Но магия имеет свою цену. И прежде чем ее берут, нужно о ней говорить!

Игнат, казалось, удивился полининой горячности. Он не понимал. Да ему и не нужно было. Эту тяжесть Полина несла в себе.

— Вас, наверное, смущает моя осведомленность, — сказал он, — Но всему есть объяснения. Мои очень просты. Мой род поклонялся Екатию много веков. После того, как миры разошлись, мои предки пытались вернуть расположение богини. Но не вышло. Только ты не можешь перестать служить богу, даже если он тебя покинул. Даже если он тебя проклял, — он посмотрел на Полину, — Я бабушке обещал, что сюда вернусь. Когда она умрет. Встану на пост. Я не хотел, и много лет сюда не возвращался. Однако мне пришлось. Кровь не водица.

— Меня не просто так отправили в монастырь, — решила Полина. Откровенность на откровенность, — В шестнадцать лет я, наверное, была одержима бесами. Иносказательно. У нас был кружок с друзьями. Мы курили, выпивали, ездили на охоту по родительским угодьям. А ещё мы спали друг с другом. Этого скрыть не удалось, — сказала Полина. Она посмотрела на Игната, — У меня родился ребёнок. Папа не выдержал позора. Я была его единственной дочерью, поздней, они с мамой и не чаяли. Ребёнок был от слуги, арапа. Ребёнок умер. Так мне сказали. Так мне и Сирина сказала. Чтобы я не узнала. Но я узнала. Мой ребёнок и правда умер. Только не сразу. Он прожил семь лет, а потом умер от ударов кнутом. Его отдали в детский дом, а оттуда он попал на кожевный цех. Когда Сирина нашла меня, мой ребёнок был ещё жив. Позже она сказала, что это бы мешало мне в моих целях. Я ненавижу свою маменьку. И Сирина.

Полина не увидела в глазах Игната отвращения. Помедлив, он коснулся кончиков ее пальцев.

— Сирина грезит этим кольцом. Она его никогда не получит. Не из моих рук, — продолжила Полина. По лицу потекли слезы, и она не стала вытирать.

Когда Полина подняла глаза, она увидела, что Игнат поднялся.

— Идемте, я вам кое-что покажу.

В комнате был проход, завешенный, по деревенскому обычаю, плотной тканью.

Проход вел в маленькое помещение. Ещё меньше, чем светелка у ткачих.

Полина сразу узнала портрет Сирина, который показывал мертвый дух. Портрет стоял на комод. Вместо глаз у Сирина красовались две черные прожженные дыры.

Игнат отодвинул портрет, и Полина увидела маленькую нишу.

А дальше была шкатулка с простым кольцом.

— Откуда это у вас? — прошептала Полина.

— Мы пытались заслужить милость Екатию. Много веков следили за этим кольцом. Нашли семьдесят лет назад. Пытались уничтожить, но оно заговоренное. Ещё и птица гналась за семьёй. Потом моя прабабушка узнала, что есть место, куда птице нельзя войти. Пока не создадут портрет, на котором она будет подобна себе. Тогда он станет проходом. Прабабушка украли этот портрет и выжгла ему глаза, чтобы Сирина не нашла дороги.

Полина смотрела на ладонь Игната. На ней лежало кольцо. Его-то и жаждала Сирина. И все это время оно было у нее за спиной.

— Почему вы мне его показали? — спросила Полина. — Вдруг я засланный казачок.

— Я вам почему-то верю, — Игнат как-то растерянно ей улыбнулся. — И ничего не могу с собой поделывать.

Полина в изнеможении опустилась на пол. Раздался шорох — рядом сел Игнат. Он смотрел на нее с сочувствием и еще Полине чудилось, что она уже видела где-то этот взгляд. В прошлой жизни или прошлых столетиях.

— Мой род не слышит бесов, — сказал Игнат. — У нас нет магической силы, с тех пор

как Екатия перестала откликаться. Только травы и порошки, — Игнат надел кольцо, и то превратилось в массивный перстень с черным камнем. Блики заскользили по полининным рукам.

— Зря вы мне сказали, — прошептала Полина, — Теперь и Сирина может узнать. Вдруг она подсмотрит мои сны.

Игнат снял кольцо и вернул в коробку.

— Наш род остался без магии, но зато предки большое внимание уделили химии. Есть микстуры, которые заставят вас забыть последний час. Забыть все. Даже во снах не вспомните. Меня забудете, — его голос дрогнул, — Я вам рассказал, чтобы вы узнали. Вы мне жизнь спасли.

По рукам Полины тек жар. Казалось, что ее кровь вскипела. Полина взглянула на Игната, и по его ответному взгляду она все поняла.

Он тоже это чувствовал. Что-то влекло их друг к другу. Будто три парки вязали нити судьбы. Каждый шаг и каждое слово приводили к этой встрече. Ты влюбишься в деревенского колдуна, — как-то сказала Сирина.

Она была пусть проклятой, но пророчицей.

Полгода спустя

Полина ушла ночью. Она закрыла квартиру Ордена на ключ и села в экипаж.

Газовые фонари дрожали, освещая темное весеннее небо. Полина ещё раз проверила саквояж. Вроде бы, ничего лишнего — пару платьев, туфли, шаль. Конечно, магические инструменты тоже ехали с Полиной. Особенно она переживала за хрупкое обсидиановое зеркало.

Она бежала, хоть и не от кого было бежать. Полгода назад Владимир вернулся с почтовой станции в растерянности. Его ждали телеграммы, в которых Анфиса сообщала тревожные новости. Сирина пропала. Ни мертвые, ни живые не могли найти ее. Словно Сирина сквозь землю провалилась. "Это не к добру, — сказал Владимир, — Вдруг ее поймали другие ордена"

Они собрались и уехали. Перед отправкой Игнат дал ей какой-то мешочек. Много позже, в своих покоях, Полина открыла его.

Внутри лежали травы и записка.

"Если чувствуешь то же, что и я, завари их"

Полина долго не решалась пить подарочный чай. Но однажды, когда стало ясно, что Сирина не вернется, Полина все же засыпала траву в заварочный чайник.

Когда Полина проснулась наутро, она была счастлива. Она понимала, что нужно делать.

Без Сирина орден существовать не будет. Они и так все больше разбегались по своим делам. Владимир нашёл богатую невесту. А Анфиса, кажется, сошла с ума.

Поэтому Полина могла уехать.

Она вспоминала все больше и больше. Вспоминала, как солнце вползало в комнату и светило с высоких подушек. Вспоминала, портрет Сирина с выжженными глазами. И простое медное кольцо, которое на мужской руке превращалось в перстень с черным сияющим камнем.

"Я всегда буду тебя ждать", — сказал ей Игнат перед тем, как Полина выпила отвар.

Это первое, что она вспомнила.

В воздухе пахло сладостью.

Приближалось весеннее равноденствие. Полина хлопнула дверцу экипажа, и тот повез

ее домой.

Аглая

Они всюду, — это Аглая прочла бабушкиных книгах. В лесах бродят русалки. Водный омут подарил им дыхание, а ночь стала спутницей и соратницей. Озера полны водяными. Те утаскивают на дно самых красивых девушек, взамен даруя бессмертие. Это бессмертие станет мукой, — писала бабушка, — но не сразу. На болотах живут кикиморы, они всегда обижены и готовы к мести. Больше всего Аглае нравились сказы про кладбища. Кладбища охраняли живых от мертвых, а мертвых от живых. Бабушка иногда уходила на погост, но Аглаю с собой не брала.

Теперь Аглая приходила на погост к бабушке. Она лежала под деревянным крестом, который почему-то нравился мышам. Низ креста был изрядно подгрызен. Аглая пыталась найти признаки беспокойной могилы — достаточно было бы буйного цветения разрыв-травы. Ничего не происходило. Бабушкина могила не отличалась от могилы соседского купца Калачева. Аглая каждый раз оставляла ломтик хлеба и уходила ни с чем. Бабушку в могиле не найти, хоть и написано на кресте: «Полина Федоровна Бронская».

Как стаял снег, Аглая нашла таинственное и колдовское место. Их село стояло на окраине Черниговского леса. Семьдесят лет тому назад, еще при цесаревиче Александре, в лесу пропал целый отряд солдат. Поговаривали, их утащила местная нечисть. На всякий случай, местный воевода отправил в острог двух сельчан. С той поры в глубь леса ходить зареклись. Много жертв он потребовал, — поговаривали старики, — а все потому, что там живет нечистая сила. Из бабушкиных записей Аглая узнала, что в лесу есть бродячее озеро. То появляется оно, то уходит под землю. Озеро еще чем-то заинтересовало бабушку, но часть тетради так намокла, что погибли целый страницы.

Аглая ничего никогда не видела. Сельские девки слышали завывания домового, встречали овчинника в сарае, куда бегали с сельскими молодцами. Одну только Машу трижды позвал замуж Хозяин Леса (это могло быть и враками). С Аглаей же никогда ничего не происходило. Ее бабушка что-то ведала, к ней ходили женщины из соседних сел. Женщины эти были заплаканными и смущенными. Они оставляли на пороге корзину с яйцами, за что бабушка вручала им разные травы и настойки. У Аглаи же ничего не получалось. Она даже отвар от лихорадки не могла сварить.

И все же, Аглае повезло. В день бабушкиных похорон, в этот апрельский солнечный день, Аглая наткнулась на бродячее озеро. Оно выпрыгнуло на нее из чащи. Над водой клубился туман, и откуда-то слышалась свирель. Аглая долго ходила вокруг. Она примяла пожелтевший тростник. Вода была ледяной, кое-где плавали островки льда. Аглая зачерпнула воды и выпила. Она подняла глаза к небу — ярко-синему. Была весна, и лето точно будет. Хотя бабушка не увидит.

Аглая заплакала. Она не плакала, когда бабушка умирала — не хотела, чтобы сельские видели. Они не любили их дом. Они не ходили к бабушке. Та всегда говорила, что "в своем отечестве пророка нет". Это значило, что тебя будут любить везде, кроме места, где ты родился. Хоть сама бабушка когда-то приехала в Ткацкое, она прожила в окрестностях большую часть жизни. Здесь она познакомилась с дедом, здесь же овдовела, а после потеряла дочь. Осталась одна Аглая. Ранняя внучка.

А теперь и бабушки не было, и никого. Аглая почти каждый день приходила к озеру.

Она очень боялась, что оно исчезнет. Она даже пообещала приносить к его водам требу — лишь бы не исчезало. Пока что озеро не обмануло. Оно всякий раз встречало Аглаю еле слышной музыкой.

Сегодня треба была более чем скромной. Аглая нарвала диких яблок да собрала чашу молока. Бабушка не вела хозяйства, после ее смерти Аглаю подкармливала Таня. Таня была ненамного старше. Аглая как-то нашла избитую Таню в придорожной меже. Только не выдавай, — прошептала та. Ее лицо заплыло синим, на запястьях кровоточили царапины. Танин муж был старше на семь лет и очень ревнив. "Так-то он хороший, у нас достаток дома, — убеждала Таня в аглаином доме, куда они прибежали под покровом ночи, — это я виновата, платком ярким перевязала голову. Платок Таня подняла из канавы, он был грязным, на нем были изображены женщины-птицы.

Таня убежала на закате, чтобы "муж чего не решил". Аглая думала, что на этом все закончится. Через день Таня принесла Аглае яиц. «А то вона какая худая, замуж никто не возьмет». Позже они с Аглей выяснили, что дальние родственники, седьмая вода на киселе. Только благодаря Тане Аглая пережила зиму. Летом она еще могла нарвать малины в лесу, наудить рыбы с помощью самодельной удочки. Если Таня приходила с замотанными рукавами, Аглая знала — Петр снова приревновал к какому-нибудь кусту орешника. Таня ничего не говорила. Однажды она в сердцах спросила, как можно извести Петра. Потом долго открещивалась, умоляла Аглаю ничего не делать. "Он хороший, просто такой" Таня верила, что Аглая может ворожить.

Аглая тоже раньше верила. Бабушка уходила гулять в полночь, взяв с собой только миску молока и десяток сырых яиц. Она возвращалась свежей и веселой. Бабушка говорила: "Прекрасная ночь для бродниц, там были утопленницы со всей округи" Когда Аглая однажды ушла побродить вечером, на нее напали все местные собаки. Аглая так бежала, что разбила яйца — они достались не водяной нечисти, а муравьям.

Еще был случай. У Аглаи нарывало палец. Хорошо хоть, лето стояло, иначе совсем худо пришлось бы. Аглая помнила, как бабушка выводила нарывы. Нашлась и прозрачная яичная пленка, и семь свечей. Но слова наговора, как назло, вылетели из головы. Только зря пленку потратила, пришлось три недели ходить с больным пальцем. Все, что в руках бабушки ладилось, из аглаиных рук валилось. Она вздумала посадить на огороде колдовские травы — кукушкин лен, манжетку да вербену. Все завяли, даже неприхотливые. Так Аглая бы с голоду и померла, если б не Пеструшка да Таня.

Солнце садилось. Оно уже едва виднелось за еловыми верхушками. Казалось, из чащи надвигается тьма. Не та уютная темнота, которая боится свечей и печки — а извечная, древняя тьма, куда уходят все умершие. Над озером собирался вечерний туман. Аглая вылила в воду молоко. Оно потекло по водной глади и ушло вниз. К водяной царице, — решила Аглая. Яйцо она пристроила в осоке.

Закат лег на дальние холмы. Аглая быстро шла, ежась от холода. Она перешла на бег. Сейчас пастух уже должен был пригнать сельское стадо. За Пеструшку — ладную цветную корову — Олег никогда не брал платы. Он появился в деревне через три дня после смерти бабушки. И он один в селе, не считая Тани, разговаривал с Аглаей по-доброму.

Аглая миновала поле. Колосья зрели, проглотив солнечный свет. Поле принадлежало Таниному мужу. Аглая сдержалась, чтобы не плюнуть в пшеницу. Та ни в чем не виновата.

Когда небо стало алым, вдалеке показались черные мошки. Они приближались, увеличиваясь в размерах. Мошки двигались кучно. Они росли и росли, пока не стали видны

очертания рогов. Аглая пошла навстречу. Она хотела перехватить свою корову до того, как пастух пригонит стадо в деревню. Кумушки и так всякий раз перешептывались, стоило Аглае пройти мимо. К ее разочарованию, с пастухом шли деревенские девушки. В их руках покачивались корзины, накрытая тряпицами. Сегодня был базар, — вспомнила Аглая. Она вздохнула. Ей так хотелось сладких леденцов из солодки. Одна девушка, в красном платке, одарила Аглаю насмешливым взглядом. Марфа считалась завидной невестой. Ее отец владел семью коровами и полем. Его закрома лопались от зерна. Марфа была таниной снохой. Аглая думала, что именно из марфиного рта вылетают сплетни и рассказы про таниных мужиков. Саму Аглаю Марфа ненавидела. Годы не остудили пыл. И сейчас, глядя, как подпрыгивает коса Марфы, Аглае вспомнилось то Крещение.

— А что, оборванка, — спросила Марфа, отойдя от спутниц — как ты с Олегом рассчитываешься? Уж не бегаешь ли ты с ним в лес?

Олег считался самым красивым парнем в деревне. Аглая подозревала, что не только ольменовские девушки по нему сохнут. Очень уж хорош — синие глаза, пшеничные волосы и ладный такой.

— Тебя-то никто в лес не позовет, — шепотом ответила Аглая. Она нашла в стаде Пеструшку. Та была самой маленькой. Она задорно бежала между явно переевшим Михеевским быком и тщедушной белой Сонькой.

Марфа сузила глаза. Ее толстая черная коса оттягивала голову, ресницы были огромными и пушистыми. На голову Марфа повязала платок с женщинами-птицами. Они казались добрее Таниных. Они широко раскрывали рот и улыбались, словно пели на колядках.

— А тебя только в лес и позовут, — Марфа двинулась к своим коровам. Были они особенными, тучными, каждая с белой звездой на лбу. Эта порода очень ценилась в волости, что и принесло достаток марфиной семье. Такие телята рождались лишь в ольменовских хлевах, ни один заводчик не добился правильного сочетания тучности и звездности.

Аглая проводила Марфу взглядом. Очень ей хотелось, чтобы позвали в лес. Только не выпившие деревенские парни, конечно. Вот бы из леса вышел сам Хозяин да увел Аглаю. Бабушка говорила, что Хозяин черниговского леса давно скрылся в самой глубокой чаще.

Девушки ускорили шаг. Они о чем-то переговаривались. Впервые Аглая заметила тревогу на их лицах. Марфа тоже не ехидничала, как обычно. Однажды у них чуть до драки не дошло.

Пеструшка ткнулась Аглае в ладонь.

— Неужели травы не наелась? — удивилась Аглая. Она придержала Пеструшку за рог. Та покорно замедлилась. У нее был смирный нрав. Бабушка заговорила?

Из деревенских ворот вышли коровьи хозяева. Они, вопреки опасениям Аглаи, ничего не сказали. Хмуро разобрав скотину, они разошлись.

— Не слушай Марфу, — сказал Олег. Он прошел, помахивая хвостом. Он не знал бабушки, но сколотил ей домовину и крест, задарма.

Ночь приближалась. В воздухе запахло темным временем — дальним костром, ночными цветами и звездами. У звезд не было настоящего запаха, как, скажем, у коров. Но без звезд вечер чувствовался бы иначе. Аглая вдохнула полной грудью.

В деревне стояла тишина. Обычно молодежь сидела до утра на завалинке. Они смеялись, пели и бегали за снедью в чей-нибудь погреб. Аглаю никогда не приглашали. А ей хотелось попробовать знаменитые блины Ванькиной матушки или соленые огурцы деда

Афанасия. В избах не горел свет, они таращились на Аглаю темными окнами. Кое-где были сдвинуты ставни.

Пеструшка перегнулась через чужой забор. Она с упоением поедала смородину.

— Прожорливая корова! — воскликнула Аглая, огляделась и сорвала себе веточку. Из дома донеслась чья-то брань. Аглая слышала женский визг, мужской бас и почему-то кошачий вой. Что-то задрезбужало. В огород выбежала простоволосая женщина. "Да кому ты нужна, старая!"

— Пойдем, — шепнула Аглая Пеструшке. Они затрусил прочь. Свет долго боролся с темнотой, отдавая ей по пяди. Теперь же тьма начала прибывать. Она сгущалась под заборами, крышами домов, она завоевывала дворы и хлева. Аглая торопилась в глубину деревни. Там, между двумя развалившимися избами, стоял ее дом. При бабушке здесь толпились люди, очередь начиналась от калитки и до сеней. Огород радовал овощами, плодоносили яблони с вишнями. После бабушки все постепенно приходило в упадок. Сначала увяли цветы — бабушка не выдирала сорняки, отчего вьюнкам и лютикам было раздолье. Они не захватывали съедобные травы, в бабушкином огороде растения жили дружно. На сороковины засохли деревья. Осталась Аглая без сочных спелых яблок в августе. Хоть до плодоноски было еще далеко. Аглая боялась, что погибнет и Пеструшка. Та здравствовала.

Калитка покачивалась от ветра. Аглая завела Пеструшку в сарай. Тут же прибежала серая приبلудная кошка. Она не оставалась на ночь, не спала в ногах. Она получала свою долю молочной пенки и растворялась в ночи. Аглая все хотела приручить кошку ловить мышей в избе. Мыши грызли бабушкин пергамент. Аглая могла простить мышиный помет под ковриком или мелкие дыры в стенах. Аглая даже раньше ставила для мышей блюдечко — с чем бог послал. Мыши впали в немилость после того, как сгрызли одну из тетрадей, в которую бабушка записывала секреты ворожбы.

Аглая нащупала коровье вымя. В такой темноте велик шанс надоить молока на пол. Кошка чуяла, что может поживиться, потому вертелась под ногами.

Тратить последний запас свечей на дойку не хотелось.

Пеструшка жалобно замычала. Она давала мало молока — и пол-бидона не набиралось. А ведь ходит молва, что ведьмы отбирают молоко у чужих коров. "Ну тогда ты на самом дела бык", — порой в сердцах говорила Аглая. Пеструшка обижалась.

Выйдя из сарая Аглая вздрогнула. Свет в окне не горел. Да и с чего ему гореть, — решила Аглая. Там никого не было. Казалось, что сам дом дышал на ладан. Аглая иногда слышала, как он хрипит и вздыхает. Ступени скрипели под ногами, с потолка сыпалась труха. Бабушке все чинили благодарные люди. Да ничего и не ломалось. Дом обветшал в одночасье. Рядом с бабушкой было покойно и легко. Аглая даже не замечала, что деревенские обходят их дом. А теперь... теперь тоска брала, хоть вешайся. Аглая опустилась на крыльцо. Там, за потертой дверью, никого не было. Бабушки нету, ее закопали на кладбище. Даже ведьмы умирают. Аглая зарыдала. Из сарая ей вторила Пеструшка.

Когда отовсюду запели петухи, в дом постучали. Аглая скатилась с топчана. Бабушка принимала от рассвета до заката. Аглая дошла до сеней и только там вспомнила, что бабушки уже нет в живых.

На пороге стояла Таня. Утро сияло за ее спиной. Таня оправила сарафан — зеленый, с красным окаемом по подолу. До чего красиво одеваются богатые!

— Я тебе яиц принесла с пирогом. Вчерашнего дня к Марфе жених приезжал из

Озерска, привез снеди целые сани.

— А Марфа не прознает? Она же меня ненавидит.

Таня рассмеялась.

— Марфе не угодил чем-то. Она его подарки под корову сунула, мол, пусть на мягком поспит. У меня к тебе дело, — вдруг сказала Таня. Она огляделась. Как и всегда, ее встретил беспорядок. На печи валялся тулуп из овчины, под столом пылился горшок. Кочерга, с намотанной на ней красной лентой, подпирала стену. Таня провела пальцем по столешнице — крепкой, дубовой. Бабушка рассказывала, что привезла этот стол из города. Он остался от другой жизни, о которой бабушка никогда не упоминала. Таня все просила Аглаю прибраться — но Аглая не хотела. В избе все стояло, как при бабушке.

Сквозь ставни струился рассвет. Он окрашивал избу в рыжий.

— Аглаюшка, — начала Таня, — выручай Христа ради!

Аглая отломил кусок пирога.

— Ты помнишь, что случилось в прошлый раз? Когда я сварила тебе траву от женских болей?

Таня хихикнула. Она тогда словно опьянела, пела песни и танцевала. Хорошо, что Петр был в городе. Иначе бы точно приревновал. Лицо Тани посерьезнело.

— Тут другое. Деревенские говорят, дочку Мирона, Аньку, в лес утянуло. Ее и правда нигде нету, даже у Макария смотрели.

Макарий прославился тем, что однажды сходил с цыганкой на сеновал. Ее табор проездом шел по Черниговской губернии. В Ольменовку они не зашли почему-то, расположились в лесу. На Макария — местного холостяка — положила глаз одна из цыганок. Ни статью, ни лицом Макарий не вышел, а девка, даром что чужих кровей, была невероятно хороша. Макарий рассказал спьяну, что научила его цыганка тайному искусству, которое любую женщину счастливой сделает. С той поры многие вдовы и молодки ходили вокруг Макария. Только он оставался бобылем.

— Анька за водой уходила вечером. Мирон ждет — лучину нет, вторую нет. Вышел, нашел полные ведра. Аньки не нашел. А Мирон, он боится, что дети его все умрут. Ему давно нагадала цыганка, шутка ль.

— А с чего нечисть-то? — Аглая села на лавку. Под ней хранился сундук с бабушкиными тетрадами.

— Собака не лаяла. Жучка же шелудивая, ей лишь бы погавкать. Тишина была. Точно нечистая сила! А до этого, в Озерске пропала Маринка. Не было ее поутру, работа незаконченная на топчане лежала, — закончила Таня, — Мирон живет в Тяньково, следующее село нашим будет. Вот все за девками и бдят. Аглаюшка, останови эту нечисть. Мирона жалко, у него сын повесился недавно. Если и дочь пропадет, совсем ему худо придется. Помоги! Ты же ведунья, — Таня посмотрела на Аглаю, затем взгляд ее скользнул по стене, куда уже дотянулись солнечные лучи, — Мне пора! Петр на покос пошел, я должна ему обед отнести!

Если бы она не успела, Петр бы ее избил.

— Подожди, да разве Петр сам косит?

— Батраков проверяет! И Аглая... — Таня помялась, — люди из трех сел нанесли рублей. Хотят отдать тому, кто прекратит злочинства. Иначе к нам проверка приедет. А никто царской проверки не хочет. Ведь и оброк, и десятина. А мы богатые, как бы чего не вышло.

Таня выскочила из дома. Только пятки засверкали. Аглая полюбовалась ее сарафаном — зеленый всплеск, красный всплеск. Все-таки, до чего красиво Таня наряжается. Это Озерские мастерицы, они всю область обшивают.

После ухода Тани Аглая сунулась в тайник. Она откладывала деньги, чтобы навсегда покинуть Ольменовку. Тайник был под сломанной половицей. В цветном узелке хранились бабушкина расческа, двадцать копеек да ключ. Откуда ключ, Аглая не ведала. Она нашла его в бабушкиных вещах. Ключ был из железа, с тремя витками сверху. Красивый. Аглая подумывала носить его на шее, как украшение. Или, если попадетя старьевщик, сбить за полрубля.

К зиме уйти не получится, — вот что Аглая поняла, осмотрев свои сокровища. Она пожалела, что не владеет никаким ремеслом. Из Озерска, что за тринадцать верст отсюда, девки возят платки на городские базары. Тамошняя старица обучила их искусству вышивать на полотне диковинных созданий. Пропавшая Маринка тоже шила. Аглая пробовала рукодельничать, да ничего не вышло. Только пальцы исколола и нитку изорвала. Бабушка не учила Аглаю шитью. Что-то было в бабушке чуждое деревенской жизни. Бабушка носила сарафан и лапти так, словно это барские одежды. Аглае ничего не передалось, она всегда ходила растрепанной и запачканной.

— А может, поискать? — вслух сказала Аглая. У бабушки где-то был рукописный нежитник, или, как называла его сама бабушка — "славянский bestiарий". Аглая мечтала хоть одним глазком поглядеть на тех, о ком писала бабушка. Да и денег хотелось.

Аглая разложила бабушкины тетради на столе. Зима их не тронула. Буквы читались, рисунки разглядывались. Аглая пролиставла нежитник. Кто мог утащить девушек? Та нечисть, которая ходит по людским поселениям.

— Все они вечером появляются, — пожаловалась Аглая, — только полуденницы по свету колобродят.

При мысли об огромной костлявой полуденнице, обряженной в тряпью, Аглая приободрилась. Бабушка как-то сказала, что Аглаю чуть не утащили эти чудовищницы. Аглая капризничала в обед, полуденница услышала и пришла. Аглая ничего не помнила об этом. Но кто знает — бабушка никогда не лгала.

На полях нежитника обнаружили рисунки. Красивые женские лица с длинными узкими глазами, широкие лапы, мохнатые головы. Аглая в который раз пожалела, что ничего воочию не видала.

Аглая перевернула страницу. Птица Сириин вряд ли бы прилетела из Ирия заради Аньки. А вот мертвяки могли ею заинтересоваться. Вурдалак, или же упырь, получается из неуспокоенного мертвеца, то есть, неотпетого. Таня же сказала, что сын Мирона повесился. Аглая помнила этого парнишку бледным и угрюмым. Его "здрасти" всегда звучало еле слышно. Кто знает, может он чуял, что закончит свой век в петле. Или даже он прозревал, как обернется неупокойником.

Интересно, отчего он себя порешил? Аглая прошлась по полу. Ах, до чего он грязный. Аж следы в пыли остаются. Аглая оглядела свои ноги.

— Да зачем мне искать нежить, — сказала Аглая серой кошке. — Они и без меня справятся, господ позовут.

И ничего не произойдет. От господ толк невелик. Девушки будут пропадать. Неупокойник поднимет других мертвецов. Там есть незрелые могилы, которым капли живой крови хватит, чтобы исторгнуть свои жуткие плоды. Самоубийц сейчас никто правильно не

хоронит, — сокрушалась бабушка, — Крестом одним их не упокоишь.

Мирон лишится не только памяти о детях, но и доброго имени. Рубли зажиточных тоже пригодятся, — подумала Аглая. После бабушкиной смерти ее удерживал в Ольменовке страх. А с деньгами страха меньше, можно в город уйти.

На кладбище свозили покойников с трех сел. Здесь, под елью, стоял бабушкин крест. Аглая первым делом навестила его. "Пелагия Ивановна Бронская" — вот что было выцарапано на лежачей полоске креста. Аглая погладила буквы пальцами. Нет, здесь ни души. Душа бабушки осталась в тетрадах. Ну и в Аглае чуть — чуть. Наверху светило солнце, яркое и равнодушное. Сейчас почему-то легко верилось, что там, за небесами, есть нечто огромное и великое.

Сына Мирона похоронили за оградой. Оказывается, его звали Павлом. Креста не было на земле лежал венок из полевых цветов. Кто-то любил Павла. Чьи-то руки обмыли его, нарядили в целую одежду и закопали. И кто знает, может, ему в домовину сунули крестик. От могилы веяло покоем и виной. Не было ни муравейника, ни кротових нор — никаких признаков лежбища неупокойника.

— Спи спокойно, — наконец сказала Аглая. Она почему-то не огорчилась.

Бабушка не интересовалась людьми. В ее заметках можно было найти рецепт молодящего эликсира, заговор от злых духов или размышления о том, как лучше сушить змеиные выполозки. Были даже отвлеченные выписки о жизни и судьбах России. Аглая тоже не интересовалась людьми — скорее, по привычке. С деревенскими девушками Аглая не дружила. Они шушукались за спиной, кто-то мог крикнуть вслед "ууу, нечисть". Они, такие чистенькие и беззаботные, смеялись над Аглаиными платьями. В прошлый раз, когда Аглая выбралась на речку, девушки закидали ее яблочными огрызками. Не так уж и плохо, если одной насмешницей станет меньше. "Справедливости ради, — подумала Аглая, — Анька и Маринка меня не обзывали. Ну они и из других сел"

Какая же нечисть могла позариться на обеих? Марина вышивала озерские платки, в погожий день стояла с ними на базаре. Когда бабушка была жива, они иногда ездили туда. Маринка стояла молча — ее товар сам за себя говорил. Про Аньку кто только не сплетничал. Аглая много раз видела, как местный кузнец бегал к ней в лесок. Была она красивой и распутной.

Что связывало двух таких непохожих девушек?

Бабушкин нежитник Аглая наизусть помнила. Нечисть, которая любила исключительно молодух, существовала. Его звали летающим змием. Он навещал тех девушек, у кого погиб жених или муж. На чары змия нельзя не отозваться. "Он заполняет дыру в сердце, его речи так сладки и убедительны, во все поверишь. Ты чахнешь, а он цветет", — писала бабушка. После смерти жертвы, змий тоже жил недолго. Он мог питаться только одной. Ему срочно приходилось искать другую вдовицу. А если бы та не обрадовалась покойному мужу? Вдовы бывают разными.

Куда проще змею было бы влюбить в себя всех деревенских девок, да по очереди с каждой веселиться. Змей до такого поди не додумался, потому и стал редким видом. Аглая хихикнула. С другой стороны, девки же чаще пропадать стали. Авось какой змий сообразительней собратов оказался. И соблазнительней, раз и распутница, и скромница — обе с ним ушли.

— Чего-чего? Изловить решила нехристя?

Староста Озерска смотрел на Аглаю недоверчиво. Он даже побаивался ее. Может,

считал, что перед смертью бабушка научила Аглаю портить старость.

— Да, мне бабушка многое рассказала, — Аглая потупилась. Она же читала бабушкины книги, это было как наставление. Ноги болели от бега — еще б, столько отмахать.

Староста окинул Аглаю долгим взглядом. Вряд ли то, что он увидел, внушало уважение. Высокая тощая девка с блеклыми глазами и в сарафане, что ей короток. Аглая почесала голень.

— И как ты поймешь, что именно его словила? — староста колебался. На него давили и сельские, и городские. Села стояли темными и тревожными, базары пустовали.

— Я его поймаю за воровством. Поговаривают ведь, что он за следующей придет в наше село.

— Это верно, разговоры ходят. Но откуда нам знать, куда оно придет. Может, к вам, а может, оно и сгинет навек, — судя по голосу, старосте очень хотелось верить в лучшее — Говорят, что ту девушку, из Черниговки, украли казаки. Их там видели. А к Маринке один даже заезжал, за товаром. Обычай у них такой, невест воровать. Может, они всей станицей остепениться решили.

— Казаки? — это было убедительно, но Аглая не подала виду. Напротив, она придала голосу суровость, — Да где это видано? А если это нечисть, и она будет пугать всех, пока из города не приедет инспекция, — последнее слово Аглая долго тянула. Оно было редким в ее обиходе, но звучало внушительно.

Староста еще раз взглянул на Аглаю. Он был неплохим человеком. Усатым и носатым. При нем в селе меньше пили и больше работали. Бабушка даже думала одно время переехать сюда. Но что-то ее остановило тогда.

Дом старосты был не более зажиточным, чем крестьянские дома. Крепкие стены, светлые комнаты и дощатый пол, убранный домотканым ковром. В печи что-то варилось, вокруг хлопотала старостина жена. Она кочергой то поворачивала горшок, то снова выправляла. Запах стоял вкусный, как у мясной каши.

— Петя, да разве это по-людски, — сказала вдруг старостина жена, — девочку одну гонять? Нечего выдумывать тут, запроси в город у губернатора подмоги. А из денег, что собрал, оплати господскую работу. Если это казаки, пушай едут себе, девкам все лучше замужем. Так-то их никто не возьмет потом. А если что-то другое, не бабьего ума это дело.

Аглае стало обидно.

— Моя бабушка многому меня научила. Это дело не для всех, много ли проку от господ, если они главного не знают?

Старостина жена обернулась.

— Если ты так много ведаешь, то почему босой сюда пришла?

Аглая почувствовала, как краснеет. Ни слова не сказав, она выскочила из избы.

Перед тем, как с позором покинуть деревню, Аглая решила сходить до маринкиного дома. Та жила при швейной мастерской. На входе висел огромный платок с большой картинкой. На ней была изображена девушка в короне и с крыльями. Эта вышивка отличалась от той, что украшала платки. Словно ее делал кто-то другой. Из-под иглы безымянной мастерицы (ну не мужик же вышивал, в самом деле) девушка вышла живой. Она улыбалась, но не проходившим, а словно бы самой себе. Перья на крыльях будто бы топорщились от ветра. Аглая полюбовалась картиной да двинулась во двор. Ей указали, где найти старицу.

Старица сидела на ступенях. Она не выглядела такой уж старой. Наверное, старицами

здесь звали тех, кто достиг вершин мастерства. У старицы на носу сидели круглые очки. От них глаза выглядели огромными.

— Ты на работу хочешь? — спросила старица, взглянув на Аглаю, — Чья будешь?

Аглая закусил губу. Озерск был почти городом, народ здесь жил богаче. Аглая в обносках казалась им совсем уж нищенкой.

— Я про Маринку хочу узнать. Пропала она, не находили?

— Надо же, у нее были друзья, — старица сложила руки на коленях. Руки у нее с тонкой кожей, словно со следами от игл. — Она всегда одна сидела и вышивала. Талант у ней был. Могли через пару лет старицей сделать, если б замуж не вышла или в подоле не принесла.

Старицы все хранили обет безбрачия. И никто никогда не видел их ночью на сеновале. Бабушка рассказывала, что это бы нанесло обиду их ремеслу. Мол, ремесло очень ревниво, и хочет над женским сердцем нераздельно властвовать.

— И что, она ни с кем никуда не выходила. Не разговаривала?

Старица покачала головой.

— День-деньской в комнате вышивала. Видела же полотно наше? — старица дождалась кивка. — Марина крылья дошивала. Только самые наши искусницы допускаются к Птице-Сирин. Я и сама когда-то делала ей узор на короне.

— А почему у вас сплошь женщины-птицы на платках? Озерск же к Черниговке относится, а там петух на гербе.

Старица рассмеялась.

— Больше так не говори в Озерске. Птица Сирин однажды научила вдову вышивать, причем талант такой подарила, что женщина эта смогла детей на ноги поставить. А взамен Сирин потребовала, чтобы женщина вышила ее портрет. Та вышила, но не понравился он Птице. Она взяла и улетела отсюда. А всем известно, что Сирин лучше не злить. Она и наказать может. У той женщины, например, она забрала детей. Потому и считается, что старицей может быть только бездетная женщина. С той поры в Озерске ремесленная палата и стоит. Верят, что как только вышьют портрет, который Птице-Сирин угодит, к той женщине вернутся дети. И старицы все женами станут.

— И за два века ни один портрет ей не угодил? — спросила Аглая, пораженная противностью этой Птицы-Сирин.

— Да причем тут полотно, — ответила старица, — Сюда сирот да уродин гонят. Им и так либо приживалками коротать век, либо сразу топиться. Ремесло же прокормит.

— А в Ольменовке про это не знают, — сказала Аглая. — Просто бабы на базар ходят сюда и мужьям плешь проедают, красивый платок клянут.

— погоди, Ольменовка, говоришь? — старица поднялась, — Ваш пастух у нас платок заказывал, его Маринка шила как раз. Он оплатил, а никак не заберет.

Спустя лучину старица вернулась на крыльцо.

— Вот, видишь? Давно лежит уж. Отнеси вашему пастуху. Маринка сокрушалась, что не идет он.

Очень уж красивым оказался платок — синий, с красными маками по краю. Каждый мак, если приглядеться, превращался в женщину с двумя крыльями за спиной. Такого узора Аглая не видела ни у кого. Маринка постаралась на славу. Любая купчиха бы с радостью носила. Да что там, бери выше — даже знатная дама не опозорилась бы, выйдя в таком платке на улицу.

Аглая, кстати, всегда хотела озерский платок.

***

Ужин сегодня предполагался. Аглая стукнула яйцами друг о друга так сильно, что скорлупа упала на сковороду. А пусть так будет! Яйца зашкворчали, запузырились. Аглая постукивала пальцами по печи. Затем Аглая схватилась за веник. Давно пора навести здесь порядок! Она с силой провела по полу, подняв пыль. Когда здесь убирались по-настоящему? Ох, давно. А бабушка говорила, что домовик любит чистоту. Наверняка он обиделся и ушел, поэтому дома творится разруха. От печи пошел запах горелого. Выставив сковородку наружу, Аглая вернулась к уборке. Старый заплесневелый ковер Аглая скатала и уложила у порога. Тулуп, на котором Аглая провела зиму, пришлось вытряхивать и сушить. Нательное белье тоже затухло от долгой печальной зимы. Оно пахло не травами, а сыростью и болезнью. Такое только сжечь. Не жалко, — решила Аглая. Темнело, и было плохо видно пыль.

— Все они вечером появляются, — пожаловалась Аглая Пеструшке, когда принесла той вечернее сено, — только полуденницы по свету колобродят.

К сожалению, в этой истории из нечистого была только Аглаина изба. Как со старицей поговорила, сразу поняла все. Им же, озерским рабыням, нельзя с мужиком жить. Наверняка хочется, тем более, Маринка-то не из уродин. Поди с Олегом заженухалась и понесла. Вот прячется, чтоб дите родить и вернуться, как ни в чем не бывало. Анька же еще верней, что загуляла.

Аглая решила так: она придет к Олегу, там найдет Маринку и потребует платок за молчание. Маринка таких еще кучу вышьет.

Олег жил в доме семьи Ховросиных. Все они позапрошлый год полегли от пьянства кроме бабки Евросиньи. Та выискала себе жильца без страсти к зеленому змию. Олег жил в пристрое, там же стояли его инструменты. Олег мог починить что угодно, — так говорили.

В пристрое горел свет.

Из окна доносились звуки. Аглая наострила уши. Всхлипывания, как будто кто-то плакал. Да так горько. Таня тоже скулила в своем овраге, и ее никто не услышал. Аглая заглянула в окно.

На полу, под горящими свечами, сидела бабка Евросинья. Она стала старше, чем Аглае помнилось. Бабка утирала лицо. Ее запястья были обмотаны веревкой. Бабка подняла голову. Она что-то сказала, глядя прямо на Аглаю. Та не расслышала. У бабки вытянулось лицо, а рот широко и странно раскрылся. Перед тем, как Аглая провалилась в темноту, она поняла — у бабки Евросиньи вырезаны губы.

Пахло мышами и требухой. Аглая замотала головой, пытаясь вытряхнуть его из ноздрей. Она утыкалась носом в сарафан — бесполезно. Здесь пахло смертью — не красивой и благостной, а кровавой и отвратительной. Точно рана на лице бабки Евросиньи. Та сидела около стены, не глядя на Аглаю. Даже не шевелилась. Аглая боялась, что она уже умерла.

— Любопытная ты девка, Аглая, — сказал Олег. Голос у него был приятным и низким. Сколько раз Аглая слышала, как он этим голосом понукает коровье стадо. — И вот что мне делать с тобой?

Аглая замычала. Ей в рот запихали тряпку. Лучше не знать, из чего она. Руки стягивала веревка. Аглая пыталась пошевелить ими — бестолку.

— Ну да один к одному, — сказал Олег, — думал я о другой девке, но будешь ты.

Бабушка бы догадалась, кто он. Если бы он пришел в деревню на три дня раньше, бабушка бы догадалась! Она бы изгнала его. Свет давали только свечи, поэтому Аглая не видела его глаз. Наверняка они горели потусторонним огнем.

Ты не бабушка, ты не сможешь с ним совладать.

— Но сначала, пойдём-ка отсюда. А то кричать будешь, придется язык тебе вырезать. Как этой забулдыге, — Олег пнул бабку Евросинью. Она завалилась набок. Мертва, определенно! И давно. Аглае недосуг было думать, почему же тогда бабка Евросинья с ней говорила.

Олег, точно пушинку, поднял ее на ноги.

— Пойдем, пойдём. Только тихо, — предупредил он, — Иначе лицо порежу.

Аглая покосилась на самодельный тесак. Таким он убивал больных коров! Он же Пеструшку трогал. На глаза навернулись слезы. Нечисть издевалась над ней. Потому что Аглая не ведьма. Аглая обычная девка, и скоро умрет.

Над деревней растянулось огромное звездное небо. Стоял оглушающий запах цветов. Избы спали. Аглая переставляла ноги и знала, что все кончено. Олег подгонял ее, как корову. Между ребрами кололо — туда Олег наставил тесак.

Они вышли из деревни. Впереди начинался черниговский лес. Отчего-то Аглае стало легче — значит, она умрет там. И хорошо, и правильно. Вот бы найти покой около бродячего озера. Олег вел ее вглубь леса. Он знал, куда идти. Далеко от деревни, на поляне, стоял пенек. Олег заставил Аглаю сесть на него. Около пенька валялась груда тряпья. Аглая не разглядела, что это. Да и неважно.

— Значит, будешь ты, — повторил Олег. Луна выглянула из-за туч, осветив его лицо. И поляну. На ней, словно поломанные, лежали тела. Рядом с Аглаиной ногой валялась голова. А под пеньком, с другой стороны, рука. Аглая замычала, затрясла головой.

— Хорошо, здесь ты можешь кричать, — сказал Олег. Он вытащил кляп, — Тебя не услышат. А если и услышат, решат, что волки воют.

— Что ты за нечисть? — шепотом спросила Аглая.

— А тебя на философские темы потянуло? — казалось, Олег даже обрадовался, — Ну давай поговорим. Вы, деревенские, обычно дальше своего двора не видите. Может, это в вашей крови, не способны вы к науке и искусству. Я из бывших студентов, не деревенский сын отнюдь, а из-за циркумстенции вынужден тут прятаться и коров стеречь. Очень я устал, Аглая, притворяться. Эх, ты меня почти не понимаешь, наверное...

— Какой циркумстенции? — спросила Аглая. Ей вдруг показалось, что в темном лесу посветлело. Она различала прогалы между деревьями.

— По глупости своей и неопытности не проверил, что у старухи сестра есть. Она как раз пришла, а тут я ее расчлению. Убежать успела, дознаватель на меня вышел. Пришлось спешно бросать столицу. И вот я здесь.

— То есть, ты человек? — Аглая чуть не расплакалась от облегчения. Бабушка говорила, что бывают люди — нелюди. У них человеческое тело, но живут они по законам самого мерзкого нечестивого отродья. И страшное самое то, что их просто так не узнаешь.

— Может, даже больше, чем человек. Лучший человек, чем многие. Самый сильный, — Олег улыбнулся. И то, что это была нежная улыбка, а не звериный оскал, придало Аглае сил.

Аглая встала, ударив Олега головой в подбородок. Олег пошатнулся. Аглая наступила на оторванную руку, заскользила — и выровнялась. Крик застыл в груди. Не время бояться. Потом — сколько угодно. Аглая побежала. Руки, связанные за спиной, не давали разогнаться. Аглая надеялась только на чудо. Мимо проносились черные стволы. Сначала Аглая пыталась выбрать дорогу да плюнула. Везде одно.

Олег не отставал. Это не его собирались расчленивать. Аглая мчалась сквозь темный лес,

дальше и дальше. Ее сердце колотилось как бешеное. Она еле держалась на ногах. "Нет, нет, нет", — стучало в голове, — "Только не так, нет"

Аглая слышала топот за спиной. Он все приближался. Ветки цеплялись за волосы, ступни кололи шишки. Нельзя падать. Воздух стал резким и холодным, каждый вздох обжигал. Олег был все ближе. Аглае казалось, что она слышит его смех. Он гнался за ней, как за дичью. Он оторвет ей руки-ноги и оставит на той поляне. Боль в груди стала непереносимой. Небо слилось в одну черную полосу. Даже звезд было не видно. И когда Аглая решила "пушай догоняет", появилось бродячее озеро. Оно замерцало сквозь листву. Почему-то вокруг него лился туманный свет, густой как молоко. С новым притоком сил Аглая бросилась вперед. Озеро не даст в обиду! Оно ближе и ближе, вот уже играет та самая странная музыка... Нога зацепилась за корягу. С криком Аглая рухнула вниз. Она вдохнула холодной озерной воды. Аглая не могла встать, ноги гудели от натуги, руки ломило. Она не оперлась бы на них. Оставалось лишь захлебнуться. Тогда быстрее!

Последнее, что Аглая помнила — как поднялись воды озера.

Когда Аглая очнулась, луна сияла, как солнце. Было видно каждую травинку и песчинку. Даже дно проглядывалось. Аглая повернулась набок — и крик замер в ее горле. На берегу, головой в воде, лежал Олег. Он раскинул руки. А рядом, быстро-быстро раздирая его живот, сидела она.

Она была похожа на человека.

Никто не принял бы ее за человека.

Она сияла лунным светом и отправляла в рот куски человеческой плоти. Волосы — длинные и светлые — тянулись по земле, по приозерной траве — и уходили вглубь, под воду. Она посмотрела на Аглаю. Аглая посмотрела на нее. Самая настоящая нечисть. Медленно она поднялась. На ней была светлая рубашка, давно позеленевшая от тины. Она шла странно, покачиваясь в голених. Наклонилась, блеснули когти — и веревка спала с рук Аглаи. Нечисть махнула в сторону леса. Аглая встала.

Перед тем, как броситься прочь, Аглая обернулась. Нечисть выдирала из Олега требуху.

Ольменовка встретила Аглаю тишиной. Мрак уже отступал, скатываясь под избы. Луна выцветала. Она не настоящая, — осенило Аглаю, — настоящая там, у озера. На крыльце ждала серая кошка.

Экая наглая, еще не рассвело, а ты за молоком пожаловала.

В избе стоял ночной холод, пахло деревом и водой. Аглая села на топчан, тут же ей на колени вспрыгнула кошка. Раньше она никогда не гладилась. Она мурлыкала, таращась на Аглаю. Ее зеленые глаза походили на два небольших озерца. Вот уж не надо больше, — Аглая вздрогнула. Ее затыгивало в эти озерца. Они поблескивали. Кошки знают, как ходить между мирами. Аглая наклонилась, кошка заурчала. С углов набежал туман, заволакивая избу. Пропала паутина, растворился прогрызенный мышами пол. Аглая тут же увидела избу снова — чистую и нарядную. Все в ней светилось зеленым светом, как будто бы Аглая смотрела через кошкины глаза. На окне висели пучки трав. Даже запах почудился — мелиссы да мяты. На топчане стояла пирамида подушек, укрытая наволочкой. А значит... Аглая обернулась — бабушка сидела за столом. Она что-то писала, то и дело поглядывая на дверь. Бабушку еще не тронула болезнь. Перо она держала крепко, коса была черной. Бабушка состарилась в миг. Легла спать молодой женщиной, а проснулась старухой. "Эй, — позвала Аглая, но не издала ни звука. Бабушка продолжала писать. Эти чернила Аглая у нее не помнила. Они были красными, словно вишневый сок. Бабушка сильно надавила на перо,

бумага надорвалась. Аглая отпрянула — никогда она не видела бабушку такой. Раздался топот, закачались цветастые занавески. Куда ж они делись после бабушкиной смерти? В избу забежала маленькая Аглая, было ей лет семь от силы. Она носила платье, которое взрослая Аглая пустила на тряпки в прошлом году — голубое с подсолнухами. Бабушка поднялась, смахнув юбками несколько листков. "Ну, моя красавица, пойдем сегодня поколдуем?" Маленькая Аглая запрыгала. Она пустилась в пляс, она напевала "колдовать!колдовать!" Кружились подсолнухи на голубом ситце. Взрослая Аглая посмотрела под ноги. Тетрадный лист, исписанный ровными красными буквами. У бабушки всегда был красивый почерк. "Я не могу противиться, — начала читать Аглая, — Володя, я слышу в собачьем лае послание для себя. Сухорукая не была настолько безумной, она действительно существует. И я боюсь, что в моей крови есть...» Аглая подняла глаза. Что-то изменилось, воздух перестал мягко обволакивать ее. Он наполнился звоном и холодом. "Бабуль, что случилось? — спросила Аглая-маленькая.

Аглая-большая вздрогнула: бабушка глядела на нее сквозь времена и годы. Бабушка двинулась к Аглае, когда раздалось раскатистое мурлыканье. Словно волна, оно потащило Аглаю за собой. Оно смыло и бабушку, и гору подушек под кружевным полотенцем. Последнее, что долго не хотело уходить — бабушкино письмо. "Что в моей крови есть" Наконец, истаяло и оно. Осталась зеленая дымка, как будто бы Аглая заплутала в кошковых глазах.

***

Аглаю словно рапрямило. Последний год почти сделал ее сутулой и больной, теперь же Аглая вновь стояла прямо. В огороде проклюнулись ростки разной травы, чего с бабушкиной смерти не бывало. Пеструшка дала больше молока, чем всегда, аж из бидона вылилось. Сама изба перестала пахнуть тлением. Все в руках Аглаи ладилось, ей удалось надраить пол и оттереть печь от копоти. А не сходить ли самой на речку? Последний раз Аглая купалась слишком давно. Она взяла немного щелока, глубоко вздохнула — и вышла за ворота.

На улице стоял переполох. Около Олегаовой калитки толпились селяне. Точно, — вспомнила Аглая. И ее словно молнией ударило. Неужто она успела позабыть о том, что случилось сегодня ночью? Аглая тихо рассмеялась. Кто-то обернулся, и покачал головой. Ой, ну и пусть. Идут, идут — раздался шепоток. Из олегового пристроя вышло двое мужчин. Мирон и Колька. Если Мирон еще держался и шел неторопливо, то Колька чуть ли не бежал.

— Там, — завопил Колька, — там!..

— Там Ефросинья лежит. Мертва она, — сказал Мирон, — Только крысы ходят.

Бабы заахали. По толпе прокатился гул. Никто не верил. Аглая заметила в толпе Марфу. Та стояла бледная и растрепанная. Увидев Аглаю, Марфа нахмурилась и отвела глаза. А ведь, наверное, это ее Олег хотел отвести на ту полянку. Он же вокруг Марфы крутился. Почему-то здесь не было Тани. Она посплетничать любила. Аглая пожевала губу. С Таней могло случиться что-то плохое — в конце концов, она была замужем за Петром. А еще, Таня не пришла к ней утром. Аглая выскользнула из толпы. Ноги сами вели к Таниному дому — его недавно отстроили. Самый красивый дом, Петр заказывал кружевной деревянный узор на окне у Мирона. Вот чьи руки были поистину золотыми. На крыше вертелся красный резной петух. Ветер дул с востока.

Перед избой раскинулся огород. Таня очень гордилась черной смородиной, чьи ягоды с каждым годом становились больше. Аглая мимоходом сорвала одну. Какая кислятина! А Мирон тот же пил да нахваливал Танин компот.

Входная дверь была распахнута настежь. В сених лежал сарафан. И что он здесь забыл, не место ему здесь. Аглая решительно вошла в избу. Ну выгонят и выгонят. Хоть убедится, что жива Таня. На Аглаю как будто бы свалился тяжелый мешок. Она закачалась, уцепилась за косяк. Из угла раздался вой. Там, в красном углу, под иконой Николая Чудотворца, сидел черный косматый шар. Он то раздувался, то худел.

— Я с добром, — сказала Аглая, — А ты?

Шар издал крик. Было в нем отчаянье и мольба. У Аглаи аж слезы вытупили. Шар растекался черным дымом. Дым поднялся к потолку да убрался в печь. Только вой остался в ушах. Домовой был, — поняла Аглая, — смерть кликал. Она огляделась. Никогда еще не попадала в танин дом. Был у них негласный уговор — Аглая к ней не приходит. Может, из-за грязных ног, а может из-за ревнивого мужа. Пол сиял чистотой, его и облизать было нестрашно. Он бы не пережил Аглаины ступни. На застеленной кровати валялись сарафаны и платки. Один Аглая узнала — тот самый, из Озерска. Аглая двинулась дальше. Изба была большой, в несколько комнат. Всюду было чисто и убрано, лоскутные половики, кружевные занавески. Казалось, что Таня убирает с утра до ночи.

— Тварь! — услышала Аглая. Она пошла на звук. Раньше бы унеслась что есть мочи.

Дверь в последнюю комнату не поддавалась. Аглая поднатужилась. Со скрипом дверь распахнулась. На полу, закрыв голову руками, лежала Таня. Над ней стоял мужчина. Он обернулся, и в этом диком перекошенном лице проступили знакомые черты. Петр — ну а кто еще.

— Пошла отсюда! — рявкнул Петр. — Не видишь, здесь разговаривают!

— Ты ее бьешь, — Аглая не шелохнулась. Внутри разливался холод. Медленно он поднимался с пяток и выше. Этот холод должен был сковать ее, но он сковал страх, что жил внутри. Доколе же терпеть от каждой мрази хулу и побои? Доколе бояться гордецов и ублюдков?

— Пошла. Вон. — Петр пнул Таню, отчего та всхлипнула.

— Аглаюшка, иди отсюда, прошу!

— Чтобы любовника твоего позвала? Да? — еще удар пришелся по Таниной голове.

Петр даже не был пьяным. Что-то в нем исказилось, будто бы и не человек вовсе. А может, Аглая раньше не видела его по-настоящему. Лицо покраснело, глаза на выкате. И за ним как будто клубится рой мух. А Таня говорила, что он красивый, когда не кричит.

— Оставь ее, — сказала Аглая. Она подошла ближе. От Петра пахло мазутом.

Петр замахнулся и на нее. Аглая уклонилась. С пола слышался танин плач.

— Господи, — шептала она, — господи!

Петр схватился за кочергу. Таня вцепилась ему в ногу.

— Нет, не надо! Петруша, не надо!..

Аглая видела, как кочерга приближается. Такого удара не пережить. На миг Аглая встретила с Петром взглядом. Ему все равно, что будет с ней и Таней. Он таков, и этого не исправить. Этот же взгляд был у Олега. Оба думают, что лучше других, умнее и сильнее. Пс телу Аглаи пробежала дрожь, а Петр упал. Что-то больно ударило Аглаю по ноге — кочерга, которую Петр выронил. Аглая ничего не слышала. Должно быть звон стоял. В глаза било яркое полуденное солнце. От этого Аглае привиделась черная тень под Петром. Тень медленно таяла, пока не исчезла вовсе.

— ... уходи, — донеслось до Аглаи как сквозь пелену, — немедленно, убирайся!

Краски померкли, солнце скрылось.

Таня сидела около Петра на корточках. Она подняла заплаканное лицо.

— Сейчас же уходи!

Таня, расхристанная, с синячиной на пол-лица, смела защищать эту образину. И если он ударит ее по щеке, она вторую подставит. Она будет терпеть его пьянки и придирки, она приучит к этому детей. Скоро за ее спиной пойдет шепоток: а Петр жинку-то побивает. Кто-нибудь скажет: и поделом, нет дыма без огня. Все согласятся. И когда-нибудь Петр прибьет Таню за то, что о ней ходят слухи.

— Ну и уйду, — заорала Аглая, — уйду, а он пусть дальше тебя бьет. Дура!

Таня привстала. Она дышала тяжело, как будто болело в груди.

— Он и не сможет, — сказала Таня, — ты убила его.

Лучше б он меня убил, — вдруг поняла Аглая. Ведь теперь придут за ней с вилами и огнями. И никто не защитит.

***

Аглая не помнила, как шла. Село быстро исчезло, сменившись лесом. Он пах елками и землей. Но Аглая искала другой запах. Он то появлялся, то ускользал. Она продиралась сквозь кусты, лишь бы вновь напасть на след. Гниль и водяные цветы — запах озера, запах иного мира. Когда он стал отчетливым, Аглая замерла. Здесь.

Деревья раздвинули ветки. Аглая ступила на ковер из прошлогодней осоки. Под пяткой виднелось красное пятно. Кровь Олега? Аглая отскочила. И тут она заметила странное. В озере отражалась луна. Наверху по-прежнему светило солнце, но его желтый ровный свет превращался в лунное беспокойное мерцанье. Аглая склонилась ниже. Водная рябь смяла луну. Из глубины поднималось нечто белое. И Аглая, вместо того, чтобы бежать, жадно ждала. Бабушка бы не обрадовалась.

С нее стекала вода. Мир вокруг заволокло туманом, и ничего не осталось. Только ее глаза горели, точно путеводные звезды. Аглая сделала шаг навстречу.

— Кто ты? Ты убьешь меня? Как его? Тогда быстрее. Меня все хотят убить!

Ее лицо было так близко. Она красивей Марфы, Тани и бабушки, — пронеслось в голове Аглаи.

Она смотрела на Аглаю. Она даже не моргала. От нее веяло прохладой и чем-то еще. Аглая словно видела огромную залу, заполненную водой и людьми, и кто-то сидел спиной. Он держал в руках трезубец, покрытый ракушками. Наваждение пропало, когда она вскинула руку.

— Довольно, — ее голос звучал как плеск. Можно принять за журчанье подземных источников. — Уходи, дитя человеческое.

— Ты русалка, — спросила Аглая. — ты живешь здесь? Давно?

Русалка щелкнула пальцами. Из рта Аглаи пропали все звуки. И рада бы говорить, да нечем. Аглая словно приросла к дну. От воды поднимался невесомый туман. Квакали жабы и плескались рыбы.

— Какая ты быстрая и громкая. Не люблю таких, — русалка обошла, а вернее сказать — обплыла Аглаю. Русалка двигалась медленно и плавно. Подол ее белой рваной рубахи коснулся Аглаиных ног.

— И что делать с тобой?

Из огня да в полымя. Бабушка бы очень огорчилась. Да она и не учила Аглаю ничему. Бабушка что, просто надеялась, Аглая никогда с этим не столкнется? Бабушка желала внучке такой участи? Без волшбы и чудес, и чтоб издохнуть от голода?

— Сыта я, — русалка помолчала. Аглая смотрела на нее во все глаза, — но утянуть тебя на дно нетрудно.

Против русалок действует молитва. Только вот Аглая забыла слова. А если вспомнит — она нема даже больше рыб, которые плещутся под ногами. Холодные руки коснулись Аглаи.

Русалка рассмеялась.

— Я пошутила, я не ем женщин.

Сердце Аглаи забилося. Она стояла ни жива, ни мертва. Воздух показался ей прозрачным и звенящим, хотелось смеяться и плясать. Перед глазами плясали цветные мушки.

Не сразу Аглая поняла, что может говорить. Раздался всплеск — русалка ушла под воду.

— Требу не забудь, — донеслось с глубины. — Ведьма.

Из русалкиных уст это звучало приятно.

Утром она ждала вил и воплей. Но минул рассвет, новый пастушонок увел за собой ольменовское стадо, серая кошка вылизала левую ногу и приступила к лысому животу — и никто не пришел. Небо светлело и голубело. На огороде жужжали шмели. Аглая сидела на крыльце. Она уже перечитала бабушкины рукописи. Ничего нового о русалках не нашлось.

Даже распоследняя мавка может очаровывать. Бывали случаи, когда на дне находили целое кладбище, а русалка десятилетиями кормилась заблудшими путниками и пьяницами. Аглая вспоминала, как заглянула в русалкину память. Что там была за зала, водой залитая? Бабушка рассказывала, что видения и сны приходят против воли. Иногда они лишь наваждения, которые ни к чему не ведут. Но иногда...

— Здравствуй! — Таня шла по тропинке. Ее волосы были заплетены в косу и повязаны черными лентами. Сарафан Таня надела темно-синий. Правда, был он слишком новым для траурного платья и слишком простым. Прокрашенное полотно без узоров и тесьмы.

Аглая напряглась, готовая сбежать по первому крику.

— Я извиниться пришла, — Таня остановилась в трех аршинах от крыльца. — Права ты была, Аглаюшка. Петр меня мучал, а я все терпела да терпела.

Шмель врезался в окно. Аглая всмотрелась в Таню. Та держала голову высоко. Взгляд больше не был потухшим и печальным, как у бродячей собаки. Теперь внутри Тани горел огонь. Он красил ее больше всех нарядов.

— Я сказала, он выпил хмелю да сердце не выдержало. Сейчас само летнее время, его хоронить сегодня и будем, а то завоняет, — Таня стряхнула с подола лист смородины, — Знаешь, Аглая, я как освободилась. Сердце за Петра совсем не болит.

Таня еще совсем молода, ей и двадцати нет, — подумала Аглая, — но кто замуж возьмет вдову? Таня должна понимать, что дни ее будут горькими как придорожная полынь. Ольменовка не любит перемен. А Таня не в печали, это значит...

— Ты другого любишь, да? И он не отсюда.

Глаза Тани округлились. Она поднесла было руку ко рту да передумала.

— Откуда знаешь? Хотя о чем я, ты же знахарка! Да, верно все, люблю другого. И давно, ой давно.

Невесть откуда налетел ветерок. Он принес запах водяных цветов и хвойных иголок. Сердце Аглаи забилося — там, в чаще, спрятано озеро, а в нем, вопреки законам человеческим, живет русалка. Она видела то, что никто не видел. Она выше людских споров и свар. И если есть она, то и для Тани не все кончено.

— Только вот... плохо ему теперь. Это его дочку, Аньку, похитили. Я вот за него боюсь,

Аглая — а ну как не казаки это были, ну как она мертва. Не переживет Мирон. Так у него хоть надежда будет, — Таня нахмурилась. Она с опаской взглянула на Аглаю. Та могла разрушить все одним словом.

Аглая вздохнула. Солнце — всевидящий глаз дневного бога — скрылось в облаках. Трупы Аглая похоронит по бабушкиным обрядам, чтоб в голодных навий не обратились. Пущай все на казаков думают

— Я нечисти там не нашла, — сказала Аглая правду. — Скорее всего, правда, казаки их увели. Они могли и Олега порешить, и бабку Евросинью.

Таня засияла. Она приобняла Аглаю.

— Спасибо, спасибо. Аглаюшка. Мы с Мироном уедем, как он готов будет. Приходи на поминки, там все три деревни будут.

— Марфа от счастья прям там окочурится, — ответила Аглая.

Бабушкины дневники истлели. Умела бабушка тайны хранить. На одном листе, чудом уцелевшем, Аглая нашла заговор на схран. " Дабы сохранить что-либо от людских глаз, нужны особые слова. Кроме них нужна самая сильная человеческая вода. Ею надо запечатывать вход, ею же и раскрывать. Только вода должна быть от одного и свежей. Слова же таковы: у кого ключ, тот видит дверь. Ключ один подойдет, и дверь один найдет. А кто не знает, где искать, тот мимо пройдет. Ключ, факел, пес" Заговор мало что открыл Аглае. Про какую такую воду бабушка писала? Может, к старости она выжила из ума? Аглая вздрогнула. Да что за мысли такие.

Трупы она решила закопать по бабушкиным наветам. Аглая раньше пыталась так хоронить мертвых птиц, но ярое пламя не появлялось. Приходилось униженно закапывать трупики голыми руками. Не таясь, Аглая пришла к поляне. Чутье вело ее. Она как будто слышала запах мертвой плоти. Тела обвивалась серая дымка. Жизнь перерождалась. Про это бабушка не писала, но Аглая догадалась — так становятся навьями. День, может два — и по лесу будут блуждать два голодных вурдалака. Аглая засучила рукава. Пора браться за работу.

"Нет ничего, что Мать-Сыра-Земля не могла бы принять, недра ее бездонны, а воды глубоки", — шло первой строкой в бабушкиной тетради. Аглая очень надеялась, что это так. Покой должен стать наградой. Аглая присыпала тела солью. Дымка задрожала, загудела, в ней стали проступать лица. Аглая узнала их. Это и правда были Анька и Маринкой. "Оживи нас! — говорили они, — Послушай! Живи для нас! Так несправедливо! Отдай нам себя!" Аглая принесла с собой платок, что Маринка вышивала своему убийце. Она укрыла им останки. Голоса не отступали. Они шептали и молили, грозили и приказывали. Они жаждали крови, что текла внутри Аглаи. Им было непонятно — законы жизни и смерти одинаковы для травы и трупа.

— Прочь! — сказала Аглая голосам.

"Ляг рядом, — просили голоса, — один сон в мягкой землице, здесь нет ветра". Аглая потрясла головой. Вокруг поляны росла бурьян-трава. Она была неприметной, хоть и малиново-красной. Бурьян прятал цветы высоких стеблях.

— Я сорву, не сердись, — сказала Аглая. Бурьян раздвинулся. Четыре цветка упали Аглае на ладонь. — Благодарствую.

Дымка сгустилась. Теперь ее увидел бы любой. В нос ударил сильный запах трупа. Аглая закашлялась. Она снова сыпнула в могилу соли.

— Прими и упокой. Ваш губитель мертв. Вы мертвы. Идите в Навь, куда Екатия указала. Гой!

Лица завопили. Они не верили. Им было мало одной смерти. Бабушка говорила, что мертвецов и нечисть надобно пугать. Ведь ты ходишь по солнечному миру, когда им ведома только холодная туманная навь. Любой решил бы, то это несправедливо.

— Убирайтесь! — Аглая повысила голос, — Вам на покой. Идите до конца дороги. Гой!

Она столько раз мечтала об этом! Заклинать зверей, ворожить в полную луну и властвовать над мертвыми. Теперь ей было грустно и противно. Из Того Мира к Аглае тянулись холодные руки. Она слышала, как бурчат от голода навьи животы. Ничего прекрасного в этом не было. Аглая утерла слезу.

— Вам в Навь. Улетайте и не возвращайтесь! Иначе Екатия осерчает. Гой!

И голоса пропали. Сквозь крону сосен пробился солнечный луч. Он растворил серую больную дымку. Он окутал могилу теплым светом, заискрились крупинки соли — и тела с платком загорелись нездешним огнем. Белоснежный дым поднялся над ямой. Огонь пожирал вышитые маки. Аглая задержала дыхание. Красиво.

От девок ничего не осталось. Даже маринкин платок истлел. Яма и яма, каких полно. Через день здесь проклюнется куст бересклета. Лишь знающий поймет, что когда-то на этой поляне совершили старый колдовской обряд — тризну об убитых.

Село, вопреки поминкам, ожило. На дворе слышались разговоры, кое-кто даже смеялся. Аглая вошла в парадные ворота. Она огляделась. Снаружи, примяв танину смородину, стоял длинный стол. Он ломился от яств — были здесь и расстегаи, и блины, и три огромных котла с кутьей. В углу сиял янтарным блеском ковш с квасом. Селяне подходили к кухне со скорбными лицами, а выходили с веселыми. Аглая заоглядывалась. Ей не хотелось, чтобы толпа ее обзывала. Марфы видно не было. Аглая приблизилась к столу. Сколько всего здесь на потребу лежит. Русалка бы приняла такое угощение, это тебе не одно яйцо с куском хлеба.

— Что, нищенка, пришла поесть? — сказали Аглае в спину.

Марфа была тут как тут. Даже простой, старый сарафан не портил ее. Она сняла все украшения, только на груди болтался деревянный крест. Аглая отвела глаза.

— Хватит уже, — сказала Аглая, глядя на кусты смородины, — Довольно.

— Нет уж, — прошипела Мафра, — не хватит! Ты еще и брата моего убила. Говорят, ты там была, — Мафра повысила голос.

На них заоглядывались. Женщина с морщинистым лицом — Аглая не сразу признала в ней мать Петра — сделала Марфе знак рукой. Марфа не слушала. Она смотрела на Аглаю.

Марфа так ее и не простила, хотя столько лет прошло. Его звали Никита. Он и мухи не обидел за всю жизнь. После ярмарок он развозил по домам стариков. Он помогал вдовицам по хозяйству. Он однажды нашел в хлеву котят. Зима выдалась тяжелой, самим есть было нечего. Люди говорили, чтобы он утопил котят. А Никита до лета ловил им мышей. Ведь это несмышленьши, они не виноваты, что родились.

Никита ходил к Аглае с бабушкой. Вечерами они пили чай с травами. «Тебе надо уезжать, — раз за разом повторяла бабушка, — Ты слишком добр для этих мест, рано или поздно они тебя погубят»

Аглая злилась на бабушку. Та науськивала Никиту против Ольменовки. Порою Аглая боялась, что Никита больше не придет. Но он всегда возвращался с гостинцем или историей. Он дружил со всеми, и Марфа часто становилась героиней его баек. Аглая знала про нее, что она смелая, гордая и неглупая. Что у нее острый язык, который не жалит понапрасну. Аглая мечтала, что когда вырастет, станет похожей на Марфу.

Бабушка, слушая про Марфу, хмурилась. Уже потом Аглая поняла, что бабушке жаль

было парня. Не по Сеньке шапка, не по Никите девчонка. Бабушка ошиблась. Уже на Параскееву Пятницу Никита гулял с Марфой под ручку. Кругом болтали о свадьбе.

Хотя эти места все-таки погубили Никиту. На Крещение Аглая прыгнула в прорубь. Омут закружил ее. Ногу свело. Аглая не успела испугаться, только удивилась. Вода сомкнулась над нею, как сыра земля.

Из воды Аглаю спас Никита. Сам он пошел ко дну, труп всплыл через три дня в черниговской проруби. С тех пор бабушка всегда ставила на Деды еще одну тарелку. «Это для Никиты, — говорила она, — он нам как родич»

Навеки Никите теперь быть с проклятыми.

Человек, который принес столько света, оставил после себя горюющую невесту. Которая не простила бы Аглаю и в час Страшного Суда.

— Что вы, девки, раскричались? Или стыд потеряли? — спросила Агафья. Это была нестарая еще крестьянка. Поговаривали, к ней ездит сам барин С. — Поостереглись бы. Особенно ты! — Агафья кивнула на Аглаю, — тебя здесь вообще быть не должно.

Другие молчали. Кто-то засмеялся у Аглаи за спиной. Таня, которая несла на стол зажаренных карасей, ойкнула. Караси упали в траву. На радость окрестным пестрым кошкам.

— Ей нужно уйти, прочь, — поддакнула Марфа, — Может, она заразная. Откуда нам знать?

— Это ты заразная, — выпалила Аглая, — До Никиты со сколькими гуляла, а?

Марфа побелела. Она схватила со стола кувшин и ударила им Аглаю. Та расхохоталась. Моченые ягоды разлетелись по столу. В нос ударил кисло-сладкий запах прошлогодней закваски.

— Утопить меня хочешь? Давай, чего ты!

Марфа взвыла. Она взяла вилку. С изогнутыми зубьями, сплюсненная — вилка устремилась прямо к лицу Аглаи. Та отодвинулась. Она дернула на себя скатерть, миски поехали вниз.

— Прекратите! — крикнул кто-то. — Горе у людей!

— Горе? — рассмеялась Аглая, — Да Петр был чудовищем. Он бы убил свою жену за год. А вы бы просто смотрели. Как всегда делаете! Ваш ненаглядный Олег убил старую бабушку! А кто-то про нее узнавать ходил? Как Никиты не стало, вы все в диких зверей превратились. Все вы прокляты! Прокляты!

Аглая увернулась от кулака Марфы. Пролезла под столом, подняла карася для серой кошки и побежала к калитке.

Вслед доносился гул. Никто ее не остановил.

***

Аглае было все равно, сожгут ли ольменовцы ее дом. Может, и убоятся. Серая кошка лежала в ногах. Ее глаза поблескивали, как зеленые камешки на дне реки. Над потолком вились белесые тени. Они Аглаю не трогали, потому она их тоже не тронула. Пускай летают. Когда Аглая закрыла глаза, изба никуда не делась. Все вокруг стало ярче и светлей. Из окна забило солнце. Весенние звуки донеслись до Аглаи. Звенела капель, псы выли, дети носились по двору. Дверь открылась. Бабушка кинула на топчан охапку молодых вербных веток. Она глянула на картину, что висела на стене. Картина называлась "Царица небесная". На ней красивая женщина в короне из двенадцати звезд выходила из леса. В руках она держала поводок с трехглавым псом. Одна голова скалилась, другая спала, а третья смотрела

прямо на зрителя. Аглае любя была эта картина. Только она пропала после бабушкиной смерти.

Бабушка почему-то сказала, обращаясь к картине: "прости меня, Трехликая".

"Бабуль, — донеслось со двора, — а какой снег нести?"

"Самый чистый!", — бабушка повысила голос. Она на миг прикрыла лицо руками, — "Кикиморы любят чистоту и порядок!"

Аглая не помнила этого. Ей всегда казалось, что бабушка никогда не посвящала ее в тайны ведовства. Что лунные ночи, запах трав и собачий вой бабушка ни с кем не делила.

Бабушка начала хлопотать. Она достала сверток пестрой ткани, вытащила из печи щепотку золы и накатала из пчелиных сот свечу. В свечу бабушка насыпала каких-то трав.

Маленькая Аглая принесла бидон снега. "Самого чистого, что нашла!" — похвасталась она. пританцовывая, — "Ее чего-нибудь, бабуль?" Та погладила маленькую Аглаю по голове.

"Молодец, все правильно. Сходи-ка, поиграй!"

Аглая с жадностью наблюдала, как бабушка готовится к ведьмовскому обряду. Лицо у бабушки было сосредоточенным и грустным. Она то и дело убирала ото лба прядь волос.

Что-то не походило это на простой весенний обряд по улещиванию кикимор. Тем-то свечи ни к чему. Бабушка в жизни не стала бы поить нечисть своей кровью. Еле слышно бабушка бормотала что-то. Аглае прислушалась.

"Вечная и извечная, что на середине трех дорог, приди и упокой дар, приди и отыми взор, приди и запечатай кровь! Отринь от груди, забери ключи, жизнь иную подари! Приди, приди, приди!" Свеча вспыхнула красным. Бабушка огладила ее, натирая кровью. "Забери дар, упокой кровь, затумань взор! Лиши этих оков, что всех связывают ведьм во веки веков!" У Аглаи голова пошла кругом. Застучало в ушах и заломило в груди. Она опустилась на пол, еле дыша. А бабушкина песня словно стала громче: "Кто пламя твое задует, тот дар свой погасит! Кто пламя твое задует, тот навеки забудет! Суть свою забудет, лик свой потеряет. Была скверна, да стало чисто" По избе пробежал ветер. И не теплым весенним был он, а словно из самой лютой зимы выскочил. Аглаю сковало холодом. Она примерзла к полу. Она видела себя со стороны. Только меньше. Не сразу догадалась — это же маленькая Аглая пришла.

«Такой я и была, — вспомнила вдруг Аглая, — в ту весну после никитиной смерти» А ведь и правда. Бабушка то и дело проверяла Аглаю, словно та подхватила лихорадку. Аглая плакала по Никите, а бабушка не плакала. Она чего-то ужасно боялась. Она просила не подходить к воде, сама набирала воду в колодце. Бабушка говорила, что в воде кто-то живет, и он хочет Аглае навредить. Бабушка все исправит, — утешала. «А Никита тоже вернется?»-спрашивала Аглая. На это бабушка не отвечала.

Бабушка поманила ее. "Что это, бабуль?" — спросила маленькая Аглая. Она замерла у порога. С руки упала красная варежка. "Так надо, иди сюда!" — сказала бабушка, голос ее стал жестким. Маленькая Аглая приблизилась. Сморгившись, она взглянула на свечу. "Задуй ее, нам пора!" — произнесла бабушка. Маленькая Аглая мешкала. Она глянула на картину. С трудом отведя взгляд, маленькая Аглая наклонилась, набрала воздуха и...

В окне пылала луна. Ее свет заливал избу. Аглая жадно вдохнула лунный прохладный воздух.

Слезы потекли сами собой. Аглая не стала утираться. Она вглядывалась во мрак, силясь отыскать место, где раньше висела Царица Небесная.

Она кричала. Ее стоны мешали спать. Вся деревня враз оглохла, и никто не пытался ее

угомонить. Аглая захлопнула калитку и пошла на вопли. Бродяжка ли валяется в канаве? А может, какую бабу порезали на вчерашних поминках? "Странно, что не меня, — подумала Аглая. День был серым. Даже придорожные травы стали седыми и пыльными. Аглая собиралась сорвать колосок, чтоб было веселей искать — да побрезговала. Стоны доносились из-за смирновской калитки. Галя Смирнова- баба любопытная. Во всей деревне нет уголка, куда б она не сунула свой длинный кривой нос. Уж она б нашла источник криков. Аглая все-таки вошла. Ежели кого-то убивают, надо пресечь. Раз уж так хорошо удастся попадать в беду.

Около смирновского сарая (с отличной, между прочим, крышей, не в пример Пеструшкиному стойлу) собрался народ. Хмурый Иван Смирнов чесал в затылке. Галя кусала губы и мяла подол.

— Что делать-то, Ваня? Ужо сколько мучается? Пристрелить?

— Да где я тебе ружье возьму?

— У старосты? — предложила Наташка, сплетница и хозяйка мельницы. Которая, кстати, не работала года два. Наташка наверняка ненавидела себя за то, что вчера уезжала в соседнее село. Столько слухов пропустила.

Галя закрыла лицо руками.

— Жалко ее! Совсем ж молодая. Кто знал, что не разродится она.

И Аглая вошла в сарай. Там лежала корова. Ее бок с бурым пятном тяжело вздымался. Корова была раздувшейся, налитой. Она то и дело мычала. Аглая же слышала человеческие крики. Она огладила корову по рогам. Та повернула голову.

— Ты что делаешь? — Галя вбежала следом.

— А на что похоже? — спросила Аглая, не оборачиваясь. Она легонько коснулась бока. Теленок внутри был еще жив. Он не мог прорваться. Мало силенок. Бабушка писала, что перво-наперво закладывается воля к жизни. Что именно она заставляет искать выход из материнской теплой утробы. Этому теленку не везло. Душные темные стены обступали его. Он боялся и умирал. Аглая прижала руки к коровьему боку. С ладоней ее пошел холод. Теленок зашевелился. Корова задышала, задвигалась.

— Тише, — сказала Аглая, — тише. Все хорошо будет.

Она вела теленка прочь от смерти. Его мир был слишком горячим. Аглая же стала холодом. И теленок шел за тем, что так отличалось от его привычного уклада. Если есть хоть капля любопытства, — говаривала бабушка, — ты выживешь. Но обязательно проживешь долго, — всегда добавляла она. Корова долго и протяжно замычала.

Показались копытца.

С усилием корова вытолкнула теленка. Он упал на холодное сено. С мгновение Аглая боялась, что помер. Что не хватило воли, не сдюжил он. Наконец теленок замычал. И в этом мычании слышалась звонкая яркая нота. Победил первую смерть.

Куда позже Аглая стояла посреди тропы с корзиной пирогов. Смирновы расщедрились. Иван даже предлагал починить Аглаин сарай. Небо очистилось, поглубело, словно его хорошенько прополоскали в реке — вместе с щелоком и матерком. Травы вновь позеленели. Аглая торопливо покинула деревню. Теперь, когда она осталась одна, из головы не уходила бабушка. Она собирала цветы, вязала варежки и лечила людей. Она писала свои тетради при черных польнных свечах, Бабушка, такая чудесная и далекая, открылась Аглае с другой стороны. И до чего ужасал этот лик. Теперь Аглае вспоминалось детство. Она слышала зачарованную русалочью свирель задолго до того, как прочитала о ней в бабушкиных

записях. Она даже помнила хороводы кикимор на русалью неделю. Под печью жил-поживал домой, иногда он принимал вид огромного черного кота. Однажды бабушка приютила бездомную мавку. У той вода лилась через пустую спину. Аглая была маленькой, потому очень хотела просунуть палец под мавкин хребет. Мавка улыбнулась странно и сказала: "такая бесстрашная, даже бесов не убоишься" Бабушка тогда очень рассердилась.

Около озера, как обычно, звучала музыка. Отраженная луна пошла рябью, и с глубины поднялась русалка. От ее взгляда Аглая опустила глаза. Она протянула корзинку со смирновскими гостинцами.

— Прими требу, хладнолика.

Русалка засмеялась. Но ее смех не звенел, как у девок на завалинке. В их голосах словно солнце вплело свои лучи. Русалкин же смех холодил кровь. Она стояла посреди озера, мокрая и прекрасная. И Аглае нестерпимо захотелось упасть в воду да упокоиться на дне рядом с русалкиными утопленниками. В бабушкиных тетрадах говорилось, что русалки держат полюбившихся жертв при себе. Те не разлагаются, навек покорные русалкиной воле. Странно, что бабушка не описала, как одним апрельским днем забрала у внучки колдовскую силу.

— Чего с тобой, ведьма? — спросила русалка. По коже — белой, без румянца и жил — текла вода. Русалка отвела от лица набухшую прядь. — Чай не любит кто?

Аглая поморщилась. Вот уж никогда не волновали ее местные парни. Она вздохнула. По песчаному дну ряели длинные зеленые водоросли. В лесу каркнул ворон.

— Давно ты здесь живешь? — спросила Аглая.

— Сорок весен, — русалка не отходила. Она надломил пирог. — Женщина, что сготовила его, мужу изменила. Пересолила.

Русалка бросила пирог в воду. Набежавшая волна утащила его.

— Правда? — Аглая представила, что кто-то позарился на Галю. Да быть не может! Кто-то любит сплетни и длинные носы, что ли?

— Она хочет детей, а муж бессилен, — русалка улыбнулась, показав белые зубы. — Старая колдунья нарвала бы желтой да лунной травы, заварила — и опоила женщину. Был бы приплод, да особенный. Ребенок принадлежал бы нави наполовину.

Она про бабушку, — осенило Аглаю. Она ее знала! Они разговаривали! Сорок весен — это целая человеческая жизнь.

— Возвращайся к людям, в лес же больше не приходи, — сказала вдруг русалка. Она смотрела за Аглаино плечо. Та обернулась, и ничего не увидела. Только над лесом сгустились тучи.

— Что это значит?

Но русалки уже не было. Только пустая корзина.

Аглая уже два дня не открывала бабушкины тетради. Хотела выкинуть, чтоб глаза не мозолили, Пожалела — столько всего сгинет, и записи, и рецепты. Сила выбирает ведьму не за доброе сердце или кроткий нрав. Ну да что о силе думать, никогда ж ее не поймешь. Сколько Аглая ни молила силу, чтоб та вошла в нее, ни разу не сработало. А стоило споткнуться, убегая от душегуба — пожалуйста, волшебство началось сама собой. Теперь, когда Аглая шла по полю, она сразу видела — этот цветок сгодится для колдовства, а этот пустой, и место его в венке. Аглая чуяла людей. Она успевала спрятаться до того, как ее заметят.

Русалка сказала, не приходи в лес. Аглае с каждым часом все нестерпимей хотелось вернуться к озерным берегам. И чтобы требу принести достойную.

День-деньской Аглая сидела за столом и гладила серую кошку. Что-то происходило, да только что вот? Порою воздух дрожал, и откуда-то доносился звон. От него Аглае становилось так радостно и легко.

Она не понимала, что с ней происходит. Она однажды проснулась другой. Или же проснулась вообще.

В дверь постучали. Аглая сначала показалось, что это ветер дернул ветку. Звук повторился. Серая кошка подняла голову.

— Меня нет, — сказала Аглая шепотом. Надо, надо было уходить, пока никто о ней не вспомнил. И что теперь — камнями побьют? Утопят, может? И Таня ни слова не скажет, она же ни разу не зашла с похорон.

— Аглая, ты дома? — раздался незнакомый голос, — Аглая!

Аглая вздохнула. Нехотя она отперла дверь.

— Старостина жена? — вырвалось у Аглаи прежде, чем она успела захлопнуть рот.

Да надо же, та самая, кто отменил Аглаину охоту на нечисть! Старостина жена, Ириной ее вроде кликали, улыбнулась. Был на ней красивый платок, не иначе озерской работы.

В ушах болтались жемчужные серьги. На юбку ушло аршина три ткани. Узор из цветов вился по ней.

— Аглая, я за советом, — старостина жена поправила серьгу. Она убрала с рукава былинку, потеряла ее меж пальцев, наконец, вздохнула. И речь из нее полилась потоком, — Аглая, у меня беда случилась. Димка же мне бусы дарил, из камня-медного малахиту, с искорками. Я дура-дура берегла и, никогда не носила. А тут дочка просить начала, чтоб красивой в люди выйти. Я и дала ей, эх. Дуреха моя возьми их и потеряй. Жалко очень, Димка их на свадьбу дарил, они от матери его достались.

— Я бусами не торгую, — сказала Аглая. При старостинной жене она всегда себя неуютно чувствовала. Староста привез жену из городу, отцом ее был лавочник. Он разорился, но до этого вроде как успел дать дочери приличное воспитание. Она даже умела играть на рояле.

— Мне бы найти, а не купить. Уж я отблагодарю. Наташка давеча рассказала, как ты корове отелиться помогла. И мол, ты вещи чувствуешь иные. Я отблагодарю, — повторила старостина жена. Она протянула Аглае корзину. Та заглянула любопытства ради. И онемела — внутри лежала ярко-синяя ткань. С трепетом Аглая достала ее. В руках ткань расправилась, потяжелела, и стало ясно, что это сарафан до полу.

— Доча из такого выросла, а тебе в пору будет. Примерь-ка, а то что ходишь расхристанно. Ладная же девка. Вон у тебя стан какой, стройный.

Аглая сделала вдох. Потом еще один, но не помогло. Сколько лет она не носила красивых нарядов. Она на отражения свои старалась не смотреть, уж больно противно было.

— Манька говорит, что бусы эти на гуляньях уронила, — старостина жена приложила к Аглае сарафан. — Они по лесу бродили. В лес вошла в бусах, а вышла без них.

"Не ходи в лес больше, — сказала русалка. Она же не думала, что Аглая послушается?"

День быстро таял, и вдалеке нарождался малиновый закат. Аглая темноты не боялась. Она различала оттенки сумерек теперь. А когда-то дивилась, отчего бабушка в самый темный час не гнушится выйти наружу. Ирина указала, где ее дочь ходила гулять. Меж селами была длинная сосновая роща. Когда-то там стояла деревянная церковь, но после, по указу из города, ее перенесли в Троицк. С той поры в рощу зачастила молодежь. Летом там устраивали купальские гуляния, жгли костер до небес и играли в мавок. В детстве Аглая

наткнулась на одну такую девушку, простоволосую и в длинной белой рубаше. Не показалась она тогда страшной, Аглая даже не пискнула. А девушке крикнул кто-то "не трожь ее, она Пелагеина внучка!". Аглая никогда не участвовала в купальских гуляниях, хоть бабушка в последние годы и просила.

Быстрым шагом Аглая подошла к роще. Не думать о бабушке. Она мертва не только по церковным книгам, сердцем Аглая ее тоже похоронила. Поделом потому что. Да только, — пронеслось в голове, — как не вспоминать-то? Кроме бабушки и не было ничего.

Внутри стоял густой грибной запах с примесью сосновых иголок. У Аглаи голова закружилась. Она схватилась за свой сарафан. Не утерпела ведь, надела — и ярко-синее полотно колыхалось около ног. Почему же русалка запретила ей ходить здесь? Под ступнями лежал мягкий ковер из хвои, воздух мерцал и был золотистым, будто бы в нем растворилось вечернее солнце.

Бусы из медного изумруда — интересно, какие они? Аглая видала украшения только на местных женщинах. Бабушка такое не носила. Почему-то она, очень красивая, даже в старости, никогда себя не украшала. Да как же выглядит медный изумруд? Аглая в избе постыдилась выпрашивать про бусы. Она закрыла глаза и представила старостину жену. Холодная и крепкая, с сильным голосом и сильными чувствами она носит господское имя Ирина. Ей должны нравиться красные каменья. А бусы из медного изумруда она не надевала, потому что они не красные, они совсем другого цвета. Такой цвет не горяч и не холоден, он приятно теплый, как летний день. Аглая хлопнула себя по лбу. Зеленые, зеленые бусы надо искать! Она огляделась. Найти зеленые бусы в зеленом лесу?

За спиной раздался шелест. Аглая обернулась. Ни души. Ветки колыхнулись от ветра. До Аглаи донеслась далекая дудочка. Где-то там, за пшеничными полями, пастушок вел ольменовское стадо обратно домой. Иголки зеленели на черном земляном ковре. Аглая наклонилась к одной — медные изумруды такого же цвета? Она покатила иголку между пальцами. Вдали солнце величественно и неизбежно опускалось за горизонт. Оставалось совсем немного времени.

Ветка хрустнула позади. Аглая подскочила. Ничего не произошло. Может, птица какая пролетала да задела сук. Под осиной, что стояла поодаль, сверкнуло что-то зеленое. Аглая приблизилась. Под осиной вокруг стояли грибы. Аглая раздвинула их, пощупала землю — не было здесь бус. Размотав косынку, Аглая стала собирать грибы. Будет что пожевать завтра. Перед глазами поплыл туман. Аглая помотала головой, но туман никуда не девался. Ей стало казаться, что она видит рощу иначе. Осинка теперь росла далеко, а сама Аглая шла мимо кустов бересклета. Его ветки зацепились за красный сарафан. С досадой Аглая убрала их. "Женьк, — сказала она, — далеко еще?" Ее подруга ответила "нет, мы почти пришли, чего ты ноешь" Аглая надулась. Женька всегда над ней издевалась. И чего они вообще дружат Аглая остановилась. Женькин сарафан белел вдали, вот-вот, и она скроется из виду. Да и к лучшему, — подумала Аглая, — и зачем с ней пошла? Лучше б дома маме помогла пирог испечь с малиной. Аглая потеряла бусы. Эх, зря их надела. Боязно за них, не попляшешь теперь с ребятами. Она вновь потрогала бусы — на месте ли? Женька крикнула "Ты где?" И Аглая нехотя поплелась. Теперь она видела все со стороны. Высокая иринина дочка быстро уходила. На ветке бересклета болтались зеленые бусы. Ветка выпрямилась, бусы скатились вниз.

Когда туман рассеялся, оказалось, что совсем стемнело. Мрак стал осязаемым, он укладывался под сосны, занимал воздух между ветками. Аглая поднялась с колен. Вон они,

кусты бересклета, которые похитили бусы. Аглая двинулась к ним.

На Аглаю посыпались шишки. Она с воплем подпрыгнула. Грибы упали под ноги. Что-то схватило Аглаю за плечи и закрутило. Она замахала руками, пытаясь отбиться. Враз налетели звуки — то-то визжало, грохотало, шипело и хохотало. Аглая закричала. Сотни голосов вторили ей. Уходи, прочь, беги, убирайся! — повторяли они. Там были и мужские, и женские, и даже один детский. Аглая узнала его — это Митя, в семь лет он заблудился в лесу. Родители так и не нашли его, а бабушка сказала, что Митю забрал леший. Из вихря показалось нечто темное. Аглая схватилась за это и дернула со всей мочи. В руках остался стебель, голоса стихли. До Аглаи донеслось эхо "уйди!" А в бабушкиных книгах говорилось, что лешие не нападают первыми. Стебель рассыпался в труху. Аглаю окатило болотным запахом. И с чего бы лешему бросаться на нее? Бабушка же столько лет носила ему молока, особенно после Мити! Аглая подняла косынку с грибами. Над лесом, каркая, пролетела стая ворон. Они загородили остатки солнца.

Под самыми нижними ветками бересклета и лежали бусы. Лес прикрыл их листьями земляники.

Аглая сунула бусы в косынку, к грибам. Надо было уходить. Воцарилась тишина — такая, что хотелось бежать в шум и гомон. Краем глаза Аглая увидела, как темнота двинулась за ней. "Уходи!" — раздалось совсем далеко, словно прорываясь сквозь толстое пуховое одеяло. Аглая резко обернулась. Закаркали вороны.

Над ней парила живая тьма. У нее не было лица или формы. Она застилала все кругом, она затмевала солнце и людские сумерки. Из тьмы на Аглаю смотрело нечто. Она увидела, как живую — вот тьма входит в нее через рот и уши, вот она застилает глаза и расползается внутри. Это было не похоже ни на одну нечисть.

Что ты, — прошептала Аглая. Она не двигала ртом, просто подумала. Темнота мягко коснулась лица. "Я — это ты, иди ко мне", — ответила она, — "вместе мы сможем многое".

Темнота говорила. Аглая слушала. Она бы уехала из Ольменовки. Через год она стала бы любимницей императрицы. Она спала бы в роскошных покоях с видом на мощеную площадь. Она сидела бы в главной театральной ложе, и иноземные актрисы пели бы для нее, деревенской девки. Но она уже не была деревенской. Вместо свободного сарафана Аглая носила кружевное платье с корсетом. Никаких ссадин и царапин, белые изнеженные руки украшали кольца и браслеты. "Ваша светлость, — говорила Аглая императрице, — здесь как-то скучно, пойдете-ка в ресторан". А вечерами весь свет съезжался посмотреть на чудеса, что Аглая творит. Она исцеляла. Сбывались ее пророчества. Ее ворожба сделала Россию первой в мире державой. Аглая выходила на поле боя и хлопала в ладоши. Миллионная армия падала ниц. Весь мир трепетал при одном упоминании "русской ведьмы". Она шла по земле уверенно, брала, что хотела, и никто не мог навредить ей. Всегда вдоволь еды, друзей и занятий. И темная тень за спиной. А после смерти тень пожрала бы Аглаю. "Ведь плата так невысока, — шептала она, — что тебя ждет здесь кроме нищеты и одиночества? Но если ты позволишь нам слиться, я дам тебе весь мир. Я сложу его к твоим ногам"

Поначалу Аглае казалось, что темнота ничем не пахнет. Сейчас же ей почудилось, будто из живой тьмы веяло горячей плотью, пепелищем и нагретой кровью. Она увидела, что там, за темнотой, стоит кто-то. Он взирал на Аглаю и ждал, когда она согласится.

Нет, — ответила Аглая. Ведь тогда бы для нее никогда не воссияло вечное солнце Нави. Это была бы ее последняя жизнь. — Нет, так не пойдет. Я не хочу.

Тьма окутала Аглаю. Была она мягкой и уютной, точно пуховый платок. "Вы все

умираете. И ты так и проживешь свои недолгие двадцать лет здесь, в деревне. Среди кур и коров"

"Но ты же заберешь мою душу?", — сказала Аглая, — "И я буду вечно страдать..."

Тьма забиралась ей под кожу. Она почти влилась в кровь. Аглаю потряхивало изнутри.

" После смерти вас ждет темнота и пустота. Но если ты отдашься мне, мы будем вместе после всего, превыше пустоты"

Перед глазами пронеслись картинки — вот бабушка в гробу, вот выловили Никиту из реки, он синий и не дышит, вот бесчисленные трупы котят, что не пережили особо суровой зимы. А после смерти нет лучшей доли, лучшая доля здесь, на земле. Аглаю охватило отчаяние. Да что за доля такая — голодать и умирать в двадцать лет?! Она вдруг поняла, что разозлилась. И не от ужаса бьется в груди сердце, а от ярости.

Аглая сделала вдох. Еще и еще, пока внутри не осталось места для воздуха. Было как во сне, когда не можешь проснуться от сонного паралича. Аглая резко выдохнула и закричала. Из рта вырвался тихий звук. Темнота надвинулась на Аглаю. Та оступила на шаг, второй. Она забормотала детскую считалочку, которой когда-то бабушка научила. "Ай за морем-окияном, ай на острове-Буяне, стоял камень-Алатырь, он дружил с тремя ветрами", — поначалу получалось еле слышно. Голос Аглаи обретал силу, и кругом становилось светлей. В какой-то миг Аглая поняла, что солнце пока не скрылось. Последние лучи пробивались сквозь сосновую крону. До Аглаи донесся вечерний, влажный запах земли. Темнота тянулась из кустов бересклета. Аглая сделала еще шаг. Она ступила под закатный свет. Темнота двинулась следом, но отпрянула.

— Я себе хозяйка! — крикнула Аглая. — Только я!

Аглая развернулась и бросилась прочь. Она мчалась вслед за уходящим солнцем. Оно не торопилось уходить, оно словно ждало ее. Аглая перепрыгнула через ручеек. Темнота осталась за ним. Она словно натолкнулась на преграду. С криками Аглая выбежала на проселочную дорогу.

Множество коровьих глаз уставилось на нее. Пастушонок вытащил дудочку изо рта.

— Играй, — велела Аглая, переводя дух, — играй что есть мочи.

Они дошли до Ольменовки под наигрыш "ай в малину я ходила". У ворот Аглая даже похлопала пастушонку.

Через день она отдала бусы из медного изумруда. Ирина руками повсплескивала, поахала, а потом подарила синий шушпан. Аглая возражать не стала. Она бы и задарма искала.

Еще через день Аглаю разбудили голоса. Она выглянула наружу, ожидая вил и огня. К ней стояла очередь, как к бабушке когда-то. "Вы сегодня смотрите? А то мы издалека, — сказала какая-то женщина в красном платке и кожаных сапогах на шнуровке. Она протянула Аглае десяток яиц.

Так и повелось. По утрам к ней сходились желающие. Кому сглаз снять, кому отвар сделать. Аглая не отказывала. Ее погреб стал ломиться от чужой благодарности — были здесь и бочки с соленьями, и колбасы, а как-то даже связку бубликов принесли.

Однажды постучала и Таня. Она выглядела иначе. Бисерные украшения исчезли. На Тане была обычная серая понева, волосы же она снова убрала под ленту. Как незамужняя. Таня немного помялась на пороге, потом зашла. Серая кошка, что вкушала принесенной свежей рыбы, спряталась под стол. Аглая рассмеялась.

— Чего тебе? — спросила она. Таня ни разу не появилась со дня похорон. Порою Аглае

снилось, что Таня бросает горящий факел ей в окно.

Таня вздохнула. Ну хотя бы не начала свое обычное "Ой, Аглаюшка"

— Я уезжаю скоро, — Таня выдохнула, — Мы с Мироном. Ты знаешь. Если хочешь, мы и тебя заберем. Потому что, Аглаюшка, — она все-таки сделала это, и Аглая поморщилась, — здесь тебе житья не дадут. Ольменовка молчит пока, но это они отходят. Потом начнется. У нас не любят свободных девок.

— Я не пропаду, — ответила Аглая. Она смотрела на Таню. Она ее немного любила. — А тебе надо уезжать побыстрее. Потому что его семейка найдет, на кого всех собак спустить.

Таня поежилась.

— Поехали с нами?

— Нет. Не хочу, — Аглая улыбнулась ей. От объятий отстранилась. Она не могла простить Таню за столь долгое трусливое молчание. Она больше не была той наивной дурехой, что верила в дружбу и бабушку.

Неделю Аглая провела в ведьмовской работе. Она чувала то, о чем другие и разумения не имели. Ей стали подвластны корни трав и костяные порошки. Теперь Аглая не страшилась сделать что-нибудь не так. Ее движения и слова были точны, и она не ошибалась в дозировках. Она слышала, что трава говорит. Ей иногда казалось, что она лучше бабушки владеет ведьмовством. Аглая старалась гнать от себя такие мысли: ничем хорошим они бы не обернулись. Аглаю все чаще терзали предчувствия. Она перестала ходить в лес, помня об обещании. Да и по той жуткой тени не скучала. В бабушкиных книгах не нашлось ее описания. Быть может, и бабушка о таком не знала?

На зеленую троицу Ольменовку украсили. Из каждой калитки торчало по пучку полыни. Дети смастерили русалку из старой рубахи и двух кольшков. С утра все пошли на кладбище, улещивать своих покойников. Аглая смотрела, как стар и млад, шествует мимо ее избы. Кто-то не глядел в окна, но пара человек глаза намозолили об новые аглаины занавески.

— И чего им надо? — спросила Аглая у серой кошки. Та мурлыкнула. Она хотела было свернуться клубком да замерла. Аглая взглянула на дверь.

— Хозяйка, есть кто? — зазвучал голос. От него внутри у Аглаи сделалось хорошо-прехорошо. Бывают же столь красивые голоса.

— Входите, незаперто.

Аглая поднялась со скамьи. На поневу прицепилась сорная трава. Аглая отряхнулась.

Чужак вошел. Он поморгал, словно привыкал к полумраку. Ничего примечательного чужак бы и не углядел. На печи сушились травы. Два веника полевых цветов висели около стены — для аромата. Наконец, чужак взглянул на Аглаю.

— Ты ведьма? — спросил. Когда он молчал, то ничем особенным не блистал. Но стоило ему открыть рот, как Аглая млела. Она кивнула.

— У хозяина моего беда случилась, — чужак смотрел прямо, и Аглае вдруг стали нравиться его глаза. Они были темно-синими, точно грозное небо. — Хозяйка рожает, и все никак. Повитуха руками разводит. Говорит, это нечистые с душою дитя играют, вот хозяйка и разродиться не может. Велела ведьму отыскать. Я уже три деревни объехал.

Аглая знала, что рожаницы очень уязвимы. Особенно в полночь и полдень, когда нечисть вываливается из трещин между мирами. Какая-нибудь злая душа могла вцепиться в женщину.

— Далеко ехать? — Аглая засобиравалась. она сложила в холщовую сумку травы для родовспоможения. Подумав, взяла и бабушкину тетрадь про нечисть.

— Полдня пути, — чужак обрадовался. — Тебе плату назначили.

— Вот как? И какую же? — поинтересовалась Аглая, сощурившись. Она вдруг решила, что плату возьмет сама. Чем-нибудь другим. Этим богатым пора привыкать, что не все покупается за деньги.

— Триста рублей, если хозяйку спасешь. И еще сто, если дитя выживет.

Или возьмет то, что дают. На такие деньги можно в городе жить несколько лет. Доля наконец-то проснулась и решила взяться за Аглаину судьбу! Аглая заозиралась в поисках налобника. Одно дело, когда селяне сами приходят к ведьме. От нее прямо-таки ждут непотребств. Но если ехать в люди, нужно выглядеть подобающе.

— Ты не думай, мы на телеге поедem. Хозяин для тебя ничего не пожалел. Велел, как с царицей обращаться, — сказал чужак.

Вот бы царицу порадовал твоя телега, — подумала Аглая.

Почему-то страшно Аглае не было. Мир звал ее.

Дорога вышла быстрой. Телега не касалась дороги, а словно неслась по воздуху. От такого захватывало дух. Ну и чего греха таить, был риск этот самый дух испустить.

Когда телега замерла, Аглая поначалу не поверила. Возничий улыбнулся ей через плечо. Краем глаза Аглая отметила, что вместо лошади в телегу было впряжено бревно. Аглая заморгала, наваждение схлынуло. Чалая толстоногая кобыла пощипывала траву и косилась на недавнюю пассажирку.

Аглая огляделась. Она не узнавала эту деревню. Всюду стояли небольшие ладные домики. Крыши устилала свежая солома, и упоительно пахло травой. Аглая не заметила церковного креста. В Ольменовке церкви тоже не было, не заслужила. По праздникам деревня выезжала в Ткацкое, где высилась новехонькая часовня с попом, иконами и алтарем. Все чин по чину.

— А как зовется ваше село? — спросила Аглая у возничего. Тот не ответил, указав ей на ближайший дом.

Из него как раз донесся крик. Аглая схватила сумку и поспешила внутрь.

Под ногами скрипели полы. Пахло почему-то ельником.

Аглая откинула занавеску, что болталась вместо двери в горницу и вошла.

На большой деревянной кровати, в облаке белых подушек, лежала женщина.

Вокруг суетились другие женщины, как две капли воды похожие на роженицу. У всех в семье были темно-зелёные глаза и густые длинные волосы, спутанные как корни дикого укропа.

— Дитя никак не покажется, — сказала та, что первой заметила Аглаю, — А повитухи к нам не идут.

Аглая сбросила на пол дорожную сумку и приблизилась. Ее поразило, что у роженицы ноги волосатые. Будто у мужика.

Однако все остальное было как положено женщине.

— Принесите воды, полотенец. Да потеплее воды, — бросила Аглая через плечо. — И заварите травы, что у меня с собой.

За окном успело потемнеть, когда на руки к Аглае попал окровавленный комок. Быстро только кошки рождаются.

Аглая успела рассмотреть дитя, прежде чем родственники забрали его.

Она заметила и необычную для младенца волосатость, и зелёные глаза, и даже небольшой, но явный хвостик.

Стало понятно, почему в избе нет красного угла.

Аглая подошла к роженице — даже у нечисти могла быть родильная горячка.

— Ты догадалась? — прошептала женщина, принимая из рук Аглаи настой жаропонижающих трав, — Лешиха я. Это первый у нас, и как назло нету в округе повивальных бабок.

— Только ведьмы, — ответила Аглая.

Лешиха посмотрела на нее, а затем поманила к себе.

— Уж часом не озерская ведьма ты?

Аглая напонила себе, что когда-то Ольменовка с Озерском были одним селом.

— Да, откуда ж мне ещё быть.

Лешиха приподнялась на подушках. У нее было красивое, хоть и диковатое лицо, с оттопыренными ушами.

— Без тебя не смогли бы. Спасибо тебе, ведьма! Что хочешь в награду, золота иль совета?

В бабушкины тетради о таком не писали. Бабушка вообще у нечисти роды не принимала. Хотя Аглая не могла сказать наверняка.

— Совета, — выпалила Аглая, прежде чем вспомнила посулы о трехстах рублях.

— Коли так, то знай одну вещь, — сказала лешиха, — Бесы просыпаются. Они силу чувствуют. Давеча к мужу моему кто-то приходил, холодом дышал. Муж испугался очень. Я сделала вид, что сплю. Ищут бесы ведьму, у которой сила недавно появилась. А зачем ищут, не сказали. Да только ясно, что не золотом осыпать. Про Озерск речь шла. Там ведьма.

На рассвете Аглая выскользнула из дома. Он все меньше напоминал человеческое жилище. По полу пошли корни, на постельном белье проступили прожилки, как на листе.

Соседние избы скрылись в утреннем тумане. У крыльца стояла телега, к чьей оглобле было привязано бревно.

Лешиха рассказала, что у мужа ее после ночных гостей созрел план. Муж, леший, сообразил одно — есть в Озерске ведьма, а значит, будет кому роды принять. Нечисть, что много лет бок о бок прожила с людьми, мыслила по-человечески.

Вот и опередил леший бесов.

Аглая знала одно — домой ей сейчас ходу не было. Благо, успела сгрести деньги из тайника.

Перед тем, как погрузиться в сладкий сон, лешиха дала Аглае ещё совет. Мол, если сесть в телегу и сказать "тпру", та отвезёт куда угодно. Только украсть не получится, бревно всегда к хозяину возвращается.

Что ж, Аглая знала, куда идти.

***

Ветка двинула Аглаю по лицу. Она сморщилась. Почему-то дорога никак не хотела приводить к озеру. Телега катила мимо сосен, разбрасывая шишки. Лес стал незнакомым. Веяло холодком. Возле особенно кривого поворота телега замешкалась. Позади чудился шорох и стрекот.

Аглая обернулась — только чтобы развеять страхи.

Темные тени колебались в сорока сажнях. Аглая понадеялась, что это от деревьев. Зря. С каждым выдохом тени приближались.

Они искали ее. Они ее не оставят. Вскрикнув, Аглая хлестнула бревно.

— Что вам надо, — крикнула Аглая. Она не надеялась, что услышат. Они слышали.

Без тебя нет нас, — возникла в голове фраза. Телеге под колесо попала шишка, и езда стала тише.

Ты — ключ и факел, ты песий вой. И ты должна умереть.

Аглая почти вкатилась в озеро. Оно словно соткалось из тумана. Бревно поднялось в воде. Аглая кинулась бы дальше, в самый омут, чтобы тени точно не нашли. Пахло особенным водным запахом. Вода плескалась около груди. Волны пеленали Аглаю. Было тепло, как в колыбели. Аглая закрыла глаза.

...она шла по лесу, не оборачиваясь. Шла очень быстро, словно не касалась ногами земли. Кусты расступались перед ней. Вдали были собаки. Она вышла к озеру. Воды зашипели, отползая. На мокром иле лежала шкатулка. Она подняла ее и рассмеялась. Она проколола палец. Капля крови упала на крышку, прожгла ее. Шкатулка исчезла, в руках осталось кольцо. Оно было простой медной полоской. Темнота сползлась на него. Она надела кольцо, и то превратилось в перстень с черным сияющим камнем.

— Екатия, — сказала Аглая, открыв глаза. Ей ответили только сверчки. Луна скрылась за тучами. Аглая лежала посреди озера на кочке, по краям росли желтые кубышки.

— Ну и зачем ты меня послушалась, — раздалось позади. На Аглаю дохнуло холодом.

— За мной бесы гнались.

— Бесы? — русалка обплыла кочку. В темноте ее лицо казалось сияюще-белым. — Говорила я тебе не приходить.

— Ну они же не смогли бы в воду зайти, — Аглая выпрямилась.

— Мелкие не могут, но ты думаешь, среди них только такие?

Аглая поежилась. Она и не знала, что делать дальше. Она почему-то верила, что русалка ее спасет. Было спокойно рядом. С людьми Аглая никогда себя так не чувствовала.

— Уходить надо, — сказала русалка, — куда они твой след не взяли.

Аглая понуро опустила голову.

— Телега моя укатила, наверно.

Русалка вдруг рассмеялась своим холодным невеселым смехом.

— Ты у лешего угнала, что ли?

— Я одолжила, — ответила Аглая, подняв глаза. Русалка стояла близко, и от нее пахло кубышками.

— Утром уйдешь. До полудня успеешь добраться до речки. Там живет знахарка. Попроси у нее приюта. Она поймет, что ты из ее племени. Ведьмы постарше могут бесов обдурить.

— Меня пустят? — спросила Аглая. Она бы не открыла дверь девке из леса.

— Скажи, что ты от русалки, которая ее спасла.

— А как я найду эту знахарку? — спохватилась Аглая. Она не помнила, чтобы в Черниговской губернии было много ведьм.

— А я тебе помощника дам.

Что-то брызнуло Аглае на голову.

— Кровь моих утопленников, она тебя слегка спрячет. И вот возьми, — в руки Аглае сунули странную палку. На палку был насажен череп. Его глаза горели. Они давали больше света, чем дорогие танины свечи. — Тушить не надо, скажи «Гаврила, пора спать». Он и потухнет. Потом произнеси: «Гаврила, поднимайся», и он загорится. А коли нечисть вблизи Гаврилы будет, из глаз будет бить солнечный свет. Гавриле сейчас скажи «Веди меня домой», он тебя к знахарке и отведет. Жил он там. Когда-то.

В русалкиных словах Аглае почудилась нежность. Словно был ей Гаврила хорошим

другом. Аглае бы успокоиться — некоторых людей нехристь привлекает. Но отчего-то внутри зародилась к неизвестному Гавриле неприязнь.

***

Аглая постоянно оборачивалась. Не раз и не два темное пятно между ветками заставляло Аглаю бежать. Череп на палке трясся, но не слетал. Когда роса подсохла, Аглаю нагнала телега. Аглая не успела спрятаться. Она вцепилась в палку. Если бесы пришли за ней, им придется драться.

На телеге сидел пяток ребятишек. Впереди шел старый конь. Внутреннее чутье говорило Аглае, что телега обычная, а конь не из дерева.

— Тоже на покос? — спросил самый взрослый мальчик. Рубаха была ему велика. Наверное, досталась по наследству.

— Не поздно? — в поле идут на рассвете, пока не разошелся полуденный зной.

— Отца ждали.

Среди них не было никого старше двенадцати. Аглая всмотрелась в лица.

— Он только под утро пришел, — рыжий и конопатый мальчик сплюнул на дорогу шелуху от семечки, — Мамка боялась, что запил. А он бледный был и ни капельки не пьяный. Говорит, в Ольменовке ужас был. Всех мужиков из окрестных деревень звали, чтоб кровь не лилась зря. У них там все с катушек съехали, друг друга чуть не поубивали. Попа вызвали, потому что нечистую силу заподозрили.

— Да не, Ленька, ты чем слушал, — вмешалась девочка в белой косынке. — Там звери дикие были, коров покусали, кого-то и на куски разорвали.

Рыжий аж привстал с телеги.

— Ведьмин дом загорелся, и от него нечисть поползла!

Аглая задержала дыхание.

— Ведьмин дом? — переспросила она. — Это как?

— Да там же знахарка была. Она померла, внучка ее малохольная осталась. И вот, пропала она. А из дома черный дым повалил, — рыжий оглянулся на остальных, — мне батя рассказал. Ну не мне, маме. Вы спали.

Девочка поправила косу.

— Он пьяным пришел, а ты веришь...

Аглая замедлила шаг. Дом сгорел. Бабушкины вещи. За Пестравку было страшно. Вот бы Таня успела ее увести. Серая кошка тоже не дура, наверняка сбежала. Аглая утерла глаза.

Кто-то дернул ее за рукав. Аглая обернулась. На тележке, зажата между рыжим и его сестрой, сидела девчушка. Она была слишком юной для покоса. Может, будет таскать воду ребятам.

— Тетя, — сказала девчушка, — А что у тебя такое?

Аглая прикрыла череп. В свете дня его можно было принять за камень на палке. Девчушка, правда, не обозналась. Она продолжала поглядывать на череп, сокрытый под подолом.

— Да это собак гонять, — наконец ответила Аглая.

— Очень уж Оксанка любопытная, — сказал старший, — она младшая. Недавно уличила соседку в воровстве. Глаз как у орла. Только теперь дома ее не оставить на хозяйстве. Ей многие у нас хотят косы пообдирать.

Все засмеялись.

Оксанка еще немного посмотрела на аглаин узелок. Тележка подпрыгивала на

колдобинах. Солнце восставало из-за леса.

— Тетя, ты собак-то не убивай, — сказала Оксанка, — в Ольменовке ни одной собаки не было. Поэтому звери дикие напали.

— Ах, так ты Верке веришь, не мне? — рыжий подскочил, — Не буду больше запруды с тобой строить.

Ребята загладели, и Аглая отстала. Ее дом сгорел. Больше некуда вернуться. Бесы устроили в Ольменовке кровавый пир. Потому что не было Аглаи. Она бы могла помочь, остановить. Или стать главной закуской.

Телега катилась вперед, и тень от нее становилась все длинней.

К полудню череп в руках потяжелел. Он так говорил, что надо свернуть. Аглая попрощалась с ребятами и осталась одна. Волга гудела. Аглая продралась сквозь ивы и замерла. На том берегу синели горы. Только небо и вода были кругом. Аглая раскинула руки. Просторно. Как же просторно.

Река текла вниз, под обрывом.

По воде плыл большой дом, он походил на печь. Из трубы валил дым. Аглая приблизилась. Она видала эти чудо-дома. Их называли пароходами. Они перевозили людей очень далеко. Бабушка как-то водила Аглаю на причал. С парохода повалило столько народу, что маленькая Аглая испугалась. Она никогда не видала раньше наряженных дам и господ. В утешение бабушка купила ей пряник в форме петушка.

Пароход издал рык, Аглая подпрыгнула. Она подошла к обрыву слишком близко. В синем омуте мелькали какие-то тени. Рыба нерестовала, наверное. Аглая бы не отказалась сейчас от сочного леща.

Идти рядом с рекой было куда веселей. Ветер то и дело нападал на Аглаю, скользил между глазницами Гаврилы и вырывался со свистом. Гаврила становился тяжелее и тяжелее. Аглая против воли понимала, чего хочет сказать череп. Они почти пришли.

Солнце вошло в зенит, и в тот же миг Аглая увидела деревню. Два или три дома сгорбились за забором. Аглая ускорила шаг. Она должна была уже приблизиться, но деревня оставалась такой же далекой. Аглая побежала вперед. Солнце озаряло и берег, и поле. Почему-то по ногам стелился туман. Аглая пригляделась. Она смотрела, как туман просачивается между травами. Он колыхал зерницу, оседал каплями на ее колосьях. Знакомая куриная слепота закачалась. Ее черно-красные цветы мельтешили у Аглаи перед глазами. Я хожу по кругу, — поняла Аглая. Бегаю и бегаю по полю, как дура.

Она остановилась. Над запусью поднималось марево. Оно было еле заметно. Если прислушиваться, то можно было различить жужжание. Уходи, уходи, уходи, — звучала тысяча голосов.

Между травами Аглая увидела прозрачные маленькие руки. Они тянулись к ней. Вскрикнув, Аглая припустила по полю. В спину дул ветер, и в его свисте слышался смех. Аглая развернулась на бегу.

— Я не боюсь! Не боюсь! Слышишь, я не боюсь!

Она потрясла черепом перед полем.

— Вот что бывает с моими врагами!

Поле молчало.

Ветер снова подул. В конце поля, по ту сторону межи, стояла фигура. Она была очень худой и высокой. Так могла выглядеть Полуденница, которыми бабушка пугала в детстве. Фигура медленно направлялась к Аглае. Шла с трудом, словно одна нога короче другой. Из

нечисти русалки самые красивые, — подумалось Аглае вдруг, — Только вот нечисть не отбрасывает тени.

А за фигурой тянулась тень.

— Чего ты кричишь, полоумная? — и голос у фигуры был не мягкий, а скрипучий, как у старой-престарой бабки.

Лицо скрывал платок, из-под него торчали черные волосы. Страница откинула платок, и уставилась на Аглаю. У нее было молодое лицо без морщин.

— Ты кто, — спросила посторонняя. Ее взгляд скользнул по Аглае, задержался на черепе, снова метнулся к лицу, — Дурная кровь, дурная.

— Я ищу знахарку из деревни. У меня для нее весть.

Губы растянулись, обнажив белые зубы.

— Давно меня не ищут. Мертвой кличут. Я с мертвыми и живу.

— Это ты? — Аглая вздохнула. Она надеялась, что знахарка такой безумной не будет. Не повезло.

— Пойдем-ка, полдень же. Негоже, — и знахарка повернулась. Аглая поковыляла за ней. Дорога давала о себе знать. Далеко Аглая забрела. А может, забредет еще дальше. Глаза черепа потухли. Видимо, он счел, что вернулся домой.

Перед Аглаей возникли добротные ворота. Сиреневые искры бегали по ним. Аглае почудилось, будто бы что-то смотрит на нее из-за ворот. Оно не желало впускать чужачку. Знахарка махнула рукой, и ворота словно вздохнули с тоскою. Пожалеешь еще, — послышался шепот. Аглая заозиралась.

— Чего стоишь, проходи! — сказала знахарка.

Аглая переступила грань между полем и деревней. Внутри царило запустение. Тут и там торчали скелеты дверей. Они никуда не вели. Дома рассыпались постепенно, — подумала Аглая, — год за годом. А знахарка тут сидела.

Во всей деревне был только один целый дом. Он стоял в центре, на перекрестке трех песчаных дорожек. Рядом росли кусты дикой вишни. Ягоды только завязались. Между ветками белела паутина — скверный признак для огорода.

Около крыльца знахарка обернулась.

— Набери-ка воды, девочка. Будем пить чай.

Аглая обрадовалась. Она давно не ела, и уже прикидывала, как будет охотиться на лягушек или полевок.

Колодец был недалеко. Он выглядел целым. Только по крыше зеленел мох. Аглая опустила ведро в воду.

В миг воздух потускнел. Вода поднималась, тащила ведро за собой. Аглая отскочила, но волна подхватила ее. Лето сменила осень. Тут и там, как грибы, торчали домики. Станные они были, маленькие и белые. Одинаковые. Бабушка говорила, тут жила колония немчур. Они высадились триста лет назад, и никуда не делись. Колодец тоже помолодел, и на крыше его лежала красная черепица. Подул ветер, а с ним до Аглаи донесся вой собак.

— Прочь, — раздался крик. — Бегите! Бегите отсюда!

Мимо пронеслась женщина, смутно знакомая. Она была полней, чем сейчас. Женщина махала кому-то. Ее косынка растрепалась.

— Бегите! Бегите!

А из колодца, — увидела вдруг Аглая, — текла вода. И воды эти были живыми, и в них виднелись чьи-то лица. Они кричали, но не издавали ни звука. Навсегда проклятые,

запертые между живым и мертвым.

Аглая очнулась. Ведро давно достало до дна.

— А где вода? — спросила знахарка. Она ставила в печь щи. Изба изнутри выглядела опрятно — ни паутины, ни стухшей еды. Сверху висели пучки трав, совсем как у Аглаи дома.

— Да вот, — Аглая поставила на скамью ведро. — Почему вы сказали, что у меня дурная кровь?

— У всех дурная. И у меня, и у тебя. Только несчастья и приносим, — знахарка отложила кочергу, — Рассказывай, чего случилось. Сюда просто так не забредают.

Слушательницей знахарка оказалась хорошей.

Она кивала, где надо. Где надо — охала. А когда Аглая начала про русалку, взгляд хозяйки стал острее. Она вся подобралась.

— И потом она велела мне бежать к вам.

Знахарка вздохнула, как почудилось Аглае.

— Ко мне, значит. Долг платежом красен. Ну что ж. Раз пришла ты, так и быть, я тебя обучу, чему умею. Сюда бесы твои не поднимутся, пока разлив. Они воды боятся.

Аглае вспомнилась живая вода из колодца. Да, эту воду и бесы бы испугались.

Аглая открыла было рот, чтоб спросить — да промолчала. Ее видения ничего не проясняли. Они только запутывали и делали больно.

— Откуда вы знаете про бесов?

— Про них все знают. Не к каждому придут, только к тому, у кого черная кровь. У кого в роду ворожили на погостах, воле подчиняли и темное творили. Самые пропащие с бесами держали уговор. Бесы им силу, а они за то их волю исполняли. Тебе же предлагали?

Под взглядом знахарки стало не по себе. Аглая посмотрела на ее руки. Пальцы были сухие и желтоватые. Наверное, от сока трав. Руки почему-то мяли край стола.

— Предлагали.

— Если они тебя нашли, то будут преследовать до последнего. Лазейку искать. Они много чего нашептывают. Что-то да отзовется.

Знахарка еще раз внимательно оглядела Аглаю. Беса ли искала в зрачках или еще чего — но взгляд Аглае не понравился.

Они поели щей с крапивой. Знахарка почти не притронулась к миске. Аглая соскребала гущу со стенок, когда знахарка сказала:

— Научить то научу, но не за красивые глаза. Будешь помогать мне, траву собирать, воду носить.

— Вы здесь одна живете? Никакой скотины нет, ни коров, ни птицы?

— Всех водой унесло, — знахарка поднялась. — Что ляссы зазря точить. Как стемнеет, нельзя тебе будет за село выйти. Сейчас же сходи в бурелесок, да набери дров. Только посуше, здесь все сыреет.

Перед тем, как солнце село, знахарка обсыпала порог солью и что-то пробормотала над ним. Аглае на миг показалось, что пол вспыхнул синим пламенем. Она никогда не видела чужое колдовство. Бабушкино не в счет, его Аглая почти не помнила. Ей показалось, что от знахаркиной волшбы тянуло плесенью. Аглая залезла на печку. Даже жар не мог унять эту сырость.

Сумерки надвигались. Здесь они были с примесью тумана. Темнело очень быстро. Аглая, хоть и устала, не торопилась засыпать. Она гладила череп Гаврюши, она не хотела видеть очередные страшные фантазии об этом месте. Явь все плотней переплеталась с

навью. Вот почему ведьмы сходили с ума рано или поздно. Они уже не отличали вымысел от правды.

Аглая не успела задремать, как раздался вопль.

— Гаврюша, гори! — глазницы черепа вспыхнули, и свет озарил комнату. Знахарка лежала на топчане. Ее била дрожь. Лицо перекосилось и словно увеличилось.

— Что такое? — спросила Аглая.

— Кошмар. Забыла я, что ты тут. Спи, — и знахарка перевернулась на другой бок.

Гаврюша померк, остались лишь светло-зеленые угольки в глазницах. Потом и они затухли

Утром Аглая выпила крутого кипятка с травами и по туману пошла в поле. Знахарка велела нарвать полыни. Самый едкий запах у полыни на рассвете. «Ту, что воняет, — поучала знахарка, — и рви, она поможет с пути не сбиваться»

Полынь резала руки. Аглая собрала изрядную вязанку.

— Теперь нужно просушить, — сказала знахарка. Она расстелила на печи платок и разложила пучок веток. Остатки знахарка развесила в красном углу.

Тот привлек Аглаю. Он отличался от таниного или других селян. Вместо икон стояло деревце в кадучке. Маленькая ива была окружена речными камешками. Знахарка была не просто ведуньей, она была язычницей.

Полынь быстро ссохлась и свернулась червячками. В чашу знахарка бросила траву, потом задвинула ставни и приказала Аглае повторять слова

— Доколе Сирин под водой заперта, дотоле мне служит полынь-трава. От нечистой силы полынна вода защитит меня с ночи до утра.

Трижды они шептали слова, Аглае все чудилось, что снаружи поднялся ветер. Наконец знахарка велела выпить взвар. Горькая вода обожгла горло, Аглая закашлялась. Ей на миг показалось, что сейчас стошнит. Голова закружилась.

Когда Аглая пришла в себя, она долго не могла понять, что такое. Мир поблек. Ставни снова пропускали свет. Он был пустым, словно не расцветивал избу, а забирал краски. Травяной запах обволакивал Аглаю. Она больше ничего не чувствовала. Аглая выскочила наружу, оттолкнув знахарку. Та что-то крикнула вслед.

Исчез туман, что всегда окружал село. Остатки изб будто ссохлись. В воздухе не гудели чьи-то воспоминания. Аглая бросилась к печи. Под тюфяком она нашла череп.

— Гаврюша, гори, — прошептала Аглая. Но глазницы оставались пустыми и холодными. — Что ты сделала?! — заорала Аглая знахарке, — Что ты сделала со мной?!

Аглая ухватила за плечи хозяйки и начала трясти ее. Знахарка словно ничего не весила. Она покорно болталась туда-сюда.

— Да успокойся ты, девочка. Они идут на запах твоей крови, а сейчас в крови у тебя — полынь. Да успокойся ты!

— За что? За что? Где моя сила?! — Аглая отпустила знахарку. Та почти упала. — Верни ее! Верни!

Не помня себя, Аглая ударила знахарку в грудь. Знахарка охнула и осела на пол.

— Дурная девка. Может, и правильно что без сил будешь. Зачем таким сила, только беду накличешь.

Аглая взвыла. Бабушка также думала. Бабушка также ее всего лишила — и тумана навьего, и той стороны, и русалок, и полуночных песен луны. Перед глазами встала бабушка. Аглая заорала. Она убьет их, она убьет ее.

А затем все стихло. Аглаю поглотила мерцающая тьма. И лицо у этой тьмы было русалкино.

— Ну ты и нервная, — донеслось до Аглаи из-под пелены. Голова болела. Когда Аглая открыла глаза, она увидела туман. Обрадовалась было, но тут же сникла, проморгавшись. В носу по-прежнему стоял запах полыни. В избе смеркалось. Знахарка зажгла свечи. От них расходились круглые желтые нимбы.

— За что? — хрипло спросила Аглая. Ее жгло изнутри. Она была бессильна и слаба. Она не могла отомстить. Пока что.

— Это морок, — знахарка пододвинула ей кружку, — Силы ты не лишилась. Нельзя же, попив травки, перестать быть ведьмой, — знахарка вздохнула.

Аглая не стала пить. Ее страх утих, но кто знает.

— Не обижайся, пожалуйста. Надо было тебе сказать, но так бы не подействовало. Ты бы знала заранее и сопротивлялась.

— Я больше это пить не буду. Я вообще уйду сейчас.

Аглая не сумела встать. Как будто бы колдовство заставляло ее жить и двигаться.

— Бесы найдут. И сожрут. Это они сейчас полусонные, это считай еще и не гонятся за тобой толком. Но как до них дойдет, что ты отзываешься, уж поверь. Прискачут и душу твою высосут. Станешь как упырица.

Знахарка махнула на дверь. Аглая заметила, что знахарка переделалась. На ней было ярко-красное платье, которое подчеркивало худобу и желтизну. Против воли, Аглая подивилась, как сочетается столь старое тело с молодым лицом.

Молчание Аглаи обрадовало знахарку.

— Остаешься, значит? Хорошо. Будет кому воду носить.

Она поднялась, шелестнув платьем. Странное такое, городского фасону, сейчас никто не носит такое. Оно как из бабушкиных историй о высшем свете.

— Почему тут все горелое, Есодку же затопило? — Аглае было скучно. Она уже вымыла баню, набрала воды из колодца и даже сбегала поглядеть на пароход.

Неделю она жила со знахаркой. По первой, они не говорили. Аглая обижалась, а знахарка только и рада была. Она день-деньской бродила по деревне да оглаживала руками сгоревшие бревна домов. Бабушка как-то сказала, что если долго смотреть на луну, можно обезуметь. Знахарка, похоже, от луны взгляда не отводила. Аглая поймала знахарку у почерневшего крыльца. Этот дом сохранился лучше других, остался целый оконный проем. На ставнях можно было различить петушков с витыми хвостами.

— С чего ты решила, что затопило? — знахарка отдернула руку от ставня.

— А я вспомнила, говорили про деревню какую-то. Правда, давно ее затопило, меня еще не было.

— Иди нарви крапивы для щей лучше, — знахарка пошла прочь. Ее лохмотья качались в такт шагам. Она переделалась с той ночи. Аглая привыкла убегать. Но вот догонять еще не доводилось.

Она поспешила за знахаркой.

— Да что случилось? Потому ты тут до сих пор одна живешь? Лет тридцать прошло, наверное, да? — знахарку, похоже, бесило каждое слово. Аглая чуть не ли не подпрыгивала от восторга. — Могла бы в любую другую деревню податься. Да хоть в город. Ничто ж не держит.

— Иди. Рви. Крапиву, — знахарка не оборачивалась, — Баню растопи, вон грязная

какая. Вшивая.

— Или ты была в городе, но вернулась? — Аглая не отступала. Чем больше знахарка злилась, тем радостней Аглае становилось. — А почему одна тогда? Привезла бы кого.

Знахарка замерла. Она медленно повернулась. Ее глаза стали огромными и черными, как жуки. Аглая споткнулась. Хуже бездны были эти глаза, они затягивали в воронку, они лишали всех надежд. Аглае показалось, что июньский день затянуло стужей.

— Кошка от любопытства сдохла, — сказала знахарка, — А ты и подавно.

Она отвернулась и заковыляла прочь. Она уходила, а тепло возвращалось к Аглае. Очень захотелось крикнуть вслед "Ведьма". Аглая сдержалась.

Над нею вот издевались, обзывали по-обидному. Кто знает, может, через полсотни лет Аглая превратилась бы в такую же нелюдиму бабу. Аглая хоть с кем-то говорила, с той же Таней. Неясно, сколько времени знахарка провела тут одна. Она даже не назвалась. Бабушка, будь она неладна, говорила, что имя имеет власть в устах знающего.

Перед Аглаей раскинулась Есодка. Так знахарка называла деревню. Аглае казалось, что так кличут какую-нибудь невзрачную траву. Есодка-солодка. Отсюда открывался прекрасный вид на Волгу, с ее синим простором. Сверху было только небо, чистое и голубое. Аглая подпрыгнула. Она со всем справится, она избавится от бесов. Голова зачесалась. Аглае даже показалось, что ее кто-то укусил.

— Ты извини, я погорячилась, — произнесла вдруг знахарка. Аглая только сушила волосы после бани. Она нашла и мочалку, и щелочь. Стыдно признаться, но после Аглаи вода оставалась черной. Она даже посидела в керосине, чтобы точно убить всех вшей. Сарафан пришлось стирать, настолько он пропитался потом, дорогой и травяными соками. Знахарка одолжила Аглае чистое платье. Было оно бархатным, чуть поистрепавшимся. И все равно, никто в деревне не ходил так. Аглая оглаживала багряную юбку и дивилась. Обычно ткань была грубой и шершавой, но здесь под ладонью сплошь гладь.

— Платье надо вернуть? — осторожно спросила Аглая.

Знахарка почему-то улыбнулась.

— Нет, бери. Давно людей не видела, сюда никто же не заходит.

Аглае очень хотелось услышать хоть какую-нибудь историю. Здесь время тянулось медленней меда, капающего из улья. Странно, — подумалось вдруг Аглае, — почему я давно не видела навье марево? Где мои сны?

Но мысль была неприятной и тяжелой, поэтому Аглая отмахнулась от нее.

— Почему ты не уехала?

— Я была очень молода, когда все случилось. Это было так давно, что тебя, даже твоей бабушки в помине не было, — знахарка пододвинула Аглае полынной воды. Аглая забыла уже, зачем пьет ее. И все же в горле после бани пересохло.

— Что случилось? — Аглая сделала большой глоток.

— Что ты знаешь о русалках?

— Они утопленницы, живут в воде. Приманивают к себе и забирают.

Знахарка нахмурилась.

— Кто же тебя обучал так? Совсем ничего не знаешь, а еще кровь древняя.

— Не по своей воле! — возмутилась Аглая. Она вспомнила, зачем пьет полынь. Тут же захотелось знахарке врезать. — Я ничего не знаю, потому что меня никто не учил. Только в бабушкиных книжках читала.

Знахарка остановила ее взмахом руки.

— Понятно. Слушай, раз уж с русалкой подружилась.

Аглая заулыбалась. Русалки пахнут кувшинками и звездами.

— Русалки не живут в одиночку обычно. У них есть царство под водой. Не на дне нашей Волги, а в ином мире, где тоже вода течет. Правит у русалок царь, много лет правит.

— Водяной? — спросила Аглая. Она представила толстого бородатого дядьку с рыбьим хвостом и ожерельем из ракушек.

— Нет, водяные русалкам служат. Этот же царит над ними надо всеми. Он очень красив, взгляда не отвести. И в этом погибель для каждого смертного и каждой ведьмы.

Аглая никак не могла вообразить такой запредельной красоты. Наверное, русалочий царь похож на ту самую русалку.

Солнце двигалось по небу, миновал полдень. Лучи пробивались сквозь ставни, подсвечивались древесные разводы на потолке.

— Однажды к нам в деревню приехала женщина. Была буря, никто не хотел пускать ее. А я пожалела. Тем более, с ней дети были. Женщина сказала, что видит во мне кровь особую. Что может меня научить.

Какие-то образы завихрились в голове. Может, Аглая просто сочиняла это вслед за неторопливым знахаркиным рассказом.

— Я была молода, глупа. Вот и повелась. Научила она меня, да только не в коня корм был. Ведьма уехала, а решила силу свою испытать. Поднялись воды Волги, да треснула граница между миром водным и миром земным. Деревню мою затопило. Да так, что людей в воду смыло. И сам царь водный вышел.

На Аглаю накатило воспоминание — вода поднимается из колодца, а в воде той лица.

— Пришел он не один, — знахарка словно подтвердила мысли Аглаи, — с ним его русалки. Чуть царство их водное не разрушилось. Царь меня убить хотел чтобы все это прекратить.

Аглае показалось, что в воздухе пахнет дымом.

— За меня русалка его заступилась. Да и Проклятая пророчица тоже. Она, как граница порвалась, смогла сюда на несколько лучин заглянуть.

На долгое время воцарилось молчание. В избу забежала серая мышка. Она бежала по полу, и ее хвостик смешно дергался. Перед тем, как мышь успела добраться до норки, знахарка схватила ее. Мышка запищала. Знахарка подошла к двери и выставила мышь наружу.

— Долго я жила. Много лет. Я замуж вышла, детей нажила. Уж все знакомые поумирали, уж муж умер, уж дети, а я все никак. Поняла я тогда, чем за магию платят. Не принимают на той стороне меня. Много душ водой смыло, а они на моей совести. Я из дома уехала, уже смотреть косо стали. Встретила я снова Пророчицу, хуже ее нет на всем белом свете. Пророчица обещала, что в новом мире вернуться все, кого я любила. А для этого надо только ворожить и ждать. Долго все длилось, да закончилось. Вот тут мне стало совсем невмоготу, пусть и лживая была надежда, да и ее не стало. Помаялась — помаялась, но мне каждую ночь Есодка снилась и люди те. Они меня при жизни не любили, а я их ненавидела. Они мне снились в деревне, и деревня как тогда. Вот я сюда и приехала.

Аглае не хотелось бы вернуться в Ольменовку спустя пятьдесят лет ради скорби по Марфе.

— Я жалею, что тогда выжила. И заступились за меня. Меня, отмеченную, силы сохранили. А их, слабеньких, никто не щадил, как песчинки смыло.

Солнце напитало избу медовым светом.

— Все ошибаются, — сказала Аглая. — Люди обычные не любят ведьм.

Знахарка ничего не сказала. В ее взгляде Аглае почудилась жалость. Но вот уж кому не стоило.

— Злоба еще никого до добра не довела.

— Погоди-ка, а мою русалку откуда знаешь? — спросила Аглая. — Которая меня послала к тебе. Это она тебя спасла, выходит?

— От любопытства кошка сдохла, — знахарка повернулась к печи, — иди-ка, принеси воду. Будем щи варить.

В животе у Аглаи забурчало.

Жить со взрослой ведьмой оказалось трудно. У знахарки был свой распорядок, нарушать который никто не смел. С утра она выходила на крыльцо и кланялась солнцу. Даже если небо висело серой пеленой. Затем знахарка собирала в огороде траву и овощи. Урожай почему-то всегда присутствовал. Утренняя трапеза проходила в тишине. Аглая, привыкшая говорить хоть с кошкой, хоть с коровкой, изнывала. Обед посвящали бытовым делам, коих скопилось невероятное число. И подмести нужно было, и печь почистить от золы. Не говоря уже о посуде — эти плашки и миски приходилось мыть после каждого отвара. Как только занималась вечерняя заря, наступало любимое Аглаино время. Знахарка учила ее колдовским премудростям. Заклятые имена травы Аглае давались хорошо. Особенно ее радовало, что заклиное имя крапивы придавало хороший вкус щам.

Были и другие имена, например, полынное. Произносить его стоило при свете луны, потирая стебель. Едкий запах менялся на слегка дымный, а это значило, что такую полынь можно заваривать и пить, чтобы отгонять бесов. Пожалуй, этот момент был для Аглаи наимерзейшим. Она чувствовала, как отвар выжигает дар. Правда, знахарка мрачнела после каждого аглаинового глотка. «Сильна ты, — говорила она, — скоро полынь перестанет тебя скрывать. А умней ты не стала» Может, поэтому знахарка и заставляла Аглаю делать странные вещи. Например, она велела заучить древнегреческий алфавит и то, как произносятся буквы. Зачем — Аглая понять не могла. Кроме того, знахарка посвятила ее в таинство планетарных суток. Из-за чего Аглая знала, что спать они отходят в час Луны, предварительно поклонившись светилу.

«До чего неграмотна, — иногда вздыхала знахарка, — это ж надо, азбуке ведьмовства не научить девку». Тут Аглая была солидарна. Бабушку она до сих пор не простила.

Однажды Аглая пыталась выяснить, не встречала ли знахарка Полину Бронскую. Но знахарка ничего не ответила. Может быть, среди ведьм одной губернии было не принято знакомиться. О колдовстве у знахарки имелось свое мнение, отличное от бабушкиного. Она говорила, что дар — это проклятье, неподъемная ноша для человеческой души. Те небольшие блага, что сулил дар, не шли ни в какое сравнение с его злочинствами. «Ни одна ведьма хорошо не закончила, даже лучшие из нас». Спасением знахарка считала отречение от людей. Хотя бы не от дара, — думала Аглая, — и то хорошо.

В час Сатурна состоялся у них со знахаркой разговор о дальнейшей аглаиной судьбе.

— Тебе скоро придется уходить, — сказала знахарка, взглядевшись в птичьи кости. Был у нее мешочек с гаданием такой. Мантике знахарка Аглаю тоже поучила, но гадать самой себе запрещала. — Бесы тебя чувствуют, ходят кругом. Завтра тебе бы отправиться в путь. Иди посреди воды. Бесы воду недолюбливают. И русалок. В их царстве не появляются. Да и ослабли бесы за столько лет, у русалок-то царь есть.

— А у бесов нет, что ли? — спросила Аглая.

Знахарка посмотрела на нее со значением.

— Дар — это смерть, — ответила знахарка, — он все заберет и ничего не оставит. Благо — быть среди людей и быть как все.

После знахарка велела идти спать. Сама же она еще долго подкидывала птичьи кости. Засыпая, Аглая наблюдала за ее тенью.

Аглая встала поутру. Моросило. В избе было сумрачно. Аглая огляделась, но знахарки нигде не было. Хотелось есть. Крапивные щи были не самым любимым блюдом Аглаи. Она скучала по таниным пирогам и по молоку Пеструшки.

Аглая вздохнула. Поискать, что ли, ягод в лесу.

Наскоро одевшись, Аглая выскочила наружу. Мир был даже еще более серым, чем казался из окна. Куда-то подевались простор и воля, осталась только серая обыденность. Аглая ускорила шаг. Ее мысли все время наталкивались на какую-то преграду. Она словно забыла о чем-то важном.

Есодка под дождем была очень унылой, мрачной. Глядя на нее, хотелось утопиться. На поле пахло сырой землей. Цветки скукожились, поникли травы.

Куда бы Аглая ни посмотрела, все было пустым и серым, очень скучным. Только лес возвышался впереди, узкой и темной полосой. Аглая припустила к нему. В лесу стоял запах хвойных иголок. Казалось, что из-за пасмурного утра свет так и не добрался до сосен. Вокруг них как будто бы расходились тени. Малина обычно росла грядой кустов и так, чтобы высокие деревья не загораживали свет. Без света ягоды были кислыми, ни один медведь не позарится. Аглая медведем не была, она бы съела все. Она присмотрелась, нет ли впереди чего. Ей даже показалось, что мрак усилился. Неужели я так долго гуляю, — подумала Аглая и отмахнулась. Не хотелось ни о чем размышлять. Она пошла навстречу темноте.

Почему-то запахло полынью. Вкус ее был во рту, горький и противный. Аглая закашлялась. Полынь, точно. Она же пьет полынь от бесов. Аглаю так замутило от запаха, что она согнулась пополам. Сердце колотилось. Запах полыни был повсюду, он даже перекрывал сосновый дух. Аглая уперлась руками в землю. Чертова полынь! Аглая понимала, что нельзя этого делать. Но она сделала. Она засунула пальцы в рот. Так мутило, что Аглае казалось, она вот-вот умрет. Ее вырвало, потом еще. С каждым разом становилось все легче, и запах полыни отступал. Мир, наоборот, приближался. Он состоял из тончайших нитей, и все нити были связаны друг с другом. Мир был похож на клубок, все имело смысл и вело одно к другому.

Тени перед нею обрели жизнь, и Аглая вспомнила, зачем пила полынный отвар. Бесы были тут как тут.

Взвизгнув, Аглая припустила к Есодке.

— Ты понимаешь, что натворила? — знахарка охаживала ступени полынной метелкой. — Они тебя учуяли. Все, прямо сейчас уходи.

Аглая первым делом выпила полынного отвара. Он обжег гортань, как встарь, голова загудела, но даже сквозь марево проступал иной, волшебный мир. Это знахарке очень не понравилось. Она повесила над дверью пучок девясиловой травы, и в ушах Аглаи зазвенело.

— Куда идти мне? — Аглая держалась за голову. Девясил, как и полынь, мучал ее.

— В колодец, — знахарка посмотрела на Аглаю, — Не надо так тарашиться, через царство русалок пробежишь. Как раз луна сохлась, врата открыты. Посидишь там и через другой колодец выйдешь.

Аглая открыла рот, но тут же закрыла.

— А дышать там как. Это же вода.

— Ведьмы в воде не тонут, в огне не горят. Ты не привередничай, выхода у тебя все равно нет.

Аглая собирала свои пожитки. Гаврюшу она в косынку сложила. Отчего-то череп наощупь был горячим, хотя в глазницах ничего не горело.

Со стороны леса тянулась облачная гряда. Даже из-под полынного марева Аглая видела, что это необычные тучи. Бесы шли по следу. Наверное, Аглая вообразила это, но она ощущала их радость. Их торжество.

Гаврюша так раскалился, что обжег руки сквозь ткань. Аглая выронила его. Он покатился под стол. Аглая взялась за угол скатерти, чтобы поднять беглеца. Что-то скрипнуло под Аглаей. Она провела по полу руками. Пустоты. Половица вынулась очень легко. Под полом у знахарки хранился тяжелый ларец. В полумраке Аглая не видела резьбы или иных достоинств. Ларец открылся, внутри лежали бумаги. Аглая вытащила одну наугад и откинула скатерть.

Дневной свет залил даггеротип, какого ни у кого в Ольменовке не было. Однажды бабушка возила Аглаю в город, и там, на выставке, были такие черно-белые картинки. Они с точностью показывали мгновения. Только картинки были серыми, что Аглаю не впечатлило по малолетству. Она всмотрелась в фотографию. Знахарка сидела в кругу других людей, мужчин и женщин. Лица у всех были строгие, постные такие. На всех были длинные плащи темного цвета. В центре круга сидела молодая девушка. Голову ее венчала корона из птичьих перьев. Девушка единственная улыбалась, но Аглае эта улыбка не понравилась. В девушке было что-то не то. Может, она зря держала руки под плащом. Казалось, в этих руках что-то спрятано, что-то плохое. Аглая пробежалась глазами по другим участникам странной фотографии. На самом краю, слегка прикрыв лицо, стояла девушка. Она помнилась морщинами и сединой, ведь потом стала Аглае бабушкой. Сейчас она выглядела аглаиной ровесницей. Будто бы не понимала, что делает среди этих людей.

Послышались шаги, и Аглая юркнула под скатерть.

Она успела спрятать фотографию, нащупать череп и вылезти наружу. Гаврюша уже остыл.

— Темнеть раньше будет. Так что пора уже, — сказала знахарка.

Аглая кое-как насадила Гаврюшу на палку.

Они вышли наружу. Тучи заняли пол-неба. Солнце пыталось растопить их, и в воздухе пахло сыростью. От домов тянулись тени.

— Почему меня преследуют бесы? — спросила Аглая, — Почему меня, а не тебя, не любую другую?

Над колодцем стоял туман. В его витках чудились слова. Аглая прищурилась. Она не понимала, на каком это языке.

— Ты отмечена, — знахарка обернулась к ней. — Они будут преследовать тебя день и ночь, пока не закончатся сорок дней.

— За что?

Знахарка ответить не успела. За ее плечами выросли два черных тянущихся крыла. Они были как сгустки мазута. Однажды Аглая видела такой след на причале. Бабушка сказала, что это от парохода.

— Мне кости птичьи поведали, как все дальше будет. Нехорошо.

Бесы, а были это именно они, расплзались по знахарке. Аглая отступила.

— Из — за птичьих костей меня предашь — ей бы убежать, но так обидно стало. Даже черные бесы не пугали. Снизу донесся лай собак.

— Нет, не из-за них. Просто зачем я живу столько времени, может, из-за тебя и живу, — улыbnулась знахарка. — Чтобы убить.

— Если я умру, других-то не воскресишь, — Аглая спиной уперлась в колодец. Стало холодно. От беса ли, от воды.

— Но напрасна их гибель не будет, — ответила знахарка, — Ты — моя надежда исправить ошибки свои.

Бесы всем говорили, что они хотели услышать.

Вот и знахарку они заговорили, убедили и очаровали. По ней расплзался бес. Он обволакивал ее, словно второе платье. Он втекал в ее душу, заменял собой. Аглая знала, что так оно и было.

— Я все ждала, придут ли они за тобой. Как за Апполинарией.

Апполинарией когда-то звали бабушку. Бабушка как-то сказала, что у нее за жизнь было три имени. Данное при рождении, данное в монастыре и истинное — которое она взяла себе сама. «Как у всех, кто с Нею, — добавляла она.

Гаврюша нагрел палку. Она рвалась из рук, как живая.

— Это не искупление, это предательство. Снова тут сгубишь человека, — сказала Аглая, — Никого не спасешь.

— Лжешь ты, — ласково ответила знахарка, — Ты просто ничего не знаешь. Твоя бабушка ничего тебе не рассказала. Боялась, что ты войдешь в искусу.

Над Есодкой собирались тучи. Они были черными, как мазутная лужа.

Много бесов пришло за Аглаей.

— Что не так? — палка с Гаврюшей тряслась. Аглая схватилась крепче. — Что такого? Что со мной не так?

Знахарка вытянула руку. На кончиках пальцев образовалась черная капля. Аглая спряталась за колодец. Из глаз Гаврюши забил дневной свет.

— Прими свою судьбу. Прими, Аглая, и все закончится. Мир пойдет своим чередом.

Аглаю и знахарку разделял только колодец. Аглая вытянула руку с Гаврюшей над ним, чтоб остудиться. Гаврюша пылал. Почувяв воду, он вдруг дернулся и замер.

Слов, открывающих иную воду, Аглая не знала.

— От какой-такой судьбы? — Аглая тянула время. Вспомнить хоть что-нибудь.

— Им нужна ведьма, которую можно оплести и забрать. — голос знахарки размножился. В нем различались пришептывания, завывания и смех. — Бабку твою мы забрали, и тебя возьмем.

Знахарка обходила колодец. Ее походка стала плавной, будто ветер поддувал спину. Солнце полностью скрылось над тучами. Над миром воцарилась тьма. Воздух окаменел, ни листика не проносилось мимо, ни травинки.

Будь что будет, — решила Аглая. Помру так помру. Одним движением она перемахнула через стенки колодца. Брызги полетели во все стороны, окатив знахарку.

— Гаврюша, веди! — крикнула Аглая прежде, чем уйти под воду.

Последнее, что увидела она, это как в глазницах черепа засверкали два солнца.

В лицо подул ветер. Аглая открыла глаза. Она лежала на земле. Поодаль валялся Гаврюша. Он слетел с палки. В его пустых глазах Аглае почудилась гордость. Мол, гляди, я

тебя вынес-таки. Аглая подняла его и погладила.

Небо было чистым, и у Аглаи камень с души упал. Она огляделась. Впереди была железная ограда, какие ставят перед кладбищами. Гаврюша привел не в Навь.

Аглая вошла в калитку, и как водится, поклонилась упокоенным. Кладбище было маленьким, человек на двадцать. Всюду стояли мшистые деревянные кресты с перекладиной.

У каждой деревни кладбище было свое. К кладбищам обращались в войну и чуму. Духи рода защищали потомков. Если, конечно, могли. Иные семьи остались без покровительства да и сгинули в веках. Бабушка писала, что это с проклятыми в семь поколений бывало. Аглая порылась в котомке. Хорошо, что она не сорвалась с плеч. Как давно Аглая не открывала бабушкины тетради.

Кладбищу посвящена черная тетрадь. Ровным почерком бабушка вывела "У каждого кладбища свой Хозяин. Этим хозяином будет являться самая сильная душа, похороненная на земле. Иногда у кладбища несколько хозяев, но рано или поздно остается один. К нему-то и нужно обращаться за помощью и знаниями. Хозяин не любит шума, непочтения и тех колдунов, которые без спросу ворожат на его земле"

Из-за полыни со зверобоем Аглая все еще не могла видеть навь. Колдовать, наверное, тоже. Зря у знахарки не спросила. Хотя, мало ли, та много врала.

— Почему ты привел меня сюда? — спросила Аглая у Гаврюши. Тот не шелохнулся. Аглая вступила на главную дорожку. Кресты обрамляли ее с двух сторон. Они были примерно одного времени, — поняла Аглая, наклонившись.

Бабушка ничего не говорила про мор. Да и у деревенских он не был на устах. Обычно такие вещи помнятся много лет.

Кладбище не могло находиться далеко от Ольменовки. Здесь росла редкая трава, которую местные называли кнутом Екати. Трава распадалась на три стебля. Тот, что рос посередке, был темно-лилового цвета. Из него делались настои для сна. По-особому изготовленный настой облегчал любую боль. А если передержать его на солнце, то он превратится в яд. Аглая сорвала несколько стеблей. Один пучок рос прямо на могильном холмике. Аглая нагнулась. Ее взгляд упал середину креста. Тот, кто лежал под ним, умер младенцем. Еще и полгода не сравнялось. Под другим крестом тоже лежал ребенок. Аглая метнулась к третьему. Так и есть. Всюду на этом кладбище были похоронены дети. И все эти дети умерли в одну неделю. И в одну неделю родились. Аглая сама родилась на излете груденя. Грудень в тот год выдался ледяным, — рассказывала бабушка, — уже падал снег. Кресты выглядели старыми. Как будто бы простояли тут лет восемнадцать. Умершие могли быть ровесниками Аглаи. Той стало не по себе.

— Почему ты привел меня сюда? — спросила она у Гаврюши.

Череп не ответил. Нужно было идти, пока бесы не учуяли ее. Только вот куда?

— Привел? — раздался знакомый голос. Аглая развернулась. Не может быть! Около осинки стояла знакомая русалка. Вода текла с нее. Из-за полыни Аглая видела русалку нечетко. Та то расплывалась в туманное облако, то снова обретала человеческий облик. Аглая рванула к русалке.

— Ты! Наконец-то! Ты! — Аглая обняла русалку. Та была выше и холоднее на ощупь. Она не отстранилась, напротив. Аглае показалось, что на плечи легло что-то тяжелое. В ушах зазвенело.

— Живое сердце, — услышала Аглая, — Отойди, не искушай.

Русалка отставила Аглаю в сторону, как куклу.

— Гаврюша должен был привести тебя сюда, если совсем ничего не вышло бы. Смертным доверять нельзя, особенно тем, кто познал Навь.

По лицу русалки стекали капли, словно невидимый ливень шел над головой.

— Она меня хотела бесам выдать, — сказала Аглая. Ей снова стало очень обидно. — Говорила, что я зло и без меня все будет лучше.

— Анфиса уму не научилась, я погляжу, — протянула русалка, — Зря, наверное, за нее просила тогда. Долгие лета и бесы съедят.

— И меня съедят? Она говорила, что меня будут преследовать только сорок дней, — вспомнила Аглая.

Русалка снова расплылась в облако, отчего стало не видно лица.

— Я смогу убежать от них, да?

— Кто знает, — ответила русалка. Она обрела форму.

В ее голосе не слышалось уверенности.

Аглая протянула ей Гаврюшу.

— Спасибо.

— Оставь себе, понадобится. Пойдем, мне нужно дойти до воды, — и русалка двинулась вглубь. Вода с нее полилась сильнее. На земле оставались лужи. От них поднимался туман. Аглае показалось, что в тумане промелькнуло чье-то лицо.

Они добрались до мелкого ручья прямо у сосны. Русалка поставила в него ступни. Она обсохла в один миг.

— Ты за мной пришла? — спросила Аглая.

— Я сбежала от бесов, — русалка зачерпнула воды и умылась. — Они шли по твоему следу.

Русалка стала еще бледней. Ее глаза в дневном свете казались серо-зелеными, как у человеческой девушки.

Аглая протянула было руку — погладить пшеничные косы — но убоялась.

— Я могу сделать отвар, чтобы бесы меня не учуяли. Только котелка нет. Но есть польнь.

Русалка села в ручей. Рубашка облепила ее колени. Аглая отвернулась.

— Тебе нужно дойти до любого села и делать отвар. Если они тебя, как ты говоришь, через сорок дней не найдут, они останутся.

— Я надеюсь.

— И я, — русалка зашевелилась. На Аглаю плеснули воды. Она взвизгнула, — Умойся.

Пока умывалась, украдкой разглядывала русалку. Бабушка говорила, что это самая красивая и волшебная нечисть. Многих молодцев с ума свела своими речами. Аглае даже жаль было, что она не молодец никакой.

— А что это за кладбище? — спросила Аглая, — Почему именно здесь?

— Подземные вода озера проходят тут, поэтому я смогла прийти.

Русалки передвигались только по воде. Посуху они ходили, если имели гребень. Этим гребнем они расчесывали волосы лунными ночами. Говорят, его выдалбливали из позвоночника первой жертвы.

— Где твой гребень?

Русалка отмахнулась. Этот жест взбесил Аглаю. Словно она маленькая, словно ничего не понимает. Бабушка тоже так делала.

— Где твой гребень? — повторила Аглая. Она шагнула в ручей и схватила русалку за руку. Было холодно и страшно.

Русалка дернулась. На миг Аглаю поглотил ее взгляд. Русалке открылось все — и голодная жизнь после бабушкиной смерти, и танины подачи, и грязь в избе. Аглае казалось, что ее раздели и смеются. Она отпрыгнула.

— Что это? Это твоя магия такая? — спросила Аглая сквозь зубы.

— Никогда не делай так больше. Я могу тебя съесть.

— Зато мертвой меня бесы не поймают, — Аглая еле дышала, по телу разливался жар. Она смочила лоб водой. Русалка поднялась с колен.

— Нет у меня гребня. Его отобрал царь, когда я убегала. Из-за этого долго без воды не могу. А насчет бесов не зарекайся. Они ходят мертвыми тропами.

Вдали завыли собаки. Залетали птицы высоко в небе. Аглая пригляделась — вороны. Глазницы Гаврюши зажглись. Из них полез темный дым. Аглая никогда раньше такого не видела.

— Они близко, — сказала русалка, — теперь чувят тебя. Тебе нужно варить полынь как можно быстрее. Я навешаю тумана, они чуть заплутают. Недолго их это заморочит.

Аглая не двигалась. За стволами деревьев собирался туман. Он словно поднимался из земли. Воздух стал сырее и гуще, запахло кувшинками.

— Почему ты мне помогаешь?

Русалка вышла из ручья. Вода хлынула с нее. В раменье стало темнее.

— Я пообещала твоей бабушке.

— Вы дружили?

— Нет. Но она хотела уберечь тебя.

— От чего уберечь? От кого спасти? Я не понимаю ничего. Вы все говорите загадками. И никто ничего не объясняет.

Гаврюшина палка накалялась. Аглая подула на пальцы. Она устала мчать, как кобыла под кнутом. Даже смерть не пугала уже. От сырого воздуха на лбу проступила испарина.

— Ты видела могилы? Твоя бабушка рассказала мне о них. О каждом на том кладбище Сирин имела видения, и каждого потом нашли и уничтожили бесы, — русалка замолчала. Она смотрела Аглае за спину. Гаврюша с шипением потух, словно водой залили.

У русалки, напротив, глаза зажглись. Она смотрела Аглае за плечо.

— Бесы? — спросила Аглая, не оборачиваясь.

— Хуже, — русалка шагнула в ручей.

И тут Аглая заметила, что раменье скрылось в тумане. Верхушек сосен было не видать. Смолкло пение птиц, остался только один звук — стрекот.

Русалка взмахнула рукой, из воды выросла стена. Она доставала русалке до колен. Ручей был мелководный.

— Что такое? — Аглая замерла. Ей не нравился стрекот, он как будто подстраивался под стук сердца. Аглая тряхнула головой.

— Беги, — велела русалка.

Стоило ей произнести это, как туман рассеялся. Всюду, куда ни глянь, стояли люди. Они прислонились к стволам сосен, сидели на нижних ветках. Они молчали, а стрекот, казалось, становился громче и громче. У людей была зеленая кожа. Казалось, из-под нее выходит воздух. Лица раздувались, словно Аглая смотрела на них сквозь воду.

— Как много покойников, — пробормотала русалка, — видно, год был хороший? Да,

Марьяна?

— Не жалуюсь, — ответили ей. Аглая обернулась. Среди покойников стояла девочка. Она была небольшого роста. Волосы черные, убраны в косу вокруг головы. Прическа замужней на молодке рассмешила Аглаю. Так в их деревне девки пытались выглядеть невестами

— А ты, Хованья, все-таки сдалась? Еще бы, сорок лет на черствине, — Марьяна положила руку на плечо покойнику. Тот поднял ее за пояс.

— Аглая, беги, — сказала русалка. Ее, получается, звали этим странным диковинным именем. Аглая взглянула на нее. Куда краше Марьяны, та совсем на навью не похожа.

— А что же ты делаешь здесь, без гребеня, с бесовицей? — ближайший к Аглае покойник дернулся. Он схватил ее за руку. Аглая вырвалась.

— Марьяна, тебе с ними не сладить. Они идут за ней по пятам, — русалка дернула Аглаю за рукав, уводя в ручей, — Помнишь, что стало с царицей? Такое нас всех ждет, если не отпустим ее.

Марьяна покачала головой.

— Ты всегда была хитрой, Хованья. Но я не царь, и на такие речи я точно не поведусь.

Трупы обступили их. Вода из ручья вздыбилась было, но тут же опала. Хованья отпустила Аглаю. Над ними возвышалась Марьяна, которую крепкий мертвец по-прежнему держал за пояс. Половина лица у Марьяны состарилась, стала старушечьей. Марьяна вскинула руки.

Мертвые бросились к ручью. У кого-то отлетела голова и покатилась. Аглая вскрикнула. Что-то склизкое коснулось ее ноги. Хованья удержала Аглаю в ручье.

— Марьяна, время уходит. Мы не бессмертны перед ними.

Мертвецы двинулись к Хованье. Они тянули руки и тут же опускали. Будто бы что-то мешало Марьяне напасть. Марьяна стала задумчивой.

— Тебя отлучили от воды, — сказала вдруг Хованья, — поэтому ты не можешь сюда зайти.

— А ты почему проходишь? — Марьяна спрыгнула. Ее лицо вновь стало девичьим. — Вода тебя не отвергла? Как так?

Она вдруг затопала ногами. — Как так? Почему тебе все? Даже в изгнании, даже вот такой вот. Не за что тебя любить! Ты самая слабая из нас была всегда!

Мертвецы столпились вокруг. Они тянули к Марьяне руки, словно утешали. Она отталкивала их.

— Слабая!

— Беги, — шепнула Хованья, — она за тобой не пойдет.

Аглае не хотелось уходить. Она подняла Гаврюшу, наполовину утопленного в ручье.

У Гаврюши в глазницах теплился огонек. Аглая встряхнула его. Пламя разгорелось ярче. На лес напозала тьма. Она была густой, как грязь, глянцевицей. Внутри этой тьмы сиял огонь. И это было неправильно.

— Поздно, — сказала Аглая, — они идут. Они учуяли меня.

Мертвецы попадали. Марьяна подняла глаза.

— Кто это? — спросила она.

— Они идут, — Хованья повторила Аглаины слова.

— Черти, — никогда ранее не видала Аглая напуганную нечисть. Ноги Марьяны стали бледнеть и выцветать. Она оборачивалась туманом. Туман потемнел, сгустился — и

выплюнул Марьину. У той растрепалась коса. Из нее выбился гребень. По лицу Марьина потекла вода. Она была грязной, словно вода из лужи. Русалка, которую вода отвергла, — подумалось Аглае.

Стулки тьмы поднимались по ногам Марьины. Бесы же принимали любого — с радостью. Марьина стала прозрачной, и потому видно было, как ее вены заливают чернота.

Марьина открыла рот — и вопль заколыхал землю. Аглая бросилась на дно ручья. Она впервые слышала, как бес разрывает русалку.

— Бежим, — сказала Хованья. Она начала читать заговор, который Аглая не знала. В бабушкиных тетрадях говорилось, что есть особые заговорные слова. Их не произнесет тот, кто ходит дневными тропами. Слова эти предназначены для детей Нави. «Некоторые полагают, — писала бабушка, — что эти заклятия оставили нечисти их боги».

Где лежит камень-Алатырь, а под ним бежит река-Смородина,

Где вода берет начало живая и мертвая,

Туда уведи меня, Кровавая, туда путь укажи мне, Песоголавая.

В царство водяное, где на троне твое дитя,

в царство водяное, что под Навию.

Неси меня, Мормония, унеси меня, Ликания

Вода расступилась. Аглая раскашлялась. Пахло сыростью. Вокруг сжимались стены.

— Чего стоишь? Вылезай, — сказала русалка. Аглая поставила ногу на кирпич, потом на второй. Еще ни разу ей не доводилось выбираться со дна колодца. Хорошо хоть, был он неглубокий. Русалка кралась следом.

Они очутились на какой-то заброшенной поляне. Рядом стояла изба, с виду крепкая.

— Лесничья, что ли? — спросила Аглая. — Нас не погонят?

Русалка, с которой уже начало капать, прошла к двери. Без стука открыла ее. Изнутри пахло плесневелой шерстью.

— Это лихой дом, здесь один из моих утопленников добро хранил, — русалка нашарила в сенях жестяное корыто. — Набери воды туда.

Халупа утопленника никого не прельщала весен десять. Аглая вытащила шерсть наружу, чтоб не пахло так. Внутри нашлись и чугунок, и огниво. Десятилетняя соль была на вкус неотличимой от свежей. Больше всего Аглаю поразила большая господская кровать с резными амурами. Как она здесь оказалась? На кровати лежали перины, изъеденные молью. Русалка уселась в корыто. Вода перестала капать с нее.

— Свари полыни быстрее, Марьиной они сыты не будут долго.

— Ты ее знала? — спросила Аглая. Изба была курной. потолком чернела копоть. В доме хранились дрова, так что разжечь очаг вышло быстро. Дольше оказалось найти полынь. Почему-то она почти не росла тут. Кое-как Аглая разжилась двумя пучками, и то потому Хованья велела поискать под порогом.

— Моя подружница была, — из полумрака за Аглаей следили светящиеся зеленые глаза. Аглая чувала чужой голод. — Недолго, правда. Ее раньше меня выгнали. Она закон не блюла. У нее особый дар был, могла в кого хочешь перекинуться. Так однажды в утопленника перебросилась им пришла к нему домой. Всех домочадцев его сманила в пруд и утопила.

Аглая шепнула полыни заветные слова. Полынь запахла свежестью и росой.

— А вам нельзя так?

На очаг встал чугунок. Полынь, мелко надорванная, легла вовнутрь.

— Нет, мы, коли живем в царстве водяном, можем питаться как люди. Кровь не нужна

ЧИСТЫМ.

Аглая не поняла, отчего слова Хованьи звучат так грустно.

— А что за дар такой? У тебя есть он? — спросила Аглая, чтобы не берeditь чужие раны.

— Я могу не только кровь забирать, но и память. Она лучше крови, и она остается со мной навсегда. Потому я знаю все, что мои утопленники знали и видели. Отвар закипел, и Аглая сняла его с очага ухватом. Пить не хотелось страшно. А выхода все равно не было.

— Ты, получается, во много степеней больше человек, — сказала Аглая, — раз столько жизней помнишь. Я б тоже хотела. У нас-то всего одна жизнь, и та недолгая. Время пролетит, состаришься. Или, как знахарка, одна куковать будешь. Все одно, смерть и забвение.

Аглая отошла к красному углу. Даже у лихого человека он был. Там лежала закопченная иконка, ликом вниз. Еще Аглая нашла серебряную рюмку. Та вряд ли досталась разбойнику от отца с матушкой.

В серебряную рюмку и был налит отвар. Поморщившись, Аглая сделала глоток. Мир потускнел, как водится. Силуэт русалки размылся, и слова ее зазвучали глухо.

— Для ведьмы жизнь иная представлена. Они могут дольше жить и ярче. Недаром за вами охотились. Ты свое наверстаешь. Коли от бесов убережешься. А потом ты сумеешь в город уехать, там жизнь иная. Я видала ее. И для ведьмы там всегда найдется угол.

Аглая не знала, чудится ли ей этот голос. Она снова потеряла свою волшеббу. Едким отваром она протерла порог и под ставенями. В голове стучало.

— А почему ты с русалками не живешь? — спросила Аглая у плеска воды.

— И меня выгнали когда-то. Проклял царь так, что вода меня домой не пускает. Вишь, даже заговор мой не в царство привел.

— Дурак ваш царь, — сказала Аглая. — Я бы тебя ни за что не отпустила.

Ей почудился смех из угла. А затем на голову словно надели железную кастрюлю.

Наступила тишина.

Поутру Аглая скатилась с резной постели. Ни разу не ночевала она так по-господски. Перина, за столько лет чуть оперевшая, укутывала тело точно вода. Аглае снилось, словно она царевна. И идет она по палатам, усыпанным яхонтами. Вслед же идет темнота, шепчет что-то, но нагнать не может.

Аглая поставила воду, чтоб сварить ещё полыни. Зачем это было нужно, Аглая забыла. Помнила лишь, что очень важно, это спасёт жизнь.

Из угла, где отчего-то стояло корыто, донеслось журчание. Аглая похолодела.

Сквозь воду она слышала голос. Чем дольше голос говорил, тем отчетливей звучали слова. Аглая начала различать их.

— Нам нужно попасть в царство воды. Бесам туда хода нет.

Воспоминания о вчерашнем дне залили Аглаю. Она даже закашлялась.

— Хованья! Я снова все забыла.

Крепка полынь.

В мутном утреннем свете Аглая различала силуэт. Он покачивался над корытом.

— Хоть чему-то научила тебя эта ведьма, — сказала Хованья. — Она показала, как человеку добраться до водного царства?

— Не до конца, — ответила Аглая. Ей стоило больших усилий расслышать Хованью. — но я догадливая, честно.

Полынный морок начал спадать к обеду. Неотчетливая фигура Хованьи то обретала резкость, то вновь сливалась в туманное пятно.

— Помни, — слышала Аглая, — нельзя в водном мире ни пить, ни есть. Иначе забудешь о людском.

Иногда плеск стихал, и Аглая оборачивалась на тишину. Но за водным паром Аглая раз за разом находила Хованью.

— Не забывай о том, что тебе надобно будет вернуться в мир. Не давай воде себя очаровать, — твердила Хованья.

— А это разве плохо, остаться в царстве русальем? — Аглая чертила на полу охранные знаки против бесов. На имени "Агла" закончилась сажа, и замыкать круг пришлось кровью, размешанной с водой. То, чему учила знахарка, отличалось от ремесла деревенской ведьмы. Ведьма вряд ли ведала о планетах или знаках-сигилах. Справедливости ради, учёный, сведующий в тайных науках, тоже не принял бы тяжкие роды у коровы.

— Русалий мир не для людей.

— Почему же? — Аглая завершила круг. Она закрыла глаза, и круг вспыхнул на обратной стороне век. — Мне там точно не будет хуже. Ещё и бесы не догонят.

Когда Хованья ответила, её голос прозвучал очень громко.

Аглая открыла глаза. Туманы рассеялись, и она увидела корыто чётко. Хованья вышла из него.

— В воде жизнь замерла, — сказала Хованья, — Там нет ничего... настоящего. Кровь гуще воды, кровь пахнет, у неё есть вкус. А вода — это морок и мрак. — голос Хованьи проникал в Аглаю, он смешался со стуком сердца, — Кто пробовал жизнь человеческую, кровь человеческую, тот не захочет пить воду.

Вода в корыте заледенела. Стеклянные замершие брызги тянулись за Хованьей. Иней покрывал ее ночную рубашку и волосы. Аглая ощутила запах ноябрьского холода. Той осенней недели, когда зверь воет на луну, а ни один добрый человек не выйдет из дому после сумерек. Аглая приблизилась к русалке. Она казалась тёплой, вопреки сковавшему её льду. Русалка распахнула объятия и Аглая упала в них, как в нагретую солнцем траву.

Аглая слышала смех, будто бы смеялись парни с девушками. Запахло тёплым хлебом. Где-то мычали коровы. Аглае показалось, что её любят. Руки её качали младенцев, они же замешивали тесто, они же ткали приданое. Её лицо кто-то целовал, кто-то дышал ей в шею, и гладил её тело.

Затем Аглае показалось, будто бы пахнет книгами. Ей открывались такие истины, что никому не были известны. И, зная все на свете, она жаждала большего. Она хотела попасть в иноземную библиотеку, где хранились первые записи человечества. Она хотела приобщиться к тайнам, о которых молчали веками. И вот это случилось. Она переступала потайной порог, а краснорясые священнослужители закрывали за ней дверь. После Аглае почудилось, что она скачет на коне. Так быстро он несёт её по тёмной дороге, так лихо. Впереди горят фонари города... Сзади скачут её люди, и гремят их седельные сумки. Добычи много, они прокутят все за черно-красной рулеткой. Лучшие вина из погребов губернатора, лучшие яства из ресторанов. Любви будет много, но ему не нужна любовь. Лишь бы снова скакать в темноте и смеяться над богами.

А потом, когда от ощущений стало больно, и образы смешались и умножились, и сердце в Аглае забилося с десятков — пришло небо. Было оно голубым и бесконечным. Потемнело оно и зажглось тысячью глаз. Нечто смотрело на Аглаю. И ничто не укрывалось от этого

взгляда. Постепенно гасли звезды, пока не осталась на небе одна пара. Она отразилась в воде, озарила кувшинку и погасла.

Пар стоял по всей комнате. Аглая лежала на полу. Над ней склонилась Хованья. Она была прекрасна. Больше всего Аглае хотелось плакать.

— Что это было? — спросила Аглая.

Хованья смотрела не мигая.

— Это жизни моих утопленников. Я проживала их снова и снова, пока они не стали моей памятью. Пока я не стала ими.

— Как можно прожить столько, — слезы всё-таки полились.

Хованья погладила Аглаю по щеке.

— Забери мою жизнь, прямо сейчас. Тогда бесы не доберутся. Забери, — Аглая задрала голову, — Выпей мою жизнь. Съешь меня.

— Нет, — Хованья отодвинулась.

— Пожалуйста, — Аглая поймала её за руку. Рука была ледяной наощупь. Аглая прижала ее руку к своей груди. Почудилось, что от соприкосновения пошел пар, будто грудь была раскалена.

Хованья склонилась ниже, и теперь Аглая видела ее глаза — зеленые и страшные.

— Я могу и согласиться. Не искушай.

— Пожалуйста. Если бесы меня поймут, моя жизнь будет принадлежать им. А я хочу, чтобы она была твоей.

Хованья отпрянула. Она поставила Аглаю на ноги легко, точно пушинку.

— Сегодня не пей полынь, — сказала. — Я проведу нас в водное царство.

Было светло, как днем.

В водорослях паслись караси. Их чешуя мерцала под светом месяца. Крупный сом присматривал за ними и отгонял полосатую щуку. Поодаль стояли избы. Они были выложены речными камнями. Узор отсюда не видать, да Аглая и не стала бы подходить ближе. От одной избы поднимался пар. Во двор вышла длинноволосая женщина. Она развесила серебристую ткань по веревкам. Мир заколыхался — и Аглая вспомнила, что всюду вода. Не та, что течет по земле и под. Эта вода не имела веса. Бабушка что-то писала о таком. Аглая поглубже зашла в чащу кубышек. Сом уже начинал посматривать в ее сторону.

Они вынырнули из колодца. Аглая позже рассмотрела его, колодец был из голубого камня. По бокам шли серебристые буквы. Аглая не сумела прочесть их. Хованья успела махнуть на лес кувшинок и сказать: туда. Она была бледной, почти прозрачной. Она упала в кувшинки. Аглая испугалась, что померла. Но нет, постепенно к лицу Хованьи возвращался цвет. Вода исцеляла.

Лес кувшинок порой колыхался, туда-сюда сновали пестрые караси. Таких Аглая нигде не видала. Чешуя блестела всеми цветами радуги, во лбу горели камешки. Карасей пас длинный усатый сом. Он погнался карасей в деревню. Издали виднелись высокие каменные ворота.

В селении стало шумно. Водный народ разбирали карасей так же, как люди своих коров. Даже спорили похоже, чей выводок толще.

— Окаянная? — этот голос звучал иначе. Он стал мягче и ниже.

— Ты очнулась! — Аглая вмиг забыла о деревне.

Хованья стояла в кувшинках. Они облегли ее, как псы ластились.

— Нам нужно уходить, — Хованья посмотрела в подводное небо, — Пока ночное

солнце.

Оно было черным. Его свет расслаивался по водорослям. Подводный мир погружался в темноту. Хованья белела посреди зарослей, точно единственная кувшинка.

Они дошли до колодца. Его серебристый узор слегка светился. Хованья взяла Аглаю за руку.

— Нужно прыгать. Ты знаешь заговор земле?

— Нет.

— Это то, что досталось вам от предков. Как ты можешь его не знать? — и темнота вспыхнула.

Аглая зажмурилась, но долго еще в глазах стоял зеленый свет.

Хованья отпустила ее руку. Когда свет погас, Аглая ахнула. Перед ней возникли другие русалки. Их тела светились бледно. Русалки молчали, разглядывая Хованью. А впереди всех был красивый мужчина. Во лбу его сиял венец с камнем, похожим на каплю крови.

— Тебе было запрещено приходить, — произнес он. Смотрел он на Хованью. А та почему-то глаза опустила.

Водный народ отличался от русалок. У русалок были длинные тела, а кожа светилась. Их зрачки мерцали, как драгоценные камни. Одеты русалки были в кафтаны и штаны. Только ноги были босыми.

Водный народ больше походил на обычных людей, разве что зеленоватыми были. "Утопленники, наверное, — решила Аглая" Или те, кому вода даровала новую жизнь. Водный народ при виде русалок кланялся и опускал глаза. Пока Аглаю вели, вся деревня стояла в три погибели.

Царь — он был в красном венце — рассеянно махал на них трезубцем. Это так напомнило Аглае ольменского попа.

По дороге им попался белый пес. Он зарычал на царя.

— Поймаете его наконец, — велел царь, — Сладу с ним нет.

Две русалки в длинных, расшитых драгоценностями кафтанах, бросились исполнять. Но пес, закрутив хвост бубликом, ускакал. Аглая сдержала улыбку. Тем более, на Хованье лица не было. Изредка она смотрела на царя, но тот в ответ не глядел. Аглае это не нравилось.

Их разделили в парадной. Аглаю повели наверх, в шелковую горницу. Всюду лежали подушки, а на столе стояло блюдо с едой — и зажаренные караси, и блины, и даже кутья в глиняном горшке. Аглая хоть и переживала, но не могла не смотреть на яства. Знахаркины каши с лопухами давно переварились.

В прозрачном хрустальном кувшине переливался компот из смородины.

Бабушка как-то писала, что на кладбище есть нельзя. Там едят мертвые. Даже в голодные времена Аглая не угощалась с крестов. А вот про подводный мир бабушка не упоминала.

Аглае пришлось долго сидеть в одиночестве. Она боялась, как бы русалки не сделали чего Хованье. Не слишком-то они обрадовались ей.

— Вижу, ты проголодалась, — в проеме стоял царь. Он снял венец. Аглая подавилась карасем. Царь улыбался.

Такой красоты не бывает у мужчин. В Ольменовке Аглая не видела, чтобы кожа у мужчин была атласной и светлой, чтобы лица не чернели от солнца. У царя были длинные темные волосы и глаза светло-пурпурного цвета. Носил он длинный, на манер восточного хана, халат.

— Ты необычная девочка, — царь сел на лавку. Он налил компот в кубок из витой раковины и пододвинул Аглае. Та не взяла его, — Пей, ты в гостях.

Аглая посмотрела на царя.

— Нет, спасибо.

Пить, как назло, захотелось сильнее. Даже губы пересохли.

— Ты знаешь русалку, которая привела тебя сюда?

— Да. Она спасла меня.

— Хоть так, — царь вздохнул. Он подпер щеку рукой и взглянул в окно. Месяц поднимался все выше и выше, заливая мир светом. — Раньше ей на всех плевать было.

Аглая отхлебнула. Вкус был резким. Не такой компот бабушка варила из смородины.

— Это вино. Нравится? — царь налил себе, — Лучшее из моих погребов. Гости у нас редки, особенно такие.

— Какие такие? — в голове у Аглаи замутилось. Облик царя расплывался, словно под пеленой.

— Живые, — и царь рассмеялся. Он делал это так искренне, что Аглая улыбнулась.

— Последний раз к нам приходил Садко. Слышала о таком? Гениальный музыкант.

Аглая не знала, что такое гениальный. Она пригубила вина.

— Бабушка рассказывала про Садко. Только это сказка.

— И это сказка? — царь провел рукой по терему. — Не ожидал такого от ведьмы. Садко был одним из самых интересных людей. Он тонул, но одна твоя знакомая его спасла. Играл он чудесно. Вы бы сказали, что Садко продал душу дьяволу за свои гусли. Но на самом деле, он всегда был таким.

Аглая хрустнула карасем.

— Хованья его спасла?

Царь посмотрел в окно. Он был хорош со всех сторон. Аглая, против воли, залюбовалась им.

— Его век был отмерян. Он должен был утонуть в той реке. Но Хованья увела его сюда. Он прожил еще сто лет, играя нам. А потом умер. Ведь век людей, даже гениальных, короче нашего. Хованья очень страдала. Думаю, с той поры она и возненавидела меня. Как будто бы я могу остановить ход времени. Мне многое подвластно, но не это. Впрочем, — взгляд царя остановился на Аглае, та выронила карася, — Хованья снова привела сюда человека.

— Я не хотела сюда, я просто бежала.

В детстве Аглая никогда не любила сказку про Садко. Он был таким бахвалистым, как куцый петух. Сейчас же Аглая его просто возненавидела.

— Люди боятся тех, кто умеет больше них. Подобные тебе не могут найти покоя среди своего рода. Вот они и ищут чудес. Люди всегда стремятся к любви, даже к ее отражению на воде.

— Я не от людей бежала, — Аглая поднялась. Ей разонравился и царь. Его слова не лились, как ручей. Он все отмеривал. Ему было что-то нужно.

Она не успела договорить, как сморил сон. Последнее, что высветила луна — лицо царя. Он склонился над ней и рассматривал.

Аглая бежала сквозь длинные комнаты, а они не заканчивались никак. Комнаты раздваивались и множились. Везде была вода. Она текла за Аглаей, как живой ручей.

Куда Аглая ни сворачивала, вода была тут как тут.

Наконец, Аглая очутилась в круглом маленьком предбаннике. Пыль взлетела над

головой, засияв в лунном свете. Из пыли соткалась фигура. Лица Аглая не видела, его скрывал платок.

— Приди ко мне, — голос принадлежал женщине. Он тек внутри Аглаи, как вода. Он обволакивал и утешал, он давал надежду. В голове, вместе с речью женщины, зарождались цветные всполохи и узоры.

— Куда? — Аглая вглядывалась в полумрак. Женщина мерцала.

— В самый темный час, в самый темный угол. Иди за белым псом. Он знает, где я. Собачий лай зазвучал со стороны луны. Он нарастал, Аглая заткнула уши. Мир становился ярче и ярче, пока полностью не побелел.

Тогда Аглая и проснулась.

Аглая ныряла под скамьи, скатерти и столы. Аглая рылась в перине. Под пальцами сминалось накрахмаленное полотно и падали чашки. В подушках, конечно, ничего не лежало. Все тетради сгнули в колодце. А Гаврюшу выронила еще в лесу поди. Аглая заметила, что рубаха на ней новая. Такая белая и свежая, как у царицы самой. Аглая не всегда жила оборванкой. В лучшие времена бабушка одевала ее в поволжский лен, а на голову повязывала батистовую ленту. Аглая не носила лаптей, бабушка считала, от них преют ноги. Они обе обувались в кожаные туфли, сшитые у городского сапожника.

— А давеча привели эту, самозванку болотную. Глазища злые, уж царь наш, сын Матушки-Реки, и так ей, и сяк. Мол, признай, что украла гребень Вошенки. А та ни в какую. Молчит и смотрит. Ох, всегда не любила я эту Хованью.

Аглая наострила уши. Она скатилась с перин. В горнице было очень богато. Ни старшина, ни танин муж — никто не жил так, как водный народ. На кровати высилась башня перин, сверху стелился синий балдахин, расшитый жемчугами. Аглая обошла стол со вчерашней трапезой. Яства выглядели свежими, будто бы их выставили только сейчас. На окне висело полотенце. Оно было из белого бархату, а по краям шли вышитые волны. Они словно качались.

— Она-то хоть русалка, — произнес другой голос. — Не то что Сиринок окаянная. Моя очередь носить ей еду. Она как глянет, аж мороз по коже. А эти руки, брррр.

Аглая выглянула из окна. Внизу стояли две женщины. Таких сплетниц и в Ольменовке знали. Они, обычно, сидели на лавочке около деревни и ждали пастуха. Всех, кто мимо проходил, женщины обсуждали. Они бы не постеснялись даже царицы. Как-то Аглая услышала, как про царицу сказали "ни кожи, ни рожи, один венец".

Месяц светил на двор. Видно было каждую водоросль.

— А ты поставь и беги, — посоветовала первая. Аглая хотела было отвернуться, как к женщинам подбежал белый пес. Он посмотрел вверх. На миг Аглае почудилось, что он ищет ее. Затем пес умчался, помахивая свернутым в калач хвостом.

— Надо идти к Сиринок, — сплетница подхватила корзину. В руках Аглая заметила большие ключи. На такие знахарка запирала сарай.

Неужели взаправдашняя Сиринок? Птица печали, которая пророчит беды и смерти. Аглая ни слова не встречала про нее у бабушки. Кого только не держали навьи воды. Только вот судьба Сиринок интересовала Аглаю несильно. А Хованья — очень даже.

У дверей стояли русалки. Высокие, с длинными светлыми волосами, они перекрестили перед Аглаей копыя.

— Не велено выходить, — на русалках был чудной наряд, похожий на доспех средневекового рыцаря. Казалось, наряд этот сплели из лунного света.

— Я не пленница тут, — Аглая поднырнула под копьё.

Сильным рывком её втянули обратно.

Все русалки обладали нечеловеческой силой.

— Не велено выходить.

Дверь захлопнулась.

Аглая осталась посреди горницы.

— Да кто вы такие, чтобы удерживать меня?!

Ни звука в ответ. Аглая задрала голову и закричала.

Хованья

Детей было трое. Самого старшего — мальчика со светлыми волосами и громким голосом — Хованья отмела сразу. Такой поднимет крик на весь лес. Деревенские, не ровен час, прибегут. Тут мавке и конец. Забьют крестами, замучают молитвами, а потом скажут "Она-де покаялась, имя христианское приняла и юдоль грешную покинула".

Полуденное солнце жарило верхушки деревьев, прохлада собиралась внизу. В лесу пахло смолой. Девочка с черными косами то и дело чихала — ничего не стоит пойти на звук. Тем более, болезная дальше всех забрела в чащу. Хованья скользила по еловым иглам. Они усыпали землю густо, поэтому следов Хованья не оставляла. Она отогнула очередную ветку. Здесь, в сердце леса, стояла темнота. Деревья росли частоколом, переплетались ветками. Взрослому человеку пришлось бы прорубать дорогу. Хованья умела проходить насквозь. Она сделала шаг — и замерла.

Далеко-далеко, у озера, от которого брала начало река, раздался плач. Мавки так не плакали, их голоса звучали куда мелодичней. Да и не водилось здесь других мавок.

Место было домом Хованьи. Там деревенская девка много лет назад утопила младенца. Вода вошла в него, заменив собой кровь. Младенец вырос русалкой. Водяной царь воспитал ее.

Плач усилился. Не иначе, к Хованье пожаловали незваные гости. В мгновение ока Хованья растворилась. Она позволила воздуху нести себя, она пролетала сквозь ветки, стволы и камни. За приозерный тростник Хованья зацепилась.

У берега рыдала третья девочка. Она была одета только в нательную рубашку.

Жизненной силы в детях всегда было много. Они могли вырасти в кого угодно — хоть в царя, хоть в ведуна. Девочка выглядела крепкой.

Если Екатия не уготовила ей смерть родами, жизненной силы Хованье хватит до весенних паводков.

— Чего реवेशь? — спросила Хованья. Она сгустилась над водой

У девочки округлился рот — она собиралась звать на подмогу. Хованья шагнула навстречу, готовясь схватить дитя и утащить под воду.

— Чур меня, — сказала девочка. — Ты кто?

Она была младше других.

— Хованья. А ты?

— Аглая, — девочка посмотрела на воду, потом на Хованью. — Ты не боишься? Здесь русалки водятся злые. Они на дно тащат. Они и куклу мою забрали.

Водяной царь хранил человечьи вещи. Он любил драгоценные камни, золотые украшения и омытые водой черепа. Хованья забирала только жизненную силу. Портки с сапогами оставляла лихим людям.

— Где уронила-то?

— Ее русалки забрали, как Никиту — повторила девочка. Она не заметила, как замочила подол рубашки. Кто-то одарил ребенка оберегом, зашив в куклу волос живого человека. Обереги излучали тепло, их задачей было отгонять навью стужу. Действительно, откуда-то шел неприятный жар.

Хованья огляделась.

В тростнике запутался лоскуток. Хованья взялась за него и вытащила грудку тряпок.

— Твоя, что ли?

— Игнатик! — девочка бросилась к тростнику. Она рухнула в топь, заскользила по илу пятками. Хованья поймала ее. Навий голод накатил вмиг. А добыча ничего не поняла.

— Спасибо, тетенька, — прошептала девочка, прижатая к белому русалочьему платью. Она посмотрела снизу вверх. — У тебя глаза зеленые, как у кота. Хованья подняла девочку на руки. Та не брыкалась. Кукла со шмяканьем рухнула вниз.

— Хорошая, — похвалила Хованья. Она не любила гнаться за жертвой по всему лесу. Девочка молча смотрела на нее. Когда-то так на Хованью смотрела Тавия. Она называла Хованью сестрой. «Я тебе верю, — говорила Тавия поначалу, — и он тоже скоро поверит, вот увидишь»

Под кожей девочки текла жизнь. Кровь — жидкий огонь. От голода кружилась голова, и стучало в ушах, как будто внутри Хованьи тоже билась жизнь. Люди были драгоценным источником. Хованья даже любила их по-своему. Она улыбнулась девочке.

Та таращилась ей за плечо.

Почуввав неладное, Хованья обернулась.

Густой белый туман валил из леса. Вода стала намного холодней. Трава потеряла цвет. Где-то заухала сова. Людское солнце померкло, и над миром воссиял нечеловеческий свет.

— Что это? — прошептала девочка. Теперь она цеплялась за Хованью.

— Навье царство.

— Дивное. Ты здесь живешь?

Все проходили через навь. Для людей это длилось несколько мгновений — перед рождением и после смерти.

Остальные же всегда блуждали по нави. Отсюда запах крови казался слаще. Он манил, он был единственным, для чего стоило жить. Кровь просачивалась в навь, и расцветала здесь алыми горящими пятнами. Заблудший шел по ним и к ним. В серой зыбкой мгле он видел одно истинное — кровь, кровь, кровь.

Ни одна живая душа не должна заходить в навь. В нави живут русалки и бесы.

Кстати о бесах. Вдали стали зажигаться голубые огни. Таким гостям Хованья была не рада.

— Я тоже здесь жить буду? — спросила девочка. Она заметила огоньки. — Так красиво. Как на Купалу.

— Помолчи, — приказала Хованья. Огоньки приближались. В серой мгле проступали рогатые тени. Даже водяной царь не связывался с бесами. Они разорвали на кусочки его жену, царицу русалок. Для них другая нечисть сгодится на закуску. Особенно мавка, которая уже семьдесят весен исправно подкрепляет себя человеческой кровью. Девочка всхлипнула — ее коснулось пепельное дыхание. С другого берега пошел дым.

— Вот что, — сказала Хованья, она была навьей. Всякий раз Явь с трудом впускала ее, — ты должна подумать о своем доме, живо! Иначе они до нас доберутся.

Девочка зажмурилась. С четверть лучины она шевелила губами, затем жалобно посмотрела на Хованью.

— Не могу! Здесь холодно очень.

Она вжалась в Хованью. Как будто это помогло бы. Хованью что-то мазнуло по ноге — обожгло вопреки стуже. Внизу плавала кукла-оберег. От нее расходилось тепло, напоминая о лучах другого, живого солнца.

— Вот, вспомни о том, кто сделал тебе куклу, — Хованья сунула девочке оберег, с него текло, и вода эта была теплой.

— Игнатик, — прошептала девочка. Она тоже нагрелась. Ее кровь застучала у Хованьи под пальцами.

— Думай о доме! — сказала та. Навий голод возрос. Но те, кто прятался за лесом, тоже хотели есть. Их голод оглушал. Им будет мало целого мира.

Воздух вокруг девочки стал теплее. Цвета разгорелись, и кровь прекратила сиять на полверсты. Явь выступала из Нави, пожирая туман и холод.

Солнце запыхало жаром. В лесу запел соловей. Теплый воздух растекся над озером. Явь ликовала.

За щедрые дары приходится откупаться.

Хованья поставила девочку на берег и отступила вглубь.

— Иди отсюда. Считай, спас тебя оберег.

Девочка бросилась прочь. Перед тем, как скрыться в чаще, она обернулась.

— Ты добрая! — донеслось до Хованьи, — Спасибо!

Небо было желтым, как перед закатом. Деревенские ребятишки ушли из леса. Голод уже не скручивал жгутом. Он затаился там, где у человеческих женщин сердце.

— Спасибо, — повторила Хованья, поморщившись, — Тьфу!

До того, как земной мороз затвердит воду, надо раздобыть еще жертву. Тогда зиму можно пролежать на дне. И не падать в навь, чей зов с каждой луной усилился.

***

Русалкам не снились сны. То, что видели дети нави, впадая в забытье, было воспоминаниями. Хованья могла блуждать как по своей памяти, так и по чужой. За это ее прозвали Бродницей — там, в другой жизни, где у нее был гребень.

Хованье путь в водное царство был заказан. Царь изгнал ее навсегда. Дикая навь полна темных страшных существ, которым дочь воды на один зуб. Потому Хованья пряталась и таилась. Она говорила себе, что без пищи русалки могут жить годами. Жизнь эта будет горькой, точно полынь, но все же будет.

Все-таки, надо было съесть девочку. Еще и бесам показалась, так неосторожно. А ведь бесов давно не видели, говорили они спят. Но что-то их пробудило. Силы уходили, и Хованья боялась, что не выстоит в схватке с другой нечистью. А это значило мучительную смерть при должном везении.

Хованья легла на дно. Ил гладил ее по лицу. Рядом спал последний красный молодец. Сил поднять его у Хованьи не было. Она коснулась рыжих волос молодца — красивый парень был, и петь умел. Он привлек ее песнями себе на беду. Мимо проплыл сом. Его ус неодобрительно дернулся. Рыба считала, что Хованья здесь вместо щуки.

Когда голод стал невыносимым, Хованья ушла вглубь памяти. Она знала, что образы начинают копиться задолго до того, как человек рождается. Поэтому ранние воспоминания самые чистые, они не окрашены чувствами и опытом.

Хованья увидела себя младенцем. Мать положила ее под ель. "Прости, Оленька, но кормить нечем" Лицо матери, скуластое и бледное, исказилось. Она не хотела оставлять дитя. Она ничего не могла поделать. Оленька кричала вслед, ей не отвечали. Было холодно, мокро. Ель скрестила лапы. Над Оленькой поднялся туман. Из него проступили черты молодого мужчины. Тогда Оленьке было все равно, она умирала от голода. Сейчас Хованья понимала, до чего красив этот мужчина. Его взгляд горел, словно солнце. Он взял Оленьку

на руки. "Тише, тише, — прошептал он, — теперь ты мое дитя" Он поцеловал ее в лоб, и кровь ее стала навсегда холодной. Ее сердце перестало биться, а глаза зажглись.

Хованья вздрогнула.

Где-то рядом текла горячая кровь. Хованья выплыла из воспоминаний. Кто-то стоял на берегу. Кто-то живой и очень глупый. Иссущающий голод скрючил тело, и Хованья впиалась пальцами в ил. Вокруг Хованьи забурлила вода. Она словно нагрелась от тока чужой крови. Труп молодца закачался в потоке, рыжие волосы распустились дивным огненным цветком.

Хованья медленно поднялась из глубины.

Небо над озером было темным и звездным. Стояла ночь, воспетая и проклятая смертными.

— Кто нарушил мой покой? — спросила Хованья у бесстрашного глупца. Тот не закричал и не сбежал от ее вида. Не смог бы, конечно. Русалка околдовывает, стоит ей услышать живое сердце.

— Меня Полиной зовут, — на берегу стояла женщина, еще нестарая. Она смотрела на Хованью не так, как другие жертвы.

— Ведьма? — Хованья отступила на шаг. И не поднять утопленников, чтобы защищали.

— Ты мою внучку спасла, — женщина что-то поставила на воду, — взамен я тебе требу принесла. Она заговоренная и намоленная на тебя. Хватит надолго.

Как Хованья сразу не догадалась, похожа была женщина на ту девочку. За женщиной стояла сила, смутно знакомая Хованье. Сейчас сила спала, но ничто не мешало ей встрепенуться, точно сторожевому псу, и напасть. Хованья не взглянула на требу.

— Ты всегда такая пугливая? — спросила женщина с интересом, — Странно. Вроде бы не молодая, не весенняя утопленница. Судя по всему, ты очень голодна, а внучку мою пощадила. Спасибо. Она у меня одна.

Хованья молчала. Она и не знала, что на такое говорить. Женщина вздохнула.

— Жаль, что ты неразговорчивая. Ну да вы ведь редко не боитесь и не хотите убить смертных. А как было бы любопытно с тобой говорить.

Хованья поманила к себе требу. Волна подхватила лукошко, точно большая рука. Оно доплыло до Хованьи. Внутри лежал хлеб да яйца. Почему-то они показались живыми, словно сделанными из крови.

— Намоленное на тебя с просьбой о защите, — женщина потеревала косу, — Такое ты съесть сможешь, оно как жертва. Я буду тебе раз в год приносить, и не понадобится никого убивать.

Она была очень самонадеянной. Помнила Хованья одного такого. Он хотел приручить ее песнями да игрой на гусях.

— Рабу захотелось? — спросила Хованья тихо, — А не пойти ли тебе прочь, дура?

Волна поднялась на три аршина. Запахло тиной и смертью. Женщина отпрыгнула от берега.

— Спасла я твою внучку, а ты что, сразу решила меня в услужение поставить? — Хованья выдохнула, — Сгинь отсюда, пока я тебя не забрала.

Забурлило озеро. Ведьма вскинула руки.

— Пстой! Не надо! Я же с миром! Это просто треба, можешь забрать ее и не защищать никого. Я отказываюсь от заговора! Прости, дочь воды!

— Прочь, — сказала Хованья. От ее голоса вода взметнулась вверх на семь локтей. В лицо ведьме полетело лукошко.

Женщина развернулась и убежала, только подметки засверкали. Она не видела, как вода стихла, и Хованья без сил рухнула на дно.

Ведьма пришла через семь лун. Мир увядал. От этой извечной смерти Хованью бросало в воспоминания. Она уже избородила память рыжего утопленника. Он с каждым днем таял. День его ухода в навь был не за горами. Хованья слушала его память о музыке. Вот дудочка тихо наигрывала плеск волны, потом вмешивались девичьи голоса. Пение птиц вплеталось под конец. Воспоминания блекли. Останутся только звуки. Они разольются по озеру и навек останутся в нем.

Стук живого сердца оглушил Хованью. Ее вышибло из сумрачной памяти. Хованья недолго смотрела на солнце из-под толщи воды.

— Выходи, — сказала ведьма, — я принесла требу.

Хованья встала. Было трудно. Она не чувствовала ничего кроме голода. Но ведьма не должна знать.

— Уходи.

— Я просто требу принесла, заговоренную на благодарность. Это от чистого сердца, без подвоха.

Хованья глянула на заросли ивы — там прошлый честный дар истлел, вытравив из себя ворожбу.

Ведьма села на кочку. Задралась юбка, и Хованья увидела кожаные сапоги. У ее рыжего утопленника таких отродясь не водилось. Из его памяти она знала, что ведьма была известной в трех селах. Ее любили и ненавидели. Утопленник собирался к ней за приворотом на одну справную девицу. Решил путь сократить через чашу.

— А с чего мне тебе верить?

— Иначе ты до зимы не доживешь, — ведьма смотрела на Хованью. — Ты не простая мавка, это я вижу. Но ты живешь впроглоть. Дай угадаю, Гаврюшу, сына Матревны, ты сгубила?

Хованья пожала плечами.

— Тебе какая разница?

— Прости, — ведьма улыбнулась, — Я понимаю, вы мыслите иначе. Гаврюша пропал пять лет назад. Больше никого не в лесу не умирало. Я спрашивала у знающих. А до этого, лет десять назад, пьяный Хавронин ушел в лес и не вернулся. Тело не нашли. Значит, тебе нужен хоть кто-то раз в пять лет. Это мало. Обычно мавки пожирают все и всех. Они не могут остановиться, поэтому их легко найти за весну. Ты же другая.

Ведьма напомнила Хованье одного из своих первых утопленников. Тот был очень умен. Очень рассудителен для человека. Он учился в людском доме мудрости и даже написал книгу о сотворении мира. Нелегкая привезла его в эти забытые богом земли. Он хотел описать некий научный феномен, но столкнулся с Хованьей.

— Чего ты хочешь? — спросила она наконец. От корзины с требой пахло жизнью и кровью. Не так, как в прошлый раз.

— Защиты, — ответила ведьма, — не для себя. Ты спасла мою внучку от Нави, и я...

— От бесов, — Хованья полностью встала. Вода текла по ней. — Бесы заметили твое дитя. Они словно ждали ее. Он проснулись, стоило ей перейти грань. Но коли правды хочешь, то не я спасла, а кукла-обережница.

Ведьма сжала ручки корзины. Когда вновь заговорила, голос дрогнул:

— Это еще дед ее делал. Он хорошим человеком был, не то что я.

Она смотрела на Хованью с отчаяньем.

— Я была глупа, когда собиралась приручить тебя. Ты не похожа на обычную нечисть, я вижу это. Но мне так нужен защитник...

Ведьма поставила корзинку в воду.

— Ты можешь спрятать кое-что. Чтобы никто не нашел. Никогда. Особенно Аглая.

Хованья с трудом отвела взгляд от подношения.

— Ты должна уйти.

— Я помогу тебе с пищей! Раз в пять лет сюда будут забредать путники. Я прокляну это место, чтобы ты могла есть.

Хованья поняла вдруг, что ведьма не шутит и не обманывает. Ее душа на миг раскрылась, обдав Хованью волной ужаса. Ведьма боялась не бесов.

— Просто спрятать? — уточнила Хованья. Она приблизилась. Камыш качнулся, тоже заинтересованный. В протянутых руках лежала шкатулка из серебра. Самый чистый металл. О, как водяной царь любил свою серебряную корону.

— Ты могла и в реку кинуть.

— Любая текучая вода рано или поздно исторгнет ее. Только озеро. Только нужное слово и верная кровь, — ведьма сжала амулет, который болтался на груди. Хованья присмотрелась. Это была бутылочка из синего стекла. Внутри пела кровь.

— Только тот, кому принадлежит кровь, сможет получить шкатулку. Но она никогда не найдет дорогу сюда. Иначе она будет проклята, — добавила ведьма шепотом. На ней не было лица. Она казалась Хованье безумной.

— Нет, — повторила Хованья. — Ты сглупила тогда. Теперь же получай, человек. Я и мое озеро тебе не помогут.

С этими словами Хованья ушла на глубину. И как ведьма ни звала, как ни молила, Хованья не отвечала.

Водяной царь научил Хованью главному — мягко стелет, жестко спать.

Она была тут как тут. Без корзинки, возмутительно живая. Женщина сидела на берегу и никого не звала.

Поначалу Хованья не думала появляться. Шепот нави нарастал, сквозь плеск воды доносился зов. Быть может, стоило откликнуться на него.

Женщина заиграла на каком-то странном музыкальном инструменте. Хованье он был незнаком. А русалки знают все мелодии и ритмы. Этот инструмент тянул звуки и звучал так жалобно. Он рассказывал печальные истории. Гусли всегда пели о веселом.

Хованья выглянула из воды. Волны заскользили в такт припеву.

Ведьма не заметила. Она перестала играть, только когда Хованья целиком поднялась над кувшинками.

— Что это за музыка? Она красивая.

— Это скрипка. Училась в молодости.

Ведьма отложила скрипку.

— О чем эта музыка? — спросила Хованья.

— О сборе крапивы.

— Почему грустная?

— Крапива колется.

Хованья села на плавучий островок.

Ведьма заиграла еще одну мелодию. Эту Хованья знала. Так звучала вода, бьющаяся о

раковины перламутра. Раннее утро в подводном мире. Месяц качается в небе. Русалки ищут жемчуг. Они прислушиваются к каждой раковине — пустая или нет. Тавия чувствует жемчуг лучше всех. Она не любит играть с ними. Скучно — всегда побеждать.

— Приведи мне жертву, — сказала Хованья, когда скрипка замолчала, — и будет по-твоему.

Туман вился над озером, точно змея. Луна живых смотрела вниз — далекая и надменная. Хованья держала на руках рыжего утопленника. Его плоть таяла, высвобождая белоснежные кости. Он уходил. Его воспоминания, каждое имя и каждая мысль, теперь принадлежали Хованье. И она радовалась и скорбела.

Она не любила, когда они уходили. Скелет в ее руках рассыпался пылью. Хованья вздохнула. Зато оставался череп.

Из леса послышались шаги. Живая плоть. Живая кровь.

Ведьма возникла в лунном свете. За нею, шаг в шаг следовал кто-то. Хованья растерла прах в ладонях.

Фигура за ведьмой двинулась к воде. Она заходила глубже и глубже. Один раз фигура споткнулась, но тут же выровнялась. Хованья чувствовала запах железа и крови. В ушах стоял женский визг. "Нет, не надо, не надо, мил человек"

— Это кто?

— Разбойник, — ответила ведьма. — Я его зачаровала. И все лихие люди будут идти к озеру, чтобы найти здесь конец.

Разбойник замер перед Хованьей. Она заглянула ему в глаза. Он не думал и не понимал, что происходит. Он принял из рук ведьмы чашу с отваром. Опоила, значит, дурман-травой.

— Он много кого прирезал, в страхе округу держал. Один раз купца ограбил, дочь его насильничал да убил.

— Значит, это ее крик стоит в его ушах, — медленно сказала Хованья. Она распахнула объятия. Разбойник вошел в них.

Перед тем, как погрузиться в чужую жизнь, Хованья кинула взгляд на ведьму. Та отвернулась.

***

Спустя много лет внучка ведьмы прибежала к озеру. Воды нагрелись, они почувствовали знакомую кровь. Шкатулка точно заноза впиалась в ил. Озеро жаждало выдернуть ее из себя. Хованья не позволила.

Она получила вознаграждение. Внучка ведьмы привела Хованье корм. Этот человек имел память хищника. Он многих убил. Ему нравилось, когда жертвы убегают.

Он не знал, что однажды сам станет едой.

В его памяти Хованья без труда нашла внучку ведьмы. Она не особенно запомнилась убийце. Больше ему нравилась другая, с печатью горя на лице. Он много раз представлял, как насилует ее мёртвое тело. Хованье не захотелось оставлять себе его воспоминания, разве только одно.

Темный лес. Пахнет потом. Ему весело и немного досадно, хотелось бы управиться к сумеркам, а девчонка оказалась приткой. Вон она бежит, быстро-быстро ногами перебирает. Он не заметил тогда, но ныне, глядя его глазами, Хованья видела все — девчонка оборачивается, и почему-то, несмотря на темноту, он видит ее лицо. В нем нет страха. Нет и смирения, какое часто испытывали его жертвы, становясь покорными и скучными. Девчонка спокойна. И тогда он понимает, почему видит ее лицо так отчетливо. За спиной у девчонки

сияющее озеро, а в озере — самый опасный хищник в его жизни.

Тот хищник, который его и съел.

***

Ходило поверье, что водная полынь цвела один раз в году, в Купалову ночь. Тогда-то и собирали ее мелкие белые цветки. Затем их сушили и оставляли около ручья. Считалось, что ночью сам водный царь заберет приношение. За это он будет весь год хранить семью травника от топких болот и холодных омутов.

Хованья слышала это предание от ведьмы. Тогда еще подивилась, до чего царь хитер.

Из цветков водной полыни русалки делали настой, а настоем смазывали цепи. Скованная ими нечисть лишалась сил.

У царя была большая подводная тюрьма.

Когда-то Хованья спускалась туда. В камерах царь держал преступников. Русалку, которая утасила детей крещеного. Или буйного неупокойника, укравшего русалочий гребень.

Чем ярче сияли цепи, тем слабее становился пленник. Под конец цепь вспыхивала зеленым полынным цветом, а пленник сгорал в негасимом огне.

Хованья, как и многие, трепетала перед этим суровым, но справедливым законом.

Негоже было нарушать порядок. Мир, как говорил царь, строился на договоре. Если кто-то нарушал закон, то это могло уничтожить мир. Конечно, такое нужно выжигать на корню. "Необходимая жестокость. — говорил царь, а Хованья кивала.

Темница находилась под старым теремом. Когда-то здесь чествовали и Хованью. Она надела венок из белых кувшинок, присягнув царю и водному царству. Она даже не заметила, как из надежды народа превратилась в его позор.

Хованья встряхнула свои кандалы. Они оставались темными.

Засов, тоже опрысканный полынью, лязгнул. Хованья узнала шаги. За ними раздался шелест.

— Надеюсь, путешествие домой тебя несильно утомило, — царь вошел в камеру. В руках у него был поднос с требой. Пар от горячей людской еды здесь превращался в еду иную. Она мерцала и источала дивный запах. В подводном мире не было нужды пить кровь.

Хованья посмотрела на царя. Он был таким же, каким она запомнила. А значит, ее ждала смерть.

— Ты любишь приводить сюда гостей, — царя не смущало ее молчание. Он поставил под нос на землю, а сам наклонился. Его лицо, сияющее лунным светом, приблизилось.

— Когда ты убьешь меня? — спросила Хованья наконец. — Когда зачитают приговор?

Царь, казалось, выглядел обескураженным.

— Какой приговор, дитя мое? Я не хочу тебя судить. Что было, то прошло. Всякий может ошибаться.

Хованья перевела взгляд на цепь. Царь коснулся пальцем одного металлического кольца.

— Это ненадолго. Я соврал, я буду тебя судить. Но я тебя оправдаю — и перед советом, и перед народом. С возвращением, мы так долго тебя ждали, — с этими словами он заключил Хованью в объятия.

Когда он ушел, Хованья сжала в руке яблоко с подноса. Оно растаяло, как дым. Треба выходила не слишком сытной.

Когда-то Хованья убила бы за еду из подводного царства. Но живая кровь оказалась

вкуснее пара.

Им говорили, что снаружи не прожить. Мир людей был жестким и твердым, куда ему до текущей навей воды. Все русалки погибают в первый год жизни наверху, оставшиеся дичают. Царь когда-то отправил Хованью на смерть. С ней прощались подружки, а Тавия плакала и просилась с ней. Кто-то считал, что так Хованье и надо, она заслужила смерть за сломанный гребень Вошенки. Та обречена жить у ручья мертвой и живой воды. Ручей выпьет из нее жизнь и смерть, и ничего не останется от Вошенки.

Хованья закрыла глаза и провалилась в воспоминания своих утопленников. Больше всего ей нравился момент, где малолетний Гаврюша бежит по скошенному полю. Сверху голубое небо. Небо никому не затмить, никому не одолеть. Оно бездонней всех глубин, оно больше всех царей и цариц.

Хованья почуяла чей-то взгляд. Она с трудом вернулась в темницу. По её стенам прыгали голубые блики, словно небо из воспоминаний пришло сюда.

Напротив решетки стояла русалка. Она была укрыта шалью из водорослей, тело светилось голубым. Русалки могли ходить бесшумно. А самой бесшумной всегда была одна. В детстве именно она воровала с кухни лакомые кусочки требы.

— Все так и есть, это ты, — сказала Тавия. Время ничего ей не сделало. Тавия приблизилась к прутьям, — Я знала, что царь тебя оправдает. Как узнала, быстрее приплыла.

Под шалью Тавия была одета в доспехи. Она казалась выше, чем Хованья помнила. В косы были вплетены лилии. Они пожухли.

На поясе висел длинный меч. Тавия никогда не была воинственной. Она часто плакала, и ее слезы падали жемчугом. Это нравилось царю. Раньше Хованья даже завидовала Тавии, ее-то вода ничем таким не одарила.

— Что происходит? — спросила Хованья. — Почему ты так одета?

— Отряд воительниц недавно пропал под Смородиной. Я ездила с проверкой. Боюсь, как бы ни утопленники озверели.

— С каких пор русалки боятся их?

— Не всем дано управлять ими, — сказала Тавия. Ее голос показался Хованье грустным. Ведь познакомиться с утопленниками русалке доводилось лишь в изгнании. Кто утоп, тому русалка поп, как говорилось в старой речной поговорке. — От воительниц я нашла только гребни. Они были поломаны и искорежены, но камни в них горели.

Это значило, что воительницы из дозора живы. Что еще хуже смерти.

— Нужно будет найти их. Я хотела попросить царя дать мне еще русалок... Да бесы... Что-то происходит. Что-то нехорошее. Все слишком сразу навалилось, — Тавия посмотрела на нее, — Одна радость, что ты снова с нами.

— Я надолго не задержусь.

Хованья бы поплыла дальше, к морским сестрам. Те хранят так много знаний о волшебстве. Они могли бы подсказать, как навеки спрятать Аглаю от бесов.

— Царь передавал, что ты привела с собой смертную. Это из-за неё? Ох, Хованья, ты всегда так их любила... Они тебя точно сгубят!

— Кто бы говорил, — ответила Хованья, — Пока меня пытались сгубить лишь русалки. А ты, я погляжу, стала ближе к царю, — она хотела добавить «вместо меня», но промолчала. Годы ее терзали видения, в которых царь звал Тавию родной доченькой. Однажды они отступили. Хованья даже помнила этот день. Тогда они впервые повстречались с Аглаей.

Тавия молча выплыла из темницы.

Хованья села обратно на топчан. Ей нужно было подумать.

Собственные воспоминания причиняли больше боли, чем те, что Хованья забрала. Но разве так не должно быть? Правы были все, человечья кровь Хованью отравила.

Хованья закрыла глаза.

... день был серым, верный признак того, что они приблизились к невидимым тропам. Стоял туман. Дальше начиналось царство бесов. Ходить туда — опасно, хоть бесы и дремлют.

— Давай здесь остановимся, — попросила Вошенка. Ее даром было чутье на истину. Хованье показалось, что Вошенка боится чего-то.

— Надо проверить границу, а потом отдохнем.

Царю нужна была правда. Верны ли слухи, бродит ли в опасной близости от бесовских угодий одиночный водяной. Эти жители водного мира никак не хотели мириться с царем. Они твердо верили, что на престоле водного царства должна сидеть царица. А пока такой оказии не произошло, они в своем водоеме могут устанавливать любые порядки, топить каждую красивую крестьянку и требовать дары круглый год. Одного водяного недавно поймали было, но он успел улизнуть. Царь предполагал, что водяной направился напрямиком к бесам. Там бы ему и сгинуть, да только плохо это. Ненароком бесов разбудит.

Хованья ткнула копьем в туман — тишина. На границе миров не росли даже неприхотливые хвощи, которым и песчинки достаточно, чтоб укорениться.

— Я все думаю, — сказала Вошенка, — о той людской деревне. Которую царь забрал давеча.

— А что думать о ней, — ответила Хованья, — В Есодке сильную магию применили. Такое стирает мир. Вот мы их и забрали. Это божественное равновесие, важнее нет

— Да нет, — Вошенка стояла ровно, словно боясь сделать шаг, — Я про другое. Помнишь, как ты трезубец Дуная ухватила? Когда царь выронил...

— Я же только коснулась. Оно не успело оскверниться.

Вошенка хотела было что-то ответить, да по ту сторону тумана раздался вой.

Хованья бросилась на звук. Копье в руке раскалилось. Ее обхватило что-то теплое и густое, удушливое, точно пар. Граница была нарушена.

— Назад! — раздался крик Вошенки, — Не подходи!

В ужасе Хованья бежала сквозь туман. Казалось, что вот-вот она вернется в царство воды, однако всюду за Хованьей стелился серый дым. Дышать становилось трудно. Казалось, будто по капле испаряется жизнь.

Вошенка кричала где-то рядом. Голос ее то становился громче, то стихал. Наконец Хованья метнула копье, надеясь, что оно разорвет туман и спугнет неизвестную тварь.

Спустя мгновение сухость исчезла. Мир стал заполняться влагой. Даже туман выцвел.

А перед Хованьей лежала ее подруга. Копье угодило ей напрямиком в гребень. Тот раскололся, камешек лежал поодаль. Он еще горел.

— Зачем, — Хованья опустила на колени, — зачем ты взяла его с собой?

— А как без него, — прошептала Вошенка, — это же мое сердце.

Камень успели спасти. Он потерял половину цвета, но не раскололся. Вошенка сошла с ума. Она никак не могла подтвердить, что Хованья случайно метнула копье. Не рассказала она и про то, кого видела на границе. Камень ее бросили в ручей Мертвой и Живой воды.

А Хованью приговорили к вечному изгнанию.

В назначенный час в темницу вошла свита царя. Русалки были в красных кафтанах. Царь любил этот цвет. Однажды он сказал Хованье, что у людей есть одно великое преимущество. Их кровь ала и полна жизни, в то время как кровь водного народа прозрачна и безвкусна. Впрочем, он позабыл, что говорил, уже на следующую луну.

— Пройди с нами, — сказала русалка, имя которой Хованья не знала. Русалка выглядела слишком по-человечески, её глаза были с чёрными зрачками. Как у Хованьи. Как у любого, кто долго жил в мире людей.

Царь стал превращать в русалок всех детей, не только младенцев.

А раньше говорил, будто лишь младенцы могут впитать душу воды.

Кандалы на руках Хованьи замерцали. Она встала.

— Куда вы ведете меня?

— В зал казни.

Там никогда не подметали, и под ногами хрустели сломанные гребни.

Через зал казни не ходили просто так, даже в Троицу. Он находился в дальнем тереме, где когда-то жила царица. Говорили, туда царь принёс её сломанный гребень. Он был расколот, камень в нем треснул и почернел. С той поры царь вживил свой гребень в лоб.

Перед Хованьей мелькнула белая собака. Одна из русалок вытащила копьё. Собака скрылась.

В зал Хованью ввели под плеск речных волн. Она шла, стараясь не ступать на гребни. Тщетно, они лежали повсюду. У стен стоял водный народ, головы женщин были обвязаны красными платками, у мужчин были красные повязки на предплечьях.

Царь сидел на резном стуле. По левую руку стояла Тавия, её красный кафтан был расшит жемчугами. Тавия молчала, по лицу её текли слезы. В полёте они превращались в жемчужины и стучали о пол.

— Подведите ближе, — приказал царь. Камень во лбу его вспыхнул алым цветом. — Принесите шкатулку.

От малахитовой шкатулке, которую поднесли ему, разливалось сияние. Хованья не могла отвести взгляда. Там лежал её гребень с голубым камнем.

— Ты, Хованья, дочь воды, отвергнутая ею, пришла на суд, — сказал царь, — И мы будем тебя судить. Ты признаешь, что поднимала восстание против меня и царства, чтобы внести смуту и захватить трон?

Хованья взглянула на царя. Тавия закрыла лицо руками.

— Мы сегодня схватили диких утопленников. Их глава, единственный, сохранил память и речь. Он сказал, что к ним пришла русалка и посулила, что они заживут в водном царстве. Они спросили, как именно. Ведь царь карает всех оступившихся. А русалка ответила, что надобно убить царя.

Хованья молчала. Её никто бы не помиловал. И кажется, она понимала причину.

— Я не виновна, — сказала Хованья, — Последние сорок лет прожила я в глухом озере. У вас есть доказательства кроме слов дикого утопленника?

Царь выглядел недовольным. Теперь на него смотрел весь водяной народ, даже дети пришли в зал казни

— Видимо, нет, — Хованья оглядела зал. — По древнему праву я могу защитить свою честь. Я хочу поединка.

— Это исключено. Я не буду драться с преступницей, — царь откинулся на спинку кресла.

Ответом ему был вой людей и молчание русалок.

— Господин мой повелитель, она права. Она имеет право на поединок, — сказала Тавия наконец.

Царь нахмурился.

Но что он мог поделать против своего народа. Единственным, что царь не мог обмануть, был закон.

— Какое оружие выбираешь? — спросил он сквозь зубы.

Хованья взглянула на Тавию.

— На трезубцах. Я прошу тебя, мой Повелитель — возьми Трезубец Дуная. Если мне гибель суждена, то пусть от нашего священного оружия.

На миг Хованье показалось, что царь сейчас закричит. Он ничего не сказал.

— Значит ли это, Хованья, что твой проигрыш будет значить твою вину и признание во всех преступлениях?

Никто не мог победить трезубец Дуная. Хованья обрекала себя на смерть.

— Да, но я прошу вас не нарушать законов гостеприимства. Отпустите мою спутницу.

Двери распахнулись, и водный мальчишка внёс трезубец для Хованьи. Это был хороший трезубец, какими дрались воительницы.

Царь взмахнул рукой — и, в сиянии и славе, возник трезубец Дуная. Хованья помнила этот трезубец. Раньше он казался ей ярче. Когда-то его ручка была ярко-красной, как камень во лбу царя. Хованья помнила день, когда все изменилось. Это случилось в Есодке, когда ведьма Анфиса стерла своей магией границы миров. Там была и птица Сирин. Она почуяла изменения в мире. Так сказала. А когда из рук царя выпал трезубец, Сирин махнула крылом. И трезубец полетел в Хованью. Трезубец тогда словно сам лег в ладонь, и царь посмотрел на Хованью с испугом. Потом он крикнул: «Тебя же убьёт, бросай!» Воды поднялись до небес, затопив деревню. Царь забрал ее жителей. А вокруг трезубца с той поры клубился туман.

Царь надел перчатки из чешуи чудо-щуки. Он взял трезубец. Туман стал багряным.

— Ты хотела смерти, так получи её.

Хованья еле успела схватиться за свой трезубец, когда царь напал.

Она увернулась от первого удара, закрылась от второго. Туман плыл вокруг, скрывая зрителей.

Вскоре Хованья услышала голос царя:

— Я жалею, что сделал тебя русалкой. Пользы ты народу никакой не принесла.

Хованья подпрыгнула, уходя от лезвий.

— Я не виновата. И я знаю, что тебе все равно. Ты поверил всем кроме меня.

— Ты как отравленная вода. Лучше бы тебя не было.

Лезвием Хованья вспорола пуговицу на кафтана царя. Он откинулся назад.

Трезубец Дуная описал полукруг и замер в пяди от Хованьи. Та уклонилась. Вокруг все прибывал туман, он розовел. Царь то и дело перехватывал ручку трезубца. Перчатки дымились.

— Ты всегда была ближе к смертным. Их жизнями жила, а народ свой никогда не знала. Ты ничего ему не дала бы. Я это вижу, — царь срезал с головы Хованьи прядь, — Снова смертная. Как с Садко.

Хованья отпрыгнула. Под ногами ломались чужие гребни.

— Я мог бы тебя отпустить, — продолжал царь, его голос изменился. Там больше не слышался шум бури, — Ты бы сбежала отсюда со своей живой подружкой. Пока ещё живой.

От голоса царя в голове помутилось. Туман касался прохладной ладонью, он стал жемчужно-белым.

— Ты не имеешь права нарушать законы гостеприимства.

— Я нет, но кто сказал, что она все ещё здесь?

Хованья вздрогнула, когда трезубец полетел в неё. Не успеет.

Она выставила вперёд свой трезубец, бесполезный против оружия самого Дуная.

Что-то мелькнуло перед ней, принимая на себя удар. Хованью обдало холодом. На пол посыпался жемчуг. Из Тавии торчат трезубец. Хованья бросилась к ней, и в ту же секунду они обе погрузились туман.

Хованью обступили воспоминания. Были они почти прозрачными, как вода. Тавия молчала, но память ее красноречиво обо всем рассказывала. Хованья увидела Вошенку, вот Вошенка кричит, а Тавия срывает с нее гребень и разламывает пополам. Потом она подталкивает копьё чтобы казалось, будто бы оно виновато. Вот царь гладит Тавию по голове и говорит: «отличная работа, дитя».

Тело Тавии истаяло. С её головы слетел гребень. Он разбился об пол. Вода унесла свою дочь.

Хованья подхватила трезубец Дуная. Он был прохладным наощупь и подрагивал. А рукоять его навека стала жемчужной, в память об убитой русалке. Царь всегда говорил, что использовать трезубец тяжело, что он пьёт силу. Хованья почувствовала иное. Сила заполняла её тело. Сила самой Воды, самой древней Берегини. Вода раскрыла перед Хованьей правду. То была история о том, кто не хотел упускать царство из рук. В тот злополучный день, сорок лет, назад трезубец Дуная избрал новую царицу. Увы, прежний хозяин был не согласен с решением богов.

— Это ты недостойн своего народа, — сказала Хованья, — И теперь я буду судить тебя.

Только сейчас заметила она, что туман рассеялся. Русалки смотрели на нее во все глаза. Водный народ безмолвствовал.

— Изменница, — заорал царь, — Вяжите её! Вы что, не видите?

— Но её слушается трезубец Дуная, — сказала русалка в кафтане воительницы, — Ни один недостойный не сможет коснуться его голой рукой, ибо лишь повелители могут владеть древним трезубцем.

Царь бросился к дверям, но дорогу ему преградили.

— Ты убил своих дочерей — сказала Хованья, — Ты предал клятвы, данные Берегине и Воде. И за это ты больше не будешь нашим царем.

— Дура! Наш мир будет обречен! Без меня бесы проникнут сюда! Я знаю то, что никто не знает! Я знаю, как совершится пророчество Сирина!

Одним движением Хованья расколола камень во лбу царя. Камень потух тотчас. Тело стало тускнеть. Последнее, что запомнила Хованья — взгляд. В нем не было ненависти, только страх. Царь никогда ничего не делал просто так. Хованье стало не по себе.

Вода приняла своего сына-предателя. Царь исчез. Хованья оглядела зал.

Одна за одной русалки опускались на колени перед Хованьей. Хрустели останки гребней.

Аглая так и не придумала, как сбежать из светлицы. Она рассмотрела все картины по три раза. Она вскрыла каждый сундук.

Тот, кто жил здесь, любил книги. Аглая нашла сборник русских сказок. Он был напечатан на каком-то станке, уж больно ровными вышли буквы. Картинки к сборнику поражали искусностью. А русалки выходили очень похожими, словно художник бывал тут. Аглая пролистнула книгу. На одной странице была нарисована девушка с фотографии из избы знахарки. "Сирин — вестница печали, — прочитала Аглая, — потому царь подводный изловил ее да спрятал. Чтобы не несла печаль и криками своими Смерть не звала"

Горница у Сирина за спиной была очень похожа на эту. Аглая обернулась. На стене висел тот же лубок. В нарисованном окне было солнце, а наяву всходила бледно-зеленая луна. Художник точно бывал у царя в гостях.

Аглая пролистала до другой картинке. Там Сирин спускалась вниз, в полу зияла дыра. В горницу забегали вооружённые русалки. На переднем плане лаял белый пёс. Он скалился на русалок.

Аглая подошла к окну. Никакой дыры не нашла. Она опустилась на пол и пощупала его. Только доски. Словно изнутри послышался лай. Аглая приложила ухо к полу. Лай стал громче. Он исходил из-под кровати. Аглая полезла туда. Она ничего не увидела. Пришлось взять свечу со стола. Лай не умолкал. Следуй за белым псом, — вспомнилось Аглае. Подкроватье осветилось.

— К худу или добру? — спросила Аглая. Бабушка бы ответила, что к худу. Аглая начала двигать кровать. Пол замерцал и выдал свою тайну. Проступил люк, который чуть приоткрылся.

Под теремом растянулись подземные ходы. Аглая брела вслед за псом. Его мех белел в темноте. Аглая пробовала замедлить шаг — пес подбегал к ней и дергал за рукав.

— Да когда же мы придем? — в который раз спросила Аглая у русальей черноты. Та не ответила, а за поворотом показалась дверь. Пес ринулся к ней. Аглая тоже. Внутри было светлей, словно сюда забрела луна. Окон Аглая не увидела. Пес поскакал вперед и залаял. Он стоял у каменного мешка.

Аглая приблизилась к псу.
— Молодец, Аконит, — раздался мелодичный женский голос.
Аглая взгляделась в темницу. За прутьями угадывалась фигура в лохмотьях.
— Вы пленница царя? — Аглая подозревала, у такого могло быть много врагов. Даже странно, что тюрьма из одной камеры.

Послышался смех.
— А может, я нарушила непреложные законы водного царства? — фигура вышла в круг света. Аглая ахнула.

— А вы нарушили?
— Нет, — ответила девушка, — Я поступлю правильно.

Она снова рассмеялась. В деревне был у них дурачок, он хохотал в церкви и посреди улицы. Все говорили, это от слабоумия. Аглая видела однажды, как дурачок считал сдачу на черниговской ярмарке. «Ты что же, — сказал он обычным голосом, — два гроша не додала? Репа стоила пятерку, гони остаток!» Баба с репой от удивления аж глаза выкатила.

С той поры Аглая поняла, что не всякий юродивый и вправду безумен. Чаще всего они чертовски хитрые.

— Это вы мне сон насылали. Зачем?

— Затем, что ты должна бежать.

— Я все время бегу.

— О, ты убежишь. Но не от любви и не от тьмы.

Аглая поежилась. За пределами водного царства ее ждали бесы.

— Я не понимаю вас.

— Ложь, — внезапно лицо осветила вспышка холодного света. Аглая всмотрелась в девушку, запечатленную на фотографиях в доме знахарки. Девушку, которую сказки величали птицей Сирина.

— Твоя бабушка одну вещь спрятала среди леса, в маленьком лесном озере. Из-за нее бесы преследуют тебя. Ведь только ты можешь ее поднять со дна. Анфиса думала, лучше убить тебя. Тогда бесы не получают, что ищут.

— А если я отдам ее им, они отстанут?

Аглая ожидала, что Сирин рассмеется. Та молчала.

— Вы ответите? — Аглая приблизилась так, чтобы целиком видеть лицо Сирина. — Вы же меня за чем-то звали? Вы что-то хотите. Свободу? Я вам открою, а вы ответьте.

— Беги, — вдруг сказала Сирин. Ее рука, заканчивающаяся когтями, прошла между прутьями и схватила Аглаю за пояс, — Беги, пока не закончатся сорок дней. А потом обретешь бессмертие. А потом обретешь тьму.

В глазах у Аглаи помутилось. Последнее, что увидела — белый пес растет, и она, Аглая, падает ему на спину.

— Унеси ее прочь из воды, — сказала Сирин, а затем наступила тишина.

Пес швырнул Аглаю на лес. Она вскрикнула. Лес начал уменьшаться, пока не стал травой. Краем глаза Аглая заметила, как промелькнуло белое пятно. Солнце живых сияло над ней. Аглая перевернулась на спину.

Значит, Сирин подвластна магия. Уменьшить человека до размеров блохи, это не настой на зверобое сварить. Вряд ли бабушка так могла.

Что же тогда Сирин сидит в тюрьме, себя б уменьшила — и вперед. Наверное, она и вправду сошла с ума.

Аглая огляделась. Пес принес ее в лес. Пели птицы. Жуки жужжали.

Все казалось четким, словно из глаз ушел туман.

Подводное царство отличалось от мира людей. И Аглая подивилась, что позабыла об этом.

Она поднялась. Если отдать бесам вещь, они отстанут.

Шаг за шагом Аглая приближалась к своей деревне. Знакомые тропинки переплетались под ногами. Далеко впереди виднелись серые точки — коровы паслись на склоне. Аглая точно не знала, чьи они. Может, и ольменовские даже. Те, кого сельчане смогли вывести из деревни.

Озеро Хованьи возникло из ниоткуда. Аглая свернула в чашу, а оно тут как тут. Без Хованьи оно было пустым, даже камыш увял.

Я за ней вернусь, — подумала Аглая, — И царь ничего не сможет сделать.

Она зашла в воду по щиколотку. Ил оплел пальцы. Раздалось гудение, будто Аглая потревожила улей.

Из леса послышался крик. Он звучал очень жалобно, словно кого-то мучали. Аглая насторожилась.

— ...помогите!

Эхо подхватило слова и разнесло вокруг.

Аглая вышла из воды. Что ни говори, а здесь любой заплутает. Если не вырос в окрестности. И может, в благодарность за помощь у бедолаги найдется еда.

Локтях в ста обнаружился источник звука. Лошадь подвернула ногу. Она жалобно фыркала.

Падая, лошадь перевернула повозку. Из-под нее торчала голова. Лицо принадлежало благородному. У деревенских мужиков не бывает такого высокого лба, таких правильных черт лица. Мужчина, его б язык не повернулся назвать дедом, не мог выбраться. При виде Аглаи взгляд его оживился.

— Вам помочь?

— Приподними край, милая. Если не сложно, — даже речь у него была правильная.

Аглая росла на воздухе. В ней было больше силы, чем в городских дедушках.

Она приподняла повозку, правда, не без натуги. Мужчина, спасибо ему, быстро выбрался.

Одет он был в сюртук из бархата. Точно не простой купец.

Аглая обрадовалась. Этот может отсыпать монет. На новую жизнь.

— Благодарю тебя, девушка. Имени не знаю, к сожалению.

— Аглая.

Мужчина посмотрел на нее очень пристально. Затем улыбнулся.

— Владимир Алексеевич.

— Почему вы один ехали, сударь? — спросила Аглая.

— Так уж вышло. Карета сломалась, жена ждет, пока починят. Пришлось ехать первому и везти багаж. Лошадь взял на почте, а она малахольная, — Владимир с досадой отряхнулся, — Ты слышала, что случилось в Ольменовке? Крестьян нашли мертвыми

Владимир вытер лоб. От него пахла потом. Чем-то он пугал Аглаю. Ей не нравилась его одежда, то, как он говорит. Аглая всмотрелась в него. Беса за Владимиром не стояло. Бесы еще не почуяли Аглаю. Было мало времени.

Может, Владимир просто жену бьет? Как Петр?

— И воду разлил, — Владимир покачал головой. — Ни лошадь напоить, ни самому умыться.

Аглая поглядела на лошадь. Та тяжело дышала. Жаль доходягу. Мужики в станице продали самую старую и больную клячу. Вот она и не сдюжила. Где же такому, как Владимир, отличить хорошую кобылу от шелудивой?

— Пойдемте, тут есть озеро.

Воды озеро приподнялись. Аглая помнила, мокрая полоса проходила ниже. Сейчас кубышки колыхались под водой.

Владимир достал большую флягу.

— Благодарю тебя, Аглая.

Он, всё-таки, не походил на "ваше благородие". Те господа бы не запомнили имя случайной крестьянки. Они б закричали, чтоб пошевеливалась. Или заставили бы нести до деревни на себе.

Аглая поковыряла ил пальцами ног. И где на дне искать эту вещь? Как она выглядит?

Надо поторапливаться. Солнце пока стояло высоко.

— Аглая, — Владимир подошел ближе, — А бабушку твою звали не Полиной, случайно?

— Вы ее знали? — если подумать, бабушку каждая собака знала. Бабушка сильно наследила в обоих мирах.

— Конечно. Она же забрала себе кольцо бесов. Мы это кольцо искали с ней. А она не сказала.

Аглая резко обернулась. Владимир улыбался. Он не выглядел бабушкиным ровесником. Колдуны могут навести морок. Колдуны что угодно могут. Возможно, он стоял в последнем ряду на той фотографии.

— Никто не мог найти ее ни здесь, ни там.

Бабушка всегда жгла полынь. Она говорила, ее дым стоит как забор между мертвыми и живыми.

— Полина влюбилась в местного знахаря. Я потом понял, когда стал искать ее сам. Но никак не мог сюда попасть, в губернию это. Будто бы что-то не пускало. Эти места нечто охраняет, — Владимир все еще улыбался, но теперь смотрелся старше. На лице прорезались морщины, — Но недавно Анфиса подала сигнал. Она приходила ко мне в сон и сказала, что у Полины есть внучка. И она знает, где кольцо. А еще, мне был знак, что теперь я могу найти сюда дорогу.

— Я отдам им его, — поспешно сказала Аглая, — Мне оно не нужно.

— Им? — Владимир взглянул на нее с удивлением, — Девочка, ты вообще ничего не знаешь? Им не нужно кольцо. Им нужна ты. Тот, кто наденет кольцо, сможет управлять бесами. Только сначала они его учуют и будут преследовать сорок дней. Они захотят убить хозяина.

Поэтому они гнались за Аглаей, стоило той получить силу.

— И что? Мне конец?

— Или ты обрешь власть над их миром, сможешь владеть сердцами людей и их самыми сильными страстями. Огромная власть, — Владимир приблизился к Аглае, в его руке что-то щелкнуло, — Никто не должен обладать ею. Никто, кроме птицы Сирин.

Аглая не почувствовала боли. Она упала в воду. Шею саднило, словно укусили. Аглая прижала к ней руки, и они стали красными. Между пальцев капала кровь.

Владимир говорил что-то, но Аглая не слышала.

Она подумала только, что умирает у Хованьи дома. Аглая погружалась ниже и ниже, пока не достигла дна. Сквозь воду на нее смотрело солнце — вечное и равнодушное.

А потом оно погасло.

Сирин

— Ты, лживая пророчица. Ты что-то сказала царю, — русалка вошла в темницу. Обычно русалки все делали мягко и плавно. Они извивались, стелились и уплывали. Сирин за многие лета не видала столь резкой и быстрой русалки. Или видала, но не в короне из кувшинок и не с трезубцем Дуная.

Сирин кивнула псу. Тот скрылся в тенях.

— Ты заразила его своим безумием — за русалкой плыли мелкие рыбки-огоньки. Теперь они были ее глазами и ушами. — Из-за тебя умерла Тавия!

— Та, что сначала предала тебя? — Сирин рассмеялась. — Она часто тут бывала. Она думала, царь любит тебя больше. Именно она хотела найти тебя и убить. Возможно, — Сирин понизила голос до шепота, — тебе стоило бы получше выбирать сестер.

— Это не так.

Русалка приблизилась. Тени наплывали на тюрьму. Зеленоватое свечение луны доползло до тюремного окна под потолком.

— Я знаю о тебе больше, Сирин, — голос русалки стал мягче и нежнее, он звучал как волна, — Я слышала песню о тебе.

Сирин положила руки на прутья решетки.

— Обо мне сложено много песен. Едва ли они правдивы. Песня — это ерунда.

— Ее спела ведьма из твоего птичьего кружка.

Из теней зарычал пес. Трезубец сверкнул. Пес тотчас умолк.

— Все еще не думаю, что она правдива. Люди меня не понимали. Особенно те, кого я любила, — Сирин склонила голову набок. — У тебя разве так не бывало? Ты живешь много весен, а люди совсем чуть-чуть.

Полина была так молода, когда пришла к Сирин. Судьба ее сложилась причудливо, но предсказуемо для той, кого избрали силы. Она забеременела не от того мужчины. Батенька не выдержал позора, умер спустя месяц. Маменька отослала внука на воспитание, а блудницу в монастырь. Там Апполинария и превратилась в Пелагию. И там она поняла, что никто ее не спасет. Пелагея думала повеситься на двери, но сестры вынули из петли. Они заперли ее в келье. Заставили молиться перед образами.

— Люди, — продолжала Сирин, — не видят смены эпох. Они не знают правды о том, как было, есть и будет. По одному они слабы. А вместе могут раздавить даже бога. Ах да, ты же уничтожила вашего русалочьего бога.

Пелагия взяла себе имя Полина. Это последнее, что она сделала из любви, а не из страха. Она боялась Сирин. Поэтому утаила кольцо. Знала бы она, что Сирин ей за это очень благодарна.

— Он не был богом!

— А ты будешь? — спросила Сирин.

Одна из рыб подплыла к русалке. Та всмотрелась в ее чешую. Вода забурлила.

— На Калиновом мосту? — русалка исчезла в вихре пузырьков. Пес вышел из темноты. Его шерсть блестела, словно в ней запутался лунный свет.

— Наше заточение окончено, Акони́т, — с этими словами тюрьма обрушилась, и Сирин покинула ее стены.

В мир Нави она вошла тенью. Всюду были приглушенные краски и цвета, словно пейзаж смешали с туманом. Туман стелился по ногам, плыл над рекой и, казалось, даже облака сотворены из тумана.

Только одно место ярко светилось, отгоняя туман.

Это был длинный белый мост. Аглая не могла понять, из камня он или дерева. Бабушка говаривала про Калинов мост. По нему души переходили из Яви в Навь, чтоб навеки присоединиться к великим предкам. Аглая сделала шаг вперед.

По ту сторону ждала бабушка.

Аглая видела ее силуэт на другом конце моста.

Туман потемнел. Из сливочного он стал цвета пасмурных облаков.

Аглая слышала чье-то пение. Это была очень красивая музыка, на множество голосов. Они распадались и соединялись, а на фоне играл орган. От этого звука внутри Аглаи все зазвенело.

Аглая обернулась. За ней шли бесы. Они темными мазутными следами вклинивались в белую мякоть тумана. Фигура по ту сторону замахала руками.

Мост искрился, точно утренний снег. Аглая вступила него и побежала.

Она слышала чудовищную музыку за спиной. Мост потускнел, а затем вновь засиял ярко.

Аглая мчалась вперед. Она чуяла бесов.

Они будут искать, пока не минуют сорок дней.

Их не остановит и смерть.

Стоило догадаться. Аглая бы позлорадствовала над чаяниями Ордена, если б не холод, обжигающий спину. В посмертье стояли морозы. Бабушка становилась все ближе. Она стояла на другом конце и махала.

Аглая почти с облегчением врезалась в нее.

Но музыка заиграла еще громче. Аглая подняла глаза. Сквозь бабушкину оболочку на нее смотрел бес.

— Почему? — выдавила Аглая

— Сорок дней еще не истекло, — ответил бес бабушкиным голосом.

Аглая увидела вдруг, как бежит бабушка по мосту, а бесы за ней. Как по ту сторону ждет бабушку мужчина. Но не успевает она к нему.

— А я?

— Ты почти стала нашей царицей, — бес улыбнулся, и это было так похоже на бабушку, — Но тебе не хватило пяти минут. А жаль.

Аглая отступила. Воцарилась тишина, и Аглая подумала, что оглохла от музыки.

Туман стал кипенно-белым и сгустился. Из него вышла дева в короне из кувшинок. В руках дева держала трезубец с жемчужной ручкой.

Ах да, — поняла Аглая, — туман же вода.

— Ты убила своего царя? — спросил бес.

Хованья взмахнула трезубцем, и его откинуло с моста, в темные леса.

— Я нашла тебя, — она взяла Аглаю за руку, — поскольку твое тело приняла вода.

Хованья была так красива. Аглая никогда не видела такой красоты — ни до, ни после.

От этой красоты хотелось плакать. Ни что в мире так не волновало Аглаю. Она помнила это чувство, и на миг оно стало таким же сильным, как при жизни.

— Проводи меня в Навь.

Хованья оглянулась. Темные фигуры дрожали около моста. Туман не пускал их дальше.

— Ты знаешь, что бывает с ведьмами после смерти? — Хованья смотрела на нее.

— Мы уходим к предкам.

— Вы забываете себя и свою жизнь. Вы становитесь тенями, только отблесками. Для вас нет перерождения, нет новых тел и судеб.

— Так лучше, — Аглае жаль было, что Хованью она не увидит. А остальное не стоило ничего. Жизнь промелькнула перед глазами. Короткая и дурацкая. — Я бы хотела быть с тобой. Но я уже мертва.

Хованья удерживала Аглаю за руку. Из ее глаз на Аглаю смотрела зеленая глубина реки.

Того, кого полюбит русалка, — вспомнились строки из бабушкиных тетрадей, — ждет ужасная смерть или великая любовь.

Туман затрясся, и снова начал темнеть. Бесы прорывались. Они звали Аглаю к себе. Их голосами звала сама жизнь. От такой жизни пахло кровью и сырым мясом.

— Я не хочу, чтобы тебя не было, — сказала Хованья, — Ты будешь. И ты будешь помнить меня.

Не успела Аглая опомниться, как Хованья толкнула ее с моста. Туман обнял Аглаю. Она ощутила, как бесы заликовали. Их радость затопила Аглаю, словно вода. Музыка гремела.

Хозяйка! — выводили диковинные голоса, — Хозяйка вернулась к нам!

Времена подхватили Аглаю.

Сорок дней истекло, бесы так и не поймали ее. Аглая заорала от ужаса, а затем крик превратился в младенческий вопль.

Полдень застал его в дороге. Солнце напекло голову кобыле, отчего та стала вялой. Без лошади его семье пришлось бы туго, особенно сейчас. Танюша разродилась, работать не могла. Да и не позволил бы он ей сразу на заработки бежать. Благо, сам мог обеспечить. С детства запомнилось ему, как в голодные годы мать брала его и ходила по кусочки. Мирон стоял в чужих сенях молча, пока мама жалилась и плакалась, а затем в котомку сердобольные крестьянки клали черствые ломти хлеба. Мирон тогда и решил, что в жизни ни о чем просить не будет. Он сделает так, чтобы его сами просили принять. Золотых рук в хозяйстве никому не хватает. Мирон ездил по окрестным деревням, и всегда находил работу. Правда, нынче он заехал в Ольменовку по иной нужде. Оттудова давно не бывало вестей. После пожарища все стали покидать деревню. Танюша умоляла найти Аглаю и привезти в Черниговку. "И тут знахарка не помешает", — говорила она. Мирон возвращался ни солоно хлебавши. Ставни были заколочены, по дворам бегали одичавшие собаки — еле отбилсЯ. Ольменовка пустовала. В доме Аглаи никаких следов не нашлось, только на столе лежал латунный витой ключ. Таких в деревне ни у кого не было, ключ тот был маленьким, словно от господской шкатулки. Мирон взял его — может, Аглая найдет Танюшку когда-нибудь. Он в этом сомневался. Он мало знал о внучке ведьме. Та что-то кричала про того пастуха, и на поминках устроила дебош. Мирону она не казалась злой. Скорее, она всегда была начеку, как лесная кошка. Что ни мудрено, девку боялись и выживали отовсюду. Мирон ехал обратно понурившись. Что сказать Танюше? Она так виноватилась перед Аглаей, что назвала в честь ольменовской ведьмы их дочь. Лошадь вдруг ускорила шаг. Из усталой клячи она в миг превратилась в клячу ободренную. Перед Миронем раскинулось озеро. Оно было голубым, над водами его стелился туман. Стоял запах водных цветов. Мирон освободил от сбруи лошадь, и та устремилась к воде. Около озера было прохладно. Мирон сел на траву. Он слышал, что между деревнями есть бродячее озеро, но никогда тут не бывал. Мама запрещала ходить лесом. Мирон и детям своим запрещал. Он вздохнул. Лошадь зафыркала. Она была спокойной и старой, однажды в стойло пробралась лиса — лошадь даже не пикнула. Так лиса и ночевала у них, Паша ее потом солью отгонял. Мирон приблизился к воде. Около нее, под тростником, пылились сапоги. Они отличались от деревенской обуви, по голенищу шли завитушки. Только Мирон наклонился к ним, как услышал: — Не советую. Из леса вышла дева, иными словами не назвать. Она была одета в лохмотья, но спину держала прямо. На голове, как у замужней, лежала коса. Дева посмотрела на Мирону, и тому вдруг показалось, что он ее знает с детства. Ее голос он слышал во снах, ее песни научили его работать с кожей и мехом. У них в Озерске все были рукастыми. — Мастер, — сказала дева, — Не трогай сапоги. — Они твои? — спросил Мирон, — Забирай. — Они принадлежали одному человеку. Он все сделал правильно, и за это был убит. От его тела ничего не осталось. Эти сапоги нужно сжечь или закопать. Носить их — накликают беду. Дева подошла ближе. Она была высокого росту. Ее руки прятались в шали, как у старушки-нищенки зимой. — Что с тобой случилось? Почему ты одна в лесу? Где твой муж или брат? Дева рассмеялась, всплеснув руками. На миг Мирону показалось, что на их месте у нее крылья. Лошадь затопала копытами. — У меня есть защитник, — из чащи вышел белый пес. Он посмотрел на Мирона, и тот отступил. Хватило и ольменовских собак.

— Куда путь держишь? — спросил Мирон.

— Да в Озерск, — ответила дева, — Говорят, вышили-таки портрет Сирина, загляденье как похож. Иду посмотреть. Дева вдруг запела. Черты ее лица потекли, а затем снова застыли. Мирон узнал деву. Это была Анька, его блудная дочь.

Она выглядела точь-в-точь как в день, когда сбежала. На ней был шелковый сарафан. Они купили его на прошлогодней черниговской ярмарке. За сарафан заломили такую цену, что Мирон поначалу отказал дочери в обнове. Она не стала умолять и ушла за пшеном для кур. Позже Мирон увидел, как Анька смотрит в тот ряд, и не выдержал, уплатил серебряный за бабью блажь. Как приданое пойдет, — пошутил. Анька так с сарафаном носилась. Выйдет в огород — сарафан рядом положит, да не абы как, а на полотенце. Спала, повесив сарафан на гвоздь. Как-то Анька поставила на подол пятно, уж вою-то было, писку. Насилу щелочью отмыла. Мирон взгляделся в дочку, она стояла перед ним. Она широко улыбалась, словно не пропадала вовсе.

— Где ты была? Уехала, ничего не сказала. Анюта... Анюта обняла его. Его окутал странный запах. Так пахла сырая земля в летний зной. — Доченька, пойдем домой. — Я не могу, — ответила она, — У тебя уже другая дочь. Что я там делать буду, молодым житья не давать. Я на свадьбе твоей не была, потому хочу сделать подарок сестре. Анюта хлопнула в ладоши, откуда-то налетел ветер. Он взъерошил камыш, развел его в стороны. Там, среди зеленых стеблей, стояла маленькая шкатулка. Она сверкнула. — В ней лежит колечко. Подари его Аглае, как говорить научится. Колечко это не простое, оно ее сделает самой сильной в мире, отведет любую беду. У тебя есть ключ от шкатулки, ты его сбереги уж. Мирон кивнул. Анюта вновь подошла к нему. — Тебе я тоже сделаю подарок. Помнишь ярмарку, ты мальцом был еще. Туда приехали цыгане, и среди них была гадалка.

Грузная женщина в цветастом озерском платке поймала маленького Мирона за руку. Он думал, она хочет отнять лакричный леденец. Люди шли мимо, никто на Мирона не смотрел. Гадалка воняла немывтым телом и чем-то сладким. — Помню. Гадалка смотрела мимо мальчика. Его напугали ее глаза. Они были черными и огромными. Глядя вдаль, она сказала: вижу на тебе печать, никогда не люби, не имей детей, иначе гибель всех ждет. От молодухи приплод не имей, а коли родится — убей его в колыбели. Сила черная в твоём дите будет. Мирон помнил о ее словах. Он никогда не забывал. Когда хоронил жену, то дал зарок — больше не жениться. А потом Пашка повесился, Анюта ушла. Мирон не любил знахарок и прочих деревенских ведьм. Гадалка вон сказала, не женись на молодухе. Первая жена Мирона была даже старше, все равно умерла. Дети его не были злыми, чутка ленивыми, да это не грех. Анютка смотрела на него, ее глаза были ярко-голубыми. Как у матери, как у самого Мирона. — Соврала гадалка, нет над тобою тьмы.

— А как же мать твоя, как брат? Таня меня моложе...

— Этого не было, — сказала Анютка. — А другое тебя не коснется.

И стерлись из памяти те пророческие слова. Постепенно стали исчезать другие воспоминания. Мирон пытался вспомнить, как выглядели первая жена, сын. С лучину он сопротивлялся, картинки в голове переплетались и рушились. На него надвигалось что-то огромное, вечное и темное, как звездное небо. Стерлась из памяти ярмарка, и слова позабылись. Анютка растаяла. Ее здесь и не было, — догадался Мирон. Ведь дочь его была кареглазой, — это последнее, что он помнил о своей прошлой жизни. А потом небо забрало и это. К деве подскочил пес. Он махал хвостом, он скакал вокруг. Кобыла стояла на удивление смиренная. Мирон повернулся, чтобы проверить уздечку. Он услышал шелест крыльев. Внезапно на Мирона обрушился летний полдень. Зашумели деревья, запели

кузнечики в траве. С воды словно доносилась разухабистая пастушья песенка. Дома, за двадцать верст, ждали Танюша с Аглаей. Им ничего не грозило. Мирон засмеялся. Он чувствовал, как с плечей упал тяжелый груз. Мирон не понимал, почему, да это было и неважно. Он подобрал шкатулку.

— Ради тебя, Екатия, — сказала дева. Мирон поднял глаза, но никого уж не было.

А мир почему-то пел.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net